

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

**№ 5 (182)
ИЮНЬ, 2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (182). Июнь, 2019

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Н. В. Патроева, доктор филологических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор,
Президент международного общества Достоевского
(Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении
(Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка, Университет Дзёти
(Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии
(Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор,
Институт российской истории РАН
(Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики
(Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

М. А. БОБУНОВА

доктор филологических наук, профессор,
Курский государственный университет
(Курск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

доктор филологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

доктор философии, профессор,
Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент,
Всероссийский государственный институт кинематографии
имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет
(Москва, Россия)

А. В. ПИГИН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

В. И. СУПРУН

доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-педагогиче-
ский университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 5 (182). June, 2019

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philological Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

E. ANISIMOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg Institute of History of RAS
(Saint Petersburg, Russia)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
V. BARISHNIKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)	S. MIZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)
YU. VASIL'EV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)	V. PLUNGAN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)
M. VITUKHNOVSKAYA
Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)	TH. ROSÉN
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS
(Moscow, Russia)
S. ZOLYAN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences
(Yerevan, Armenia)	K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)
Y. INOUE
Professor, University of Dzei
(Tokyo, Japan)	N. FATEEVA
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)
T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)	M. CHERNYAK
Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen
State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

M. BOBUNOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kursk State University (Kursk, Russia)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
T. GRIDINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)	E. LELIS
Doctor of Philological Sciences, Saint Petersburg
State University for Cinema and Television
(Saint Petersburg, Russia)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)	O. NIKITIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
N. DRANNIKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor, Northern Arctic
Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)	A. PIGIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
P. ZAYKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Eastern Finland
(Joensuu, Finland)	V. SUPRUN
Doctor of Philological Studies, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)
D. KOBLENKOVA
Doctor of Philological Sciences, All-Russian State
Institute of Cinematography
(Moscow, Russia)	L. SHESTAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Орехов Б. В.</i> Специфические слова и выражения русских классиков XIX века: опыт контрастивного корпусного исследования	70
Интервью		<i>Скуридина С. А.</i> Антропонимикон повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон»	76
Интервью с А. Н. Варламовым	8	<i>Соловьева С. А.</i> Синтаксический сочинительный ряд и его функциональные возможности (на материале прозы Б. Пастернака)	82
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		<i>Казаковцева О. С.</i> Расположение компонентов атрибутивных конструкций в древнерусских памятниках XI–XIII веков	88
<i>Дюжнев Ю. И.</i> «Таинственна души работа...» (философская лирика Алексея Авдышева)	10	<i>Розов В. А.</i> Традиционный и морфологически ориентированный подходы к изучению рифмы Корана	94
<i>Миронова В. П.</i> Художественно-стилистическое своеобразие финноязычной лирической песни Карелии (на примере песни о «Титанике»)	18	Дискуссии	
<i>Скоропадская А. А.</i> Вопрос о классическом образовании в публицистическом осмыслении Ф. М. Достоевского	25	<i>Лойтер С. М., Яснов М. Д.</i> О детской литературе, детских поэтах и детском чтении	101
<i>Казакова М. В.</i> Символика деревьев в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) . . .	31	Рецензии	
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		<i>Шарапенкова Н. Г.</i> Рец. на кн.: Кунильский А. Е. Тема «жизни» в русской литературе XIX века и у Достоевского . . .	108
<i>Патроева Н. В.</i> Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтактика тропеических контекстов . . .	37	Память	
<i>Садова Т. С., Руднев Д. В.</i> Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху . . .	43	Памяти Н. А. Криничной	110
<i>Двинагин Ф. Н.</i> Количественная грамматика поэтического текста: некоторые предварительные итоги	48	Памяти В. П. Крылова	111
<i>Костюк Н. А.</i> Научное и художественное постижение мира в прозе В. Солоухина	55	Памяти Т. Г. Мальчуковой	112
<i>Новоселова В. А.</i> Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе.	61	<i>Кунильский А. Е.</i> К 100-летию М. М. Гина	114
		Научная информация	117
		Contents	118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 28.06.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 130

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор филологических наук
А. Е. Кунильский

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Очередной номер открывается интервью с известным русским писателем, доктором филологических наук, профессором Алексеем Николаевичем Варламовым, ныне возглавляющим Литературный институт. Алексей Николаевич хорошо знаком не только филологам: в 2012 году он был в университете, прочел лекцию для всех желающих «Нужны ли традиции русской литературы в современной словесности?» и провел творческую встречу на тему «Литература и история», ответил на многочисленные вопросы и любезно предоставил свою статью «Стоило ли распугивать птиц, или Пришвин в Карелии» для «Ученых записок Петрозаводского государственного университета» (2012. № 5 (126). С. 58–67). Новая встреча на страницах журнала знакомит с его новыми произведениями, деятельностью в Совете по культуре и искусству при Президенте и подтверждает неослабевающий интерес писателя к Карелии, начавшийся еще во время работы над докторской диссертацией «Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М. М. Пришвина». Карельская тематика получила свое отражение и в статьях петрозаводских ученых: Ю. И. Дюжева, В. П. Мироновой, М. В. Казаковой, Н. В. Патроевой, опубликованных в этом номере.

Хотелось бы привлечь внимание читателей к рубрике «Дискуссия», в которой поднимается вопрос о важности изучения детской литературы на филологических факультетах университетов и пединститутов. Петрозаводск (к сожалению, об этом помнит лишь старшее поколение) долгое время был одним из известных центров преподавания и изучения детской литературы: выполнялись курсовые и дипломные работы, защищались кандидатские диссертации, издавался межвузовский сборник научных работ «Проблемы детской литературы и фольклор». В беседе приняли участие известный российский поэт, переводчик, детский писатель, член Союза писателей Михаил Яснов и доктор филологических наук С. М. Лойтер.

Обращаю внимание на публикации в рубрике «Память»: в мае этого года мы простились с нашими дорогими коллегами, известными учеными и любимыми преподавателями: Н. А. Криничной, В. П. Крыловым, Т. Г. Мальчуковой.

Большая статья посвящена 100-летию со дня рождения известного российского ученого-литературоведа Моисея Михайловича Гина, долгое время возглавлявшего кафедру русской и зарубежной литературы ПетрГУ.

Напоминаем авторам, что на сайте журнала опубликованы обновленные требования к рукописям: <http://uchzap.petrsu.ru/info/page.php?id=7>.

А. Н. Варламов на водопаде Кивач, 17.02.2012.
Фото Н. В. Ровенко

Расскажите о Вашем становлении как филолога. Почему филология, а, например, не история, что было бы логичнее? Кто и что повлияли на Ваш выбор?

Это была абсолютная случайность. Я до последнего момента не думал про филологию, собирался поступать на экономический факультет МГУ, но у меня было неважно с математикой, и тут вдруг выяснилось, что на филфаке есть отделение «русский язык как иностранный», куда мальчиков берут практически без конкурса. Ну то есть для сравнения: у девочек проходной балл был 24, а у парней – 17. И девочек у нас оказалось в итоге три, а парней двадцать семь. Звали нас «дубовой рощей», мы не обижались. Гоняли каждый год на картошку, на овощебазы, в стройотряд. Вот и все мое становление. А если серьезно, то мне очень повезло с преподавателями. Я с огромной благодарностью вспоминаю В. П. Аникина, В. В. Кускова, В. Н. Турбина, М. В. Панова, Н. И. Толстого, А. В. Карельского и, конечно же, В. А. Белошапкову, которая была моим научным руководителем. Я начинал как лингвист, защищал диплом по синтаксису и только потом в аспирантуре ушел в литературоведение, но эту лингвистическую, дисциплинирующую филолога закваску очень ценю.

Ваша докторская диссертация посвящена творчеству М. М. Пришвина, в ЖЗЛ Вы также подготовили книгу о нем. Как Вы считаете, интересен ли сейчас писатель и так называемая советская литература? Мы наблюдаем по прихо-

Интервью члена редколлегии журнала А. Е. Кунильского с доктором филологических наук, ректором Литературного института, писателем и публицистом, членом Совета по культуре и искусству при Президенте РФ АЛЕКСЕЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ВАРЛАМОВЫМ

дящим в наш журнал статьям отсутствие исследований по данному периоду... Или это только у нас такая картина?

Да, мне кажется, все интересно. Чем ни займись. И по большому счету Демьян Бедный ничуть не скучнее Мандельштама, например. Да, он не такой великий, глубокий и сложный, но все равно интересный. И Пришвин – тоже очень занятная фигура. Он, с моей точки зрения, прожил идеальную жизнь. С одной стороны, не скурвился, не торговал собой, а с другой – всего добился, всего у него было в достатке и прожил жизнь, как хотел. Не сразу, конечно, но в конечном итоге вышел победителем. Писал для современников вещи относительно проходные, а потомкам оставил свой великий дневник.

Когда-то русские писатели ставили перед собой задачу изобразить положительного героя, как они его видели (Чернышевский «Что делать?», Достоевский «Идиот»). В советский период к этому призывала литература партия, и соответствующих попыток было много. Считают ли это актуальным для себя современные писатели?

Писатели все разные. Сейчас я не думаю, что кто-то кого-то призывает, кроме издательских бренд-менеджеров (брр, слово какое!), так что, если автору хочется вывести идеального героя, он его выводит. Нет так нет. Я, скажем, попытался такового изобразить в романе «Душа моя Павел». Но не потому, что мне кто-то сделал такой заказ, просто так захотелось.

Насколько востребованными, по Вашему мнению, являются сейчас традиции антинигилистического романа?

Не знаю, не вижу пока. Но если взять лесковские «На ножах» и «Некуда» или «Бесов» Достоевского, пусть даже «Отцов и детей», то в современной литературе я таких параллелей не могу отыскать. Но я же не все читаю, может, что-то и есть...

Как Вы относитесь к реформированию литературного образования в школе? В связи с новыми программами и списками произведений для чтения вопрос к Вам как одному из ведущих отечественных писателей и профессору в одном лице: какие, на Ваш взгляд, 10 современных книг (или авторов) должны быть в обязательном порядке прочитаны учителями литературы, старшеклассниками, студентами и всеми, кто хочет знать современную литературу?

Плохо отношусь. Оно уже так отреформировано, что лучше бы оставили его в покое. И вернули бы полноценное сочинение. Что касается списков для чтения, то в обязательном порядке не скажу. Думаю, что вся современная литература для изучения в школе факультативна, и выбор тут зависит от вкуса учителя. На мой вкус – Евгений Водолазкин (Лавр. Брисбен), Гузель Яхина (Зулейха открывает глаза. Дети мои), Захар Прилепин (Санька. Обитель), Павел Басинский (Лев Толстой: бегство из рая), Андрей Геласимов (Жажда), Алексей Слаповский (Большая книга перемен), Алексей Иванов (Географ глобус пропил), Борис Екимов (рассказы). Из недавно ушедших авторов – Леонид Бородин (Год чуда и печали), Владимир Маканин (Асан).

Для любого автора самая лучшая книга – это та, которую он еще не написал. Однако, как Вы сами считаете, какие из Ваших произведений наиболее высоко оценены критиками и простыми читателями, что из уже написанного будет востребовано и много лет спустя?

Пожалуй, самой заметной стала повесть «Рождение». Я получил на нее много откликов, а также свою первую крупную литературную премию. Мне также дорога моя повесть «Дом в деревне» и два последних романа – «Мысленный волк» (подробнее о романе см.: Варламов А. Н. Мысленный волк // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2015. № 3. С. 303–307. – А. К.) и «Душа моя Павел». Что касается востребованности через много лет, то от этого вопроса увольте меня, пожалуйста.

Когда мы сможем познакомиться с Вашей новой книгой?

Когда я ее напишу. Не знаю пока. Ну не очень скоро, это точно.

С 2011 года Вы являетесь членом Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Расскажите, чем занимается этот Совет, какие вопросы рассматривает? Слышны ли там голоса общественности? Каковы достижения Совета за последние 2 года?

Совет проводит очень большую работу по защите культуры от произвола чиновников. Вот характерный пример. Когда в 2012 году Литинститут (я тогда еще не был его ректором) попал в список так называемых неэффективных вузов, именно Совет по культуре помог в этой ситуации. И всякого рода имущественные, иногда кадровые вопросы решаются, обсуждаются в нашем Совете. При этом Совет свободен от идеологический предвзятости нынешних СМИ, штатных и внештатных пропагандистов, и, например, ни слово «либерал», ни слово «патриот» в нем не являются ругательными. У нас действительно уживаются люди самых разных взглядов, вкусов, главное условие – профессионализм. То есть я считаю, что мы обеспечиваем некий баланс разных сил и здравый подход к культуре. Сегодняшняя важнейшая задача Совета – работа над Законом о культуре, который опять-таки призван обеспечить наиболее благоприятные условия для развития всех видов культурной деятельности и произвести изменение в самом подходе к культуре, чтобы из сферы услуг она превратилась в общественное благо, а государство было призвано максимально обеспечить гражданам доступность этого блага при полной свободе творчества.

И, наконец, последний вопрос. Вы были в Карелии, в Петрозаводске, выступали перед нашей аудиторией. Каково Ваше мнение о нашем крае, городе и Петрозаводском университете?

Я очень люблю Русский Север, люблю Карелию и много лет подряд езжу сюда отдыхать. Первый раз оказался студентом-первокурсником, мы ходили в лыжный поход по Онежскому озеру, и ночевки в палатке в зимнем лесу, нодья, огромные деревянные дома – все это живо в моей памяти. Затем много раз приезжал летом в такие традиционные водные походы на байдарках по Энгозеру, озеру Кереть, Уросозеру, Сандалу, Сямозеру. На последнем мы часто жили с семьей на базе отдыха СТД рядом с поселком Сяпся. Там была чудесная финская дача, построенная актерами Финского драмтеатра. К сожалению, в прошлом году она сгорела... Что касается города, то он прекрасен, и в нем живут и работают очень хорошие писатели: Ирина Мамаева, Дмитрий Новиков, Елена Пиетилийнен. Очень высоко ценю журнал «Север» и, конечно же, «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДЮЖЕВ

доктор филологических наук, независимый исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
disp37@yandex.ru

**«ТАИНСТВЕННА ДУШИ РАБОТА...»
(философская лирика Алексея Авдышева)**

Рассматривается лирика поэта из Петрозаводска Алексея Ивановича Авдышева, чье мировосприятие содержало философскую систему взглядов на мир и человека. Целью статьи является внесение посильного вклада в развернувшуюся в современном российском литературоведении научную разработку и теоретическое обобщение закономерностей развития русской литературы XX века как единого процесса, у которого есть свои истоки, этапы роста и дальнейшего развития. Впервые в российском литературоведении творчество этого автора анализируется под таким углом зрения, что позволяет понять обусловленность развития искусства региона Европейского Севера духовно-культурными и этническими факторами и одновременно говорить о внутреннем единстве литературного процесса на всей территории России. Актуальность такого исследования объясняется возрастанием на современном этапе роли искусства в формировании гармонически развитой личности, в патриотическом воспитании человека. Анализируется индивидуально-личностный опыт А. Авдышева в его взаимоотношениях со временем, с миром природы, с любимой женщиной, в размышлениях о себе, о своей судьбе, о призвании и долге художника. Высокая степень лирической субъективности любовной лирики А. Авдышева сближает его поэзию с творчеством русских поэтов А. Фета и Ф. Тютчева. И хотя поэт сознательно ограничивает себя зоной личного обзора и верен в стихах отчетливо выраженному исповедальному началу, его лирический герой, познающий мир, испытывает потребность высказаться о событиях прошлого и дать оценку тому, что происходило и происходит в России. С идеей «возврата к природе» связана концепция бессмертия поэта как продолжения жизни человека в его делах. Одной из форм «возврата к природе» было стремление Авдышева к «опрощению», к жизни в своем доме в деревне на острове Киж, рядом со знаменитым памятником русского деревянного зодчества, к занятию обычными крестьянскими делами. Сам факт вечной жизни природы осмысливается автором как доказательство близкого ему тезиса, что природа – первоначальная форма существования, которая восстанавливает целостность человеческой личности. Жизнь предстает в стихах Авдышева как нескончаемый процесс развития и обновления, включающий иногда и остановку внутренней жизни, требующую чистки души. Лирический герой поэта естественно движется в потоке реальной жизни, порой испытывая на себе влияние взаимоисключающих тенденций действительности.

Ключевые слова: литература Карелии, философская лирика А. Авдышева, герой, время, общество

Для цитирования: Дюжев Ю. И. «Таинственна души работа...» (философская лирика Алексея Авдышева) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 10–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.345

ВВЕДЕНИЕ

Исследуя русскую литературу XX века, ученые стремятся раскрыть в литературно-историческом и проблемно-теоретическом направлениях непрерывность реалистической традиции, многообразие художественных форм и приходят к выводу о значимости преемственной связи с прошлым, наследования и освоения духовных богатств, накопленных предшествующими поколениями. Новизна таких трудов заключается

«с одной стороны, в обращении к национальному опыту и высоким эстетическим традициям, наработанным русской культурой, создавая сложнейшие взаимодействия, перекличку, внутренний диалог традиций, а с другой – в постоянном наращивании новых качеств, непреходящем процессе эволюционного развития. С высоты завершившего свой путь XX столетия есть возможность увидеть и проследить эти закономерности

развития, обретаемые подчас в самой неблагоприятной исторической ситуации» [7: 4].

Опыт русской философской лирики XX века (Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, А. Твардовский), тесно сопряженный с замечательными традициями русской классической поэзии, показывает, что она бережно унаследовала

«ту высокую эстетическую настроенность, которая в русской медиативной лирике так часто и естественно переходила в гражданственность, так закономерно обогатилась пафосом служения человеку и обществу во имя высоких нравственных идеалов» [13: 178].

Поэты России, развивавшие в XX веке философскую поэзию, строили свой мир по высоким нравственным ориентирам. Одним из тех, кто на протяжении всей творческой жизни способствовал утверждению в сознании общества передовых

гуманистических идей, был Алексей Авдышев (1928–1997)¹, почти одновременно принятый в Союз писателей (1956) и в Союз художников (1957). Он начинал свой творческий путь на том начавшемся, по словам М. Л. Гаспарова, в 1955 году этапе развития русского стиха, когда

«основное ядро стихотворных форм остается тем же, но вокруг него четче выделяется оттеняющая экспериментальная периферия. Наиболее заметны в ней, с одной стороны, интерес к предельно строгому сонету, с другой – к предельно раскованному свободному стиху» [2: 293].

Пафос и образность поэзии А. Авдышева с первых книг стихов («Северные зори», 1956; «Край озерный, край лесной», 1964) подразумевали особую конкретность в поисках гармонии человека и природы, однако не всегда она получала подлинно художественное воплощение. Его поэтическое творчество было кровно связано с судьбой Заонежья [5], но тогда еще не было глубоко страдано, чтобы стать подлинным искусством. И только когда в стихах Авдышева более активную роль стала играть подчеркнута личная авторская оценка, раздумья о таких вечных понятиях, как совесть, доброта, сострадание, и зазвучал голос взволнованной, встревоженной души, Авдышев вышел на уровень лучших достижений современной ему поэзии Карелии и Европейского Севера [4].

«Интересными, плодотворными и поучительными» называл Э. Г. Карху процессы, происходившие в поэзии Карелии 1970-х годов:

«Они связаны с поисками новых путей лирического самоуглубления, поисками естественными и закономерными, без которых развитие поэзии было бы немислимо. Они находятся в русле поисков всей современной советской поэзии» [8: 133].

Своего рода пограничным рубежом от принципа отражения действительности в формах самой жизни к метафоричному, экспрессивному поэтическому мышлению стал сборник стихов и гравюр Авдышева «Красные снега» (Петрозаводск, 1977). Открывался он стихами-впечатлениями от поездок по Северу, мало чем отличавшимися от заметок из журналистского блокнота. Автор видел на Диксоне «тундру в ледяном плену» («Красные снега»), «реки под властью зимы» («Есть реки...»), слышал «гул вездехода, стон мошкар» («В тундре») и «гул рыбацких просторов широких» («Хорошо из поездок далеких...»). В этих стихотворениях все еще встречались образы не имеющих индивидуальных черт героев, картины старой и новой жизни с целью показать величие перемен. Но начиная со стихотворения «Тебя от меня отнимают больницы...» в диалог с читателем вступает совсем другой поэт – потрясенный выпавшими на его долю большими испытаниями (болезнь и смерть любимой жены), чья художественная мысль поражает глубиной и сложностью [3]. «Жене и другу Валентине

Михайловне Авдышевой» – таким посвящением открывалась книга «Красные снега», в самом названии которой со свойственной художнику образностью была передана степень охватившего человека горя, когда «боль пронзает сердце» («Слабей пожатые сильных рук...»), когда приходится «криком в душе исходить и молчать» в окружении людей.

Мне не забыть твоё лицо в предсмертный миг,
Сквозь забытьё и морфий взгляд и крик.
В непостижимой тайне унесен
Незаданный вопрос того, кто не спасен...²

После всего пережитого в лирике Авдышева появляются «напоены печалью» описания осеннего неба с криком улетающих журавлей, запахом тленья опавших листьев в парке и сменяющий эту картину зимний пейзаж с его «застылостью дней» («Глухое небо...»). А сам поэт сравнивает себя с обугленным морозами черным деревом посреди засыпанной снегом «холодной и строгой» безжизненной равнины («Я, как черное дерево зимней порой...»). Его душевные муки беспредельны: «И нету слез на ветровом просторе, / всё слышу голос: “Милый мой, спаси!”» («Ещё она могила на Руси...»). Все это производит впечатление мгновенных эмоциональных вспышек, которые идут из глубины утасующей от несчастья человеческой души, которая «в никуда и в ничто провожает / уходящие радости дней» («Настоящее переживая...»). Мысль поэта пытается как-то систематизировать бессознательную горечь невозвратимой утраты в этих тревожных и опасных для человека чувствах и найти утешение в религиозных догматах о встрече с любимой после своей смерти там, на небесах («О, как хочу умом и сердцем верить, / что все-таки свиданье – впереди»). Но и это не облегчает переживания, и жизнь вдовца кажется утратившей смысл, ибо потерявший любимую поэт «вечной разлукой болен» («Не сдался я»).

«Лирико-философский цикл А. Авдышева, посвященный “трагедии бытия, поединку любви и смерти” и написанный на смерть жены и друга В. М. Авдышевой, был достойно оценен Е. И. Марковой на страницах коллективного труда “История литературы Карелии”» [10: 272].

Высокая степень лирической субъективности любовной лирики А. Авдышева сближает его поэзию с творчеством русских поэтов А. Фета и Ф. Тютчева. Для этой «мелодической» линии в русской поэзии характерны, по словам Б. Бухштаба,

«значительная степень лирической субъективности в подходе и к внешнему миру, и к душевной жизни, стремление прежде всего выразить настроение поэта... с переносом смыслового центра на эмоциональные опоры слова» [1: 60].

Цикл из 15 стихов «Там, за озером синим» (Север. 1982. № 10. С. 60–61) отразил раздумья поэта о драматизме эпохи и смысле жизни,

о нравственных ценностях, проверенных опытом народной жизни. За минувшие семь лет со дня смерти жены горечь утраты хотя и не ушла совсем, но заметно смягчилась, что позволило уже в ином ключе обратиться к ушедшей в небытие любимой:

Ты отпусти меня – тебя забыть позволь.
Я знаю, что пройдет, утихнет эта боль
И в строчках время отольет страданье –
Далекое, седое, как преданье...
Забуду губы я твои, забуду руки,
Лишь только имя выплывет в разлуке.

Эти строки – не измена любимой, а начало выхода из духовного кризиса, когда «воспоминанья, утешая, / пережитое воскрешая, / скользят во мне легко, как тень». Подобное состояние души В. Ф. Эрн называл «скорбью» и писал, что

«это уже не острая боль и не резкие страдания предыдущего духовного состояния, но тем не менее это – печаль, а не радость. Глаза постепенно привыкают к предметам, освещенным солнцем, боль утихает, душа просветляется и уже совсем не хочет назад, но она еще не полна, она в ожидании и тоске...» [16: 474].

И вновь необходимым условием творческого возрождения становится поездка в Заонежье, где «плывут облака белоснежной гурьбой» и поэт чувствует себя «свежо, глубоко»: «И пасмурная даль ясна, / и небо низкое – высоко!» Он входит в деревенскую избу, где «шепчут рябины у крыльца», и с благодарностью вспоминает проведенные здесь с любимой радостные дни, когда «жизнь казалась бескрайнее моря». Теперь, на расстоянии от случившейся личной трагедии, поэт пробует осмыслить бытие в усложнившихся для него нравственных связях с обществом. Ему, «заглянувшему в бездну», необходимо понять, почему именно его судьба подверглась такому жестокому испытанию. Он вспоминает свою жизнь, которая до поры до времени шла в гору. И постепенно приходит к правоте мысли, высказанной Ф. Тютчевым: «Поэт всемогущ как стихия, не властен лишь в себе самом»³. Как писал по этому поводу В. Ф. Эрн, каждый певец поет волею и даром свыше не только потому, что ему так хочется, но и потому, что его подхватывает поток вдохновения, который больше и мудрее его: «Если жизнь понимать п р е р ы в н о – а иначе ее нельзя понимать, – каждый должен идти своим путем – делать до конца свое дело» [15: 293]. И тогда, размышляя Авдышев в стихотворении «Читая словари», «своей особой красотой сверкнет / в пыли времен отысканное слово».

Теперь поэзия Авдышева в большей степени сосредоточена на внутреннем мире человека. И хотя поэт сознательно ограничивает себя зоной личного обзора и верен в стихах отчетливо выраженному исповедальному началу, его лирический герой, познающий себя и окружающий мир, испытывает потребность высказаться о событиях прошлого и дать оценку тому, что происходило

и происходит в стране. Из истории России поэт выбирает такие события, которые вызывают в нем чувство гордости за слово «Русь». Со страниц книги «Заонежье» (Петрозаводск, 1984) поэт напоминает о своей родословной («Шил корабли в Лодейном Поле / мой прадед для царя Петра») и не скрывает радости от причастия семьи к подвигу тех, кто шел «за славою под флагом русским» («Мой прадед»). Он призывает молодое поколение не забывать об «истоках российских» и чаще называть своих сыновей Иванами, ведь «в нелегкой работе, в боях неустанных / стояла Россия всегда на Иванах!..» («В огромной России рождаются дети...»). А когда поэту «под тяжестью строки» «не пишется», перед его глазами всплывает духовная красота и мощь церковей и храмов Соловецкого монастыря, Суздаля, Кижей («Стоят в глазах передо мной...»).

А. Авдышев, несомненно, был человеком искренне верующим, хотя его религиозность была глубоко запрятана, и ее следы, скрытые в художественной ткани «Заозерья», приходится выискивать и выделять. Героиня стихотворения «Старушка» «взволнованно, тайно / чертит пальцами в воздухе крест». Космонавт из стихотворения «На третьем небе рай библейский был...» там, «на невозможной высоте... / увидел краски те, / что мы не знаем в нашей красоте». Задумывающийся о неизбежности смерти лирический герой стихотворения «Мне, заглянувшему в бездну...» мечтает быть похороненным внутри церковной ограды: «Знаю, что тоже исчезну, / примешь ли, древний погост?» Последние годы поэт жил с религиозной верой в бессмертие человеческой души:

Когда умру, не закрывайте мне глаза!
Пусть кажется, что я живым не внемлю,
Я все равно из-под земли, сквозь землю,
Увижу, как беснуется гроза,
Как движется смолой пропахший воздух...
...С живыми навсегда пребуду в непокое.
Ненужная пусть не сверкнет слеза.
Когда умру, когда придет такое, –
Не закрывайте мне глаза!⁴

С идеей «возврата к природе» связана концепция бессмертия поэта как продолжения жизни человека в его делах. Одной из форм «возврата к природе» было стремление Авдышева к опрощению. В стихотворениях «Я радости простые полюбил...» и «Пропахну я сеном, деревней, парным молоком...» образно передано счастливое мироощущение поэта у себя в деревне. В будничных крестьянских делах он «веселый и бравый»: «Я свой на этой северной земле».

«Своим», «как будто дома» чувствует себя поэт в избе у деда Михея и бабы Кати в деревне Боярщина, где «красный угол в образах». Ему «с детства знакомы» простая еда на столе: икра из ряпушки, блины, рыбник. Ему хорошо у стариков, в чьих глазах «светит доброта» («Старый дом...»). И закадычных друзей своих он выбирает

из простых тружеников. Это мастер по шитью лодок Р. Ермолин (ему посвящено стихотворение «Шитье лодок»), плотник-реставратор Н. Степанов (ему посвящено стихотворение «Сидеть бы нам, дружище, за столом...»). Поэт в восторге от «резного узорочья» изб («Здесь мне отрадно, хорошо...»). Ему «сердцем проще» при виде «далеко уходящей равнины», где «церкви русские стоят» («Как витязи, венчанные шеломом...»).

От перенесенных страданий во время смертельной болезни жены, от собственного приближения к смерти поэт приходит к убеждению, что цель жизни – в самой жизни, в том, что она продолжается, не иссякая. Отсюда возникает обожествление этического начала в природе, ее самостоятельности по сравнению с жизнью людей: «Нескончаема песня природы, / несмолкаемо всюду звучит!» («Нет в уснувшей природе молчанья...»). Сам факт вечной жизни природы осмысливается автором как доказательство близкому ему тезису, что природа – первоначальная форма существования, которая восстанавливает целостность человеческой личности. Поэтому в его пейзажной лирике нет отточенных деталей в описании лесов, озер, небес, а есть привычные для автора черно-белых гравюр черновики будущих изображений: «волна крутая», «крепкий ветер штормовой», «ивы в кроткой красоте». Лирический герой стихотворения «Задумчиво гляжу на небеса...» любит вид облаков, которые «легки, летучи, белы» и видит в них свободное проявление духовной жизни:

И с ними я оторван от земли,
Легко парю над волнами, как птица,
Исчезну в розовеющей дали
И не смогу обратно возвратиться!⁵

Рисую природу Заонежья, Авдышев моделирует некий «земной рай» и тем самым сближается с онтологическими воззрениями Руссо, не только допуская, но и будучи уверенным, что уже нашел его на острове Кижи, где забыл пороки городской цивилизации и выстроил для себя наилучшую форму человеческого существования:

Иду я лугом – утренняя, росистым,
С природой душу вновь соединю.
Хочу, как жаворонок в небе чистом,
Пропеть хвалу сегодняшнему дню!⁶

Это непосредственно переданное опьянение полнотой жизни в людях и в природе помогает лирическому герою Авдышева окончательно расставить вехи в своей личной жизни: поставить точку на трагических переживаниях прошлого («Ты утратила власть надо мной...») и почувствовать желание испытать жизнь «любовью и влюбленностью нестрогой» («Испытывает жизнь меня врагами...»). «Уже не верящий судьбе», он начинает петь гимн любви, которая «гаснет и вновь горит во мгле» («Нет светлей и лучше краски...») и высказывает надежду, что «будет –

гостем негладным – нежность» («Будет – радость безоблачных дней!»).

Название первой опубликованной в столице книги Авдышева – «Возвращенная весна» (М., 1985) говорило о привлекательном для автора «возрождающемся воздействии» литературы на общество через гармоническое восприятие жизни с осуществлением заповедей любви и добра. Из 90 стихотворений более половины публиковались в предыдущих сборниках поэта. Из своего творческого наследия автор отобрал такие произведения, которые позволяли бы читателю оценить мастерство, с которым он изображал красоту природы и полноту жизни, игру человеческих чувств и отношений, полную любви преданность ставшему родным для поэта Заонежью и населяющим этот край простым людям.

Любовью к человеку и верой в него пронизан и цикл стихотворений Авдышева, возвращающих читателя к событиям довоенных и военных лет. В памяти поэта всплывает его первая любовь, одноклассница «с чистой улыбкой и ямочкою на щеке»: «Ты к ней бежишь травой росистой, / весь полон счастья...» («Последнее перед войною лето»). Он словно наяву слышит звуки патефона на танцах во дворе в памятную предвоенную июньскую ночь и не может забыть «скупой, прощальный взгляд отца» («Еще парнишка оробелый...»). Из глубины подсознания всплывают картины блокадного Ленинграда, где «с братом, с сестрою прощался / в сорок первом году» («Я, мальчишка, один остался...»). В стихах о войне главным остается достоверность изображения с соблюдением меры трагических подробностей. Увиденное и испытанное в ленинградской блокаде не могло убить в юноше веры в человека, в гармонию существующего мира, потому что он повсеместно в окружающей жизни видел примеры патриотизма («мы слышали святое – “фронту надо”») и ощущал тесную связь своей судьбы с судьбой народа: «Мы цену той, рабочей пайки хлеба / узнали, повзрослевшие мальчишки!» («К нам приходило раннее познание...»).

Появление «скрытого стержня» в характерах «детей войны» Авдышев объясняет высокой степенью национального сознания, взятого в его высших духовных проявлениях. «Нам крылья родина дала», – пишет он в стихотворении «...Войны Отечественной дети...». Как реквием звучит стихотворение «Сюда идешь ты в день воскресный...» о посещении братского кладбища погибших воинов, заканчивающееся призывом к современникам – помнить и чтить подвиг павших, ибо «мертвые всегда живые, / пока мы сердцем помним их!».

Любовь к живому в природе и людях объединяет крупный массив из 50 стихотворений о северной природе. Лирический герой поражен жизнестойкостью двух маленьких березок, что прижались к ледяной земле тундры и «стоят все-му наперекор!» («Березки в тундре»). Он готов

«припасть к родной волне заонежской» и «в ладонях удержатъ» «ветер, полный силы свежей» («Я часто, постояв у карты...»). Здесь все самое лучшее в мире: «чище воздух», «небо – выше», «зеленей листва», «тишина полней и тише», а главное – «здесь сердце сердцу говорит» («Большое, малое Онего...»). Но даже в этих ранее написанных и жизнеутверждающих стихах уже встречаются иные тональности человека, в силу своей инстинктивной мудрости осознающего, что в стране и мире настали иные времена, что присущее ему как поэту органическое восприятие всяких явлений космической и человеческой жизни уходит в прошлое под натиском рационализма, который, «считая личность за безусловно иррациональное, воспринимает весь мир в категории вещи» [15: 291].

Издатели и кураторы из советской цензуры в принципе не могли осознать реалистическую правду языка символов, которыми всегда говорило и говорит подлинное искусство. В этих условиях было крайне сложно противостоять мертвой вещности рационалистического мышления, прозревать в личности образ и подобие Божие. И тогда у таких тонких и совестливых артистических натур, как Алексей Авдышев, начинало звучать в стихах понимание роковых пределов и граней в жизни и литературе:

Я замечал у стариков
В живых глазах потусторонность,
Как бы от жизни отстраненность,
Глядящую из тьмы веков.
Еще не отданы земле,
Они пронзали душу взглядом,
А сами плыли в полумгле,
Не вровень с жизнью, где-то рядом...⁷

«Как бы от жизни отстраненность...» «в полумгле» размышлений о смерти все чаще овеивает и стихи Авдышева. Для него, как и для В. Ф. Эрн, «цивилизация есть изнанка культуры, овеществленный рационализм» [15: 284], и он в полной мере осознает инстинктивную мудрость природы, когда остается с ней наедине.

В отличие от схоластики рационалистической философии герой Авдышева после испытания себя одиночеством, после типичных для творческой личности периодов усталости и разочарования в себе и в своей профессии вновь возрождает огонь вдохновения, волевое усилие творчества, возрастающие требования к целям и задачам бытия. Он понимает неповторимость жизни и предпочитает «ни о чем, грустя, не сожалеть»: «Ведь оттого, что рядом ходит смерть, / милее жизнь» («Пусть угасанье, потуханье, спад...»). Он сознает подвижность и непредсказуемость явлений космической и человеческой жизни («Видишь порой в нескрываемой ясности – вдруг начинаются невероятности...»), но

это лишь укрепляет его личную философию свободы: «Снова мне жизнь нескончаемой кажется!»

Свое 60-летие Авдышев встретил, держа в руках книгу «Сердце моё» (Петрозаводск, 1987). В трех сотнях стихов сборника своеобразно преломились раздумья о назначении человека и нелегких путях Отечества. «Со всеми вместе на Руси / поликовал, нагоревался», – подводил «предварительные итоги» поэт. – «Живым для новых дней остался / – успеем быть на небеси...». В этом обтекаемом заключении чувствуется усталость от беспрестанных перемен «перестроенной» ситуации. Для поэта по-прежнему Заонежье – «сердцу отрада», но его вдохновение гаснет от «терзающих душу» мыслей о разрушении прежнего крестьянского уклада. Он сознает, что уже не удастся «спасти и уберечь» мастерство возводивших церкви и часовни местных плотников. Он убедился, что уходит из жизни деревни фольклор («Заонежье! Ты – сердцу отрада...»). На его глазах произошло исчезновение многих знакомых ему поселений, на месте которых остались брошенные людьми избы («Природа, ты нищенки нынче бедней!...»). Лирический герой стихотворения «Не взляял пес, меня встречая...» заглядывает в одну из таких опустевших деревень и видит заросшее травой поле, пробившийся через крыльцо избы «огонь лиловый иван-чая»: «Лишь ворон, пролетая, каркнет / И эхо вздрогнет и замрет». Ранее Авдышев творил в сотрудничестве и во внутреннем согласии с живой средой. Позднее он понял, что его одинокие усилия уже не смогут спасти самобытное бытие русского крестьянства и наступающий рационализм обесмысливает культуру, делает ее в своих основах призрачной. Вместе со своим поколением он стал «мудрее и старше». Поэту «надоели парадные марши / и бодрячество передовиц» в недавнее «время поздно осознанной лжи», когда появилось много «фальшивых солнц». Остается только сохранить честь и достоинство, чувство справедливости, христианскую сострадательность и уверенность, что история не закончена:

Приходит настоящее – уходит,
И остается будущего миг.
И будущее станет настоящим.
Так проживи как следует его,
Ведь и оно родилось уходящим,
Мгновенным – и не более того...⁸

Жизнь предстает в стихах Авдышева как нескончаемый процесс развития и обновления, включающий иногда и остановку внутренней жизни, требующую чистки души: «Таинственная души работа, / ее глухих дорог – не счесть!» («Живем в предощущении чуда...»). Лирический герой поэта естественно движется в потоке реальной жизни, порой испытывая на себе влияние взаимоисключающих тенденций действительности. На собственном опыте он убедился, что

в поиске истины все зависит от поединка «предательства и доброты» («Истину ищешь – у мудрых спроси...»). Он был неприятно удивлен, когда после завершения творческого проекта увидел зависть на лицах коллег. Это стало не только жизненным уроком, но и подстегнуло желание «усталость гнать прочь» и «не щадить себя в работе» («Его не любят за удачу...»). Вспоминная «грозную тревожность» таких моментов жизни, «когда решение – судьба», поэт признается, что самым тяжким в этом случае были «возможность-невозможность / в себе вконец убить раба!» («Прозренья тяжкие минуты...»). Со временем пришла известность, «я дальше вижу, больше понимаю», но от этого жизнь профессионального художника и поэта не стала легче: «Зачем мне мудрость, если нету сил?» Зачем обретенное мастерство, если «молодым чужой не нужен опыт?», – они идут своим путем ошибок и потерь («Судьбы удары молча я сносил...»). Лирический герой Авдышева приходит к преобладающему настроению замкнутости на себе, к уходу в одиночество. У него возникает ощущение, что он все видел, все познал. Он замечает за собой нарастающее равнодушие к событиям вокруг себя и к судьбам окружающих людей, потерю интереса к переменам в погоде и к чтению: «Даже к врагу не шевелится ярость – / так начинается старость...» («Ты это видел, ты это знаешь...»). За спиной старости стоит смерть, и мысль о ней, о вечном, все чаще вторгается в поэзию Авдышева. Как и обычные смертные, его лирический герой испытывает «сжигающий страх» при мысли о краткости отведенного человеку отрезка времени, душа его «в печалах томится», мучает один и тот же вопрос: «Не мне ли зловещая птица / в ночи иступленно кричит?»⁹. Он ищет «смысл жизни мудрый и простой...» и видит его в бытии старого бакенщика, который жил «с душою непустой», веруя в свое призвание: «Зажечь огонь и передать другим» («Жаль бакенщика – умер он вчера...»).

В желании опроститься, слиться душой с nature герой Авдышева начинает подвергать сомнению избранную им творческую профессию, отдав которой сознательную жизнь, все чаще ловит себя на мысли, что в ней он «чужой себе, как посторонний». На появлении такого настроения сказывается пошатнувшееся здоровье («и в сердце боль, и жар, и лед»).

Жизнь, которая выглядела столь прекрасной в молодости, оборачивается обратной, порой неприглядной стороной, ибо «уходящему видней // ухищренья всякой фальши...» («Мчатся годы...»). Все в жизни оказывается непредсказуемым: «счастья жаждущий» познает горе; бредущий по лесной тропинке теряет ее и обратно не находит пути.

Наглядным примером трагического одиночества поэтов для Авдышева служит история последних лет жизни Марины Цветаевой («О, грозное поэтов бытие!»).

Окрепшие со временем в поэзии Авдышева мотивы человеческой двойственности, нарушения гармонии в обществе, живущем в мире узаконенного греха, могут быть объяснены не только личной драмой в семье, но и начавшимся в перестройку распадом единства советского общества и прежнего равновесия духа.

«К середине 1980-х годов, – писал исследователь русской поэзии Александр Михайлов, – в стране, в умонастроениях народа назревали и затем произошли перемены. Изменилось отношение к литературе, образовался новый, еще не вполне осмысленный книжный рынок... Другие времена, другие нравы...» [12: 75].

В поиске гармонии в этих условиях Авдышев сближается с наиболее существенными сторонами учения и искусства Льва Толстого, который искал выход из построенного на насилии общества в непротавлении злу, в поиске единства и гармонии, в нравственном долге человека. От осознания абсурдности избранного пути лирического героя поэзии Авдышева спасают надежды на осуществление человечности через заповеди любви и добра. «Со смертью в споре» у поэта побеждает любовь, которую он называет «продолженьем жизни в человеке»: «Нас любят – нам сияет счастья свет!» («Любовь»). Высшей духовной гармонией в поэзии Авдышева, как у Л. Толстого, является женская красота, которая несет в себе облагораживающее начало: «Навек безрассудно полюбит – и станет крылатой душа» («И что в ней такого?»); «Женщина такая одарит / ласкою и силою могучей» («Сколько женщин тихих и простых...»). Было близко Авдышеву и лежащее в основе философско-этической концепции Л. Толстого убеждение, что только работа над собой может приблизить победу всеобщего блага. Поэт прошел через трудные испытания, чтобы вернуться на тот путь в жизни, который он выбрал по зову сердца, будучи уверен, что «золотого чекана строкам – не ржаветь!» («Это ваша, поэты, и радость и мука!»). Из таких «золотого чекана строк» составлены завершавшие книгу «Сердце моё» катрены, каждый из которых обращен к сложным проблемам социального и нравственного бытия современника и освящен уверенностью автора в высоком предназначении поэзии:

Работая, я в творчестве сгораю.
И, на последней унесен волне,
Я, умирая, целый мир теряю,
И мир теряет целый мир во мне¹⁰.

Через десять лет вышла последняя прижизненная книга стихов А. Авдышева «И свет,

и тень», на презентации которой в Музее изобразительных искусств 27 декабря 1997 года у него случился инсульт. Через четыре дня, 31 декабря, в канун Нового года, он скончался. От лица ценителей таланта Алексея Авдышева Ю. Шлейкин писал о значении творческого наследия поэта и художника:

«Созданные им художественные образы Карелии, Заполярья, всего Севера стали классикой отечественного искусства. Свои циклы-разделы есть и в поэзии Авдышева. Здесь, конечно, больше лирики, но в последние годы его стихи стали во многом философскими, с мощным социальным зарядом. То, что он не может выразить резцом – стихителем, он говорит словом. И, как в гравюрах, где лишь два цвета – черный и белый передают всю красоту окружающего мира, так и в его лаконичных стихах ощутимы все нюансы мыслей, чувств, переживаний. Как в гравюрах Авдышева можно окунуться в красоту, мощь и силу Севера, так и в последних стихах ярко видны его боль, переживания о судьбах человека и страны, мечты поэта и его надежды» [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Алексея Авдышева – еще один пример того, что во второй половине XX века

в русской поэзии России существовала внутренняя преемственность, суть которой – в постоянном стремлении литературы региона к новым художественным рубежам [6]. Это движение литературы опиралось на все достигнутое ранее, на культурное наследие прошлых поколений, национальные традиции [9]. Благодаря высокой культуре письма, художнической зоркости, гражданственности поэзия во многом определяла лицо и русской литературы Карелии и Европейского Севера, поскольку в ней, в том числе и в творчестве А. Авдышева [11], [17], [18], были чутко уловлены дорогие сердцу мысли о необходимости воспитания чувств, понимания каждым человеком опыта предшествующих поколений. Учет коллективного опыта писателей России позволяет под новым углом зрения выявить диалектическую взаимосвязь традиций и новаторства как звеньев одного процесса преемственности. Обобщение накопленного литературными регионами опыта позволяет говорить о внутреннем единстве литературного процесса на всей территории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дюжев Ю. И. Алексей Иванович Авдышев // Дюжев Ю. И. Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. 304 с.
- ² Авдышев А. Красные снега: Стихи, гравюры. Петрозаводск: Карелия, 1977. С. 25.
- ³ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 146.
- ⁴ Авдышев А. Заонежье: Стихи. Петрозаводск, 1984. 79 с.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Там же. С. 16.
- ⁷ Авдышев А. Возвращенная весна: Стихи. М.: Современник, 1985. С. 20.
- ⁸ Авдышев А. Сердце моё: Стихи, гравюры. Петрозаводск, 1987. С. 275.
- ⁹ Там же. С. 294.
- ¹⁰ Там же. С. 328.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухштаб Б. А. А. Фет // Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 5–62.
2. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.: Наука, 1984. 320 с.
3. Гин М. Книга живописца и поэта // Север. 1978. № 11. С. 124–125.
4. Горышин Г. «Куда она течет?» // Аврора. 1976. № 4. С. 4–9.
5. Дементьев В. В. Северные фрески // Москва. 1967. № 2. С. 193–194.
6. Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: Учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 560 с.
7. История русской литературы XX в.: Учеб. пособие / С. И. Тимина, И. Н. Сухих, О. А. Лекманов и др. М.: Академия, 2013. 384 с.
8. Карху Э. Г. В краю «Калевалы»: Критический очерк о современной литературе Карелии. М.: Современник, 1974. 223 с.
9. Кожин В. Статьи о современной литературе. М.: Сов. Россия, 1990. 544 с.
10. Маркова Е. И. Лирика семидесятых годов // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 267–280.
11. Маркова Е. Между жизнью и смертью... Поминание кижского мастера Алексея Ивановича Авдышева // Север. 1998. № 6. С. 154–160.
12. Михайлов Ал. Вехи. Статьи о литературе. М.: Изд. московской городской организации Союза писателей России, 2001. 114 с.
13. Павловский А. И. Советская философская поэзия. Л.: Наука, 1984. 180 с.
14. Шлейкин Ю. «Зачем у жизни на краю я душу слову отдаю?» (Памяти Алексея Авдышева) // ТВР-Панорама. 1998. 7 янв. С. 3.
15. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. На пути к логизму // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 9–294.
16. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 463–532.
17. Misin A. Valo ta varjo: A. Avdisevin muissolia // Vienen Karjala. 2003. 25 syysk.
18. Poljakova S. Aleksei Avdysevia muistellessa // Carelia. 2008. № 9. S. 159–160.

Поступила в редакцию 17.01.2019

Yuriy I. Dyuzhev, Doctor of Philology (Petrozavodsk, Russian Federation)

**“MYSTERIOUS IS SOUL’S LABOR...”
(Aleksey Avdyshev’s philosophical lyric poetry)**

The article deals with the lyric poetry by a Petrozavodsk poet Aleksey Avdyshev, who perceived the world through a philosophical system of ideas about the world and people. The aim of the article is to contribute to the endeavors of contemporary Russian literature studies to scientifically elaborate and theoretically recapitulate the patterns in the development of the XX century Russian literature as a single process with its own sources, growth stages and development prospects. To this end, the author has previously written and published a series of reviews on ‘Northern’ poets (N. Klyuev, A. Ganin, A. Yashin, N. Rubtsov, V. Morozov, Yu. Linnik, V. Ustinov, B. Chulkov, S. Chukhin), which is now continued by a study of A. Avdyshev’s philosophical lyric poetry. It is for the first time in Russian literature studies that the works of this author are analyzed from such a perspective, revealing how art development in the European North of Russia is defined by spiritual-cultural and ethnic factors on the one hand, and demonstrating the inner unity of the literary process throughout Russia on the other. The demand for this study is associated with a currently growing role of art in fashioning a harmonious individual and in patriotic upbringing. Avdyshev’s personal experience of interactions with time, nature, or the beloved woman, his reflections on himself, his fate, an artist’s mission and obligations are analyzed. The profoundly subjective nature of A. Avdyshev’s love verses makes his poetry akin to the works of such Russian poets as Afanasy Fet and Fyodor Tyutchev. Although the poet intentionally stays within the bounds of his personal field of vision and is loyal in his verses to explicitly confession-like grounds, the hero of his lyrics, while cognizing the world, feels the urge to make his point on the past events and an assessment of what was and is happening in Russia. The idea of the ‘return to nature’ has to do with the concept of poet’s immortality as the perpetuation of a person’s life by their deeds. One of the forms of the ‘return to nature’ was Avdyshev’s pursuit of ‘simplification’ through living in his countryside house on Kizhi Island, next door to famous Russian monuments of wooden architecture, and being engaged in ordinary village routines. The very fact of the nature’s eternal life is conceptualized by the author as the proof of the proposition he favored so much – that the nature is the original form of existence, which rebuilds the integrity of the human personality. In Avdyshev’s verses, life appears as a perpetual process of development and renewal, sometimes incorporating a stoppage of one’s inner life to purify the soul: “Mysterious is soul’s labor, / its dead-end alleys are beyond count” (“We live in anticipation of a miracle...”). The poet’s lyrical hero drifts naturally with the flow of real life, sometimes influenced by mutually exclusive tendencies of the reality.

Key words: Karelian literature, Aleksey Avdyshev’s philosophical lyric poetry, hero, time, society

Cite this article as: Dyuzhev Yu. I. “Mysterious is soul’s labor...” (Aleksey Avdyshev’s philosophical lyric poetry). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 10–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.345

REFERENCES

1. Buchstab B. A. A. Fet. *Fet A. A. Poems*. Leningrad, 1986. P. 5–62. (In Russ.)
2. Gasparov M. L. Essay on the history of Russian versification. Meter. Rhythm. Rhyme. Stanza. Moscow, 1984. 320 p. (In Russ.)
3. Gin M. Book of a painter and poet. *Sever*. 1978. No 11. P. 124–125. (In Russ.)
4. Goryshin G. “Where is it flowing?” *Aurora*. 1976. No 4. P. 4–9. (In Russ.)
5. Dement’ev V. V. Northern frescos. *Moskva*. 1967. No 2. P. 193–194. (In Russ.)
6. Zaytsev V. A. History of Russian literature of the second half of the XX century: Textbook. Moscow, 2008. 560 p. (In Russ.)
7. History of Russian literature of the XX century: Textbook (S. I. Timina, I. N. Sukhikh, O. A. Lekmanov et al.). Moscow, 2013. 384 p. (In Russ.)
8. Karhu E. G. In the land of *The Kalevala*: A critical review of contemporary literature of Karelia. Moscow, 1974. 223 p. (In Russ.)
9. Kozhinov V. Articles about contemporary literature. Moscow, 1990. 544 p. (In Russ.)
10. Markova E. I. Lyric poetry of the 1970s. *History of literature of Karelia*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 267–280. (In Russ.)
11. Markova E. Between life and death... Commemoration of Kizhi maestro Aleksey Ivanovich Avdyshev. *Sever*. 1998. No 6. P. 154–160. (In Russ.)
12. Mikhaylov A. I. Milestones. Articles about literature. Moscow, 2001. 114 p. (In Russ.)
13. Pavlovskiy A. I. Soviet philosophical poetry. Leningrad, 1984. 180 p. (In Russ.)
14. Shleykin Yu. “Why on the brink of life do I devote my soul to words?” (In memory of Aleksey Avdyshev). *TVR-Panorama*. 1998. January 7. P. 3 (In Russ.)
15. Ern V. F. Struggle for Logos. On the way to logism. *Ern V. F. Writings*. Moscow, 1991. P. 9–294. (In Russ.)
16. Ern V. F. Supreme comprehension of Plato. *Ern V. F. Writings*. Moscow, 1991. P. 463–532. (In Russ.)
17. Misin A. Valo ta varjo: A Avdisevin muissolia. *Vienan Karjala*. 2003. 25 syysk.
18. Poljakova S. Aleksei Avdysevia muistellessa. *Carelia*. 2008. No 9. S. 159–160.

Received: 17 January, 2019

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА МИРОНОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
tutkija@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИННОЯЗЫЧНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ КАРЕЛИИ (на примере песни о «Титанике»)*

Проблемы заимствования и адаптации иноязычного фольклора на протяжении многих десятилетий находятся в центре внимания российских исследователей традиционной культуры. Объектом изучения настоящей статьи является финноязычная лирическая песня, получившая бытование в Северной Карелии. Предмет исследования – поэтика произведений указанного жанра на примере песни о «Титанике». Цель работы – проследить, каким образом происходило усвоение финской лирической песни в Карелии в целом, а также рассмотреть процесс взаимовлияния двух песенных традиций: финской и карельской. Полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы при подготовке курса по музыкальному фольклору карелов. Материалом исследования послужили опубликованные и архивные источники финских лирических песен, имевших распространение в Северной Карелии. Использование сравнительно-исторического метода дает возможность рассмотреть истоки и развитие финноязычной песенной традиции в Карелии. При помощи текстологического анализа осуществляется изучение совокупности вариантов песни о «Титанике», выявляются и рассматриваются ключевые мотивы и образы, художественно-изобразительные средства языка указанного произведения. На территории Северной Карелии долгое время широкое бытование имели традиционные эпические песни, повествующие о сотворении мироздания и первопредметов, о героических деяниях мифических героев и т. д. В этой связи лирическая традиция развивалась сравнительно медленнее, а зачастую была заимствована от соседствующего финского населения. В результате усвоения иноязычной песенной традиции в некоторой степени происходила адаптация текста. Причем следует говорить не о языковом, а, скорее, художественно-стилистическом «приспособлении».

Ключевые слова: музыкальный фольклор карелов, финноязычная лирическая песня, песенная традиция Северной Карелии, песня о «Титанике»

Для цитирования: Миронова В. П. Художественно-стилистическое своеобразие финноязычной лирической песни Карелии (на примере песни о «Титанике») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.346

ВВЕДЕНИЕ

Песенный репертуар беломорских карелов, проживающих на территории Северной Карелии, в Калевальском, Лоухском и Беломорском районах, довольно разнообразен по своему жанровому составу. Долгое время значительное место в музыкальной традиции карелов занимали руны, или эпические песни, повествующие о сотворении мироздания и первопредметов, о мифических героях и их деяниях. Лирическая традиция развивалась слабее [1: 144–166], [2], во многом процесс формирования происходил за счет заимствования финских лирических песен. Длительные контакты, основанные по преимуществу на торговых и родственных отношениях, близость финского языка и севернокарельского наречия карельского языка способствовали усвоению и постепенному распространению иноязычной новой песни среди северных карелов.

Объектом изучения является финноязычная лирическая песня, получившая бытование в Северной Карелии. Предмет исследования – поэтика произведений указанного жанра на примере песни о «Титанике». Указанный сюжет, на наш взгляд, представляет особый интерес, поскольку, с одной стороны, выходит за рамки собственно лирической тематики, основанной на отражении семейно-бытовых отношений. С другой стороны, анализ данного произведения демонстрирует, как абсолютно новая тема «приспосабливается» к местной культурной традиции. Цель работы – проследить, каким образом происходило усвоение финской лирической песни в Карелии в целом, а также рассмотреть процесс взаимовлияния на уровне поэтики двух песенных традиций: финской и карельской. Актуальность настоящего исследования обусловлена существующим интересом к проблеме взаимодействия этнических культур. Недостаточной изученностью вопросов,

касающихся заимствования финноязычного репертуара и адаптации его в севернокарельской традиции, определяется научная новизна данной работы.

Проблемами возникновения и функционирования финской лирической песни на территории Финляндии занимались по преимуществу финляндские фольклористы и музыковеды, в числе которых А. Асплунд [6], Х. Лайттинен [7]. Кроме того, о бытовании финноязычной лирической песни среди носителей фольклорной традиции Северной Карелии второй половины XX века писали в своих монографиях финляндские этномузыковеды П. Хутту-Хилтунен [9] и Э. Ниранен [10]. Карельские этномузыковеды Л. Н. Кершнер¹, С. Н. Кондратьева², Т. В. Краснопольская³ в предисловиях к сборникам текстов выделяли этот жанр как самостоятельный, но давали характеристику ему лишь попутно, не углубляясь в историю возникновения произведений данного рода, не останавливаясь на анализе их поэтических особенностей. Позже проблемой межэтнических взаимосвязей заинтересовалась Т. В. Краснопольская, неоднократно отмечавшая в своих статьях значимость и актуальность изучения данного вопроса [3], [4]. В фольклористических трудах практически не уделялось внимание появлению и функционированию финских лирических песен. Исключением являются лишь две статьи на данную тематику. Одна из них посвящена сюжетно-тематическому составу бытовавших в XX веке в Северной Карелии финских лирических песен [8], во второй рассматривается время возникновения произведений подобного рода собственно в Финляндии, основные этапы и факторы, способствовавшие ее проникновению и бытованию на территории Беломорской Карелии [5].

Материалами для исследования послужили опубликованные источники, в частности сборник текстов, подготовленный А. Асплунд⁴, песенные сборники карельских музыковедов, а также архивные записи, хранящиеся в фондах Научного архива КарНЦ РАН и Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Всего в нашем распоряжении на данный момент имеется тринадцать вариантов песен о «Титанике».

В качестве одного из методов исследования в работе используется сравнительно-исторический подход, позволяющий выявить истоки происхождения финноязычной песенной традиции в целом и проследить возможные пути ее проникновения на территорию Северной Карелии. Текстологический анализ дает возможность раскрыть и проанализировать основные мотивы и образы, художественно-изобразительные средства языка рассматриваемой песни о «Титанике».

ЗАРОЖДЕНИЕ ФИНСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН И ИХ ПРОНИКНОВЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ КАРЕЛИИ

С начала XVII века в Финляндии стали появляться новые песенные формы, усвоение которых проходило через шведское население. При этом заимствовался как текст, так и напев.

Однако именно напевы были тем звеном, который способствовал наиболее широкому распространению новой песенной традиции, учитывая довольно сильное различие языков (шведского и финского). Со временем песни переводились, публиковались в газетах, усваивались народом, становясь фольклорными произведениями. Таким образом зарождалась и развивалась лирическая песня как самостоятельный жанр в Финляндии.

По мнению исследователей, финские лирические песни проникли на территорию Северной Карелии из Восточной Финляндии в конце XIX – начале XX века. Следует отметить, что вплоть до 1920 года, до времени подписания Тартуского мирного договора, по которому была установлена государственная граница между Россией и Финляндией, молодежь из приграничных деревень могла беспрепятственно посещать соседнюю страну. Именно там во время молодежных гуляний, совместных игр и танцев шло естественное усвоение песенной традиции. Нередким явлением было заключение межнациональных браков между карелами и финнами, что также способствовало перемещению финской песни в Беломорскую Карелию. Кроме того, получившая свое развитие на приграничной территории торговля в разнос, несомненно, была еще одним фактором взаимовлияния культур. Обычные севернокарельские коробейники, число которых в некоторых случаях могло достигать 400 человек, исполняли роль неких трансляторов иноязычной традиции, в том числе песенной.

Первоначально финские лирические песни были усвоены жителями только приграничных карельских деревень, а затем они уже проникли и вглубь региона, в другие отдаленные поселения [8: 41]. Настоящие выводы подтверждаются данными экспедиционных исследований, проходивших на данной территории. В частности, карелы-информанты неоднократно отмечали, что финноязычные рифмованные песни активно исполнялись в приграничных деревнях Северной Карелии с начала XX века и вплоть до начала Великой Отечественной войны [9: 107]. Позже собиратели фиксировали лишь единичные варианты подобных произведений, однако в репертуаре карельских исполнителей они сохранились практически до конца XX века.

Рассматривая финские лирические песни с точки зрения поэтики, следует отметить, что в самом начале зарождения нового песенного жанра они могли содержать в себе признаки рунического произведения: аллитерацию и параллелизм, а также специфические черты лирики – конечную рифму. Однако размер стиха становился более свободным, постепенно исполнители уходили от четырехстопного хорея (или от калевальской метрики, основного признака рунических текстов) и использовали дактиль, педон и спондей. Конечная рифма связывала строфы в куплеты, которые и создавали единое

целое. По мнению финляндского музыковеда Х. Лайттинена, именно образование куплетов отличало эпическую песню от лирической, в некоторых случаях произведения подобного типа стали именоваться куплетными песнями. Причем формирование организованной куплетной формы лирического произведения происходило в течение нескольких столетий [7: 214]. В равной степени эти наблюдения отражают поэтические особенности рассматриваемых произведений, бытовавших как на территории самой Финляндии, так и в деревнях Северной Карелии.

Иная ситуация просматривается в поздних лирических песнях, в которых калевальская метрика полностью уступает свои позиции, равно как стилистические приемы рунического текста, параллелизм и аллитерация. В качестве примера рассмотрим песню о «Титанике», получившую широкое распространение как у финляндского, так и у карельского населения. В частности, карельским собирателям, совершавшим планомерные обследования музыкальной традиции беломорских карелов, удалось зафиксировать пять вариантов данного произведения, а также около десяти сообщений о том, что информанты знают эту песню⁵.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ ПЕСНИ О «ТИТАНИКЕ»

Интерес, несомненно, вызывает история появления данного произведения. Как известно, крушение «Титаника», произошедшее в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года, является самой крупной морской катастрофой в мирное время, унесшей жизни более полутора тысяч человек. В Финляндии, как, впрочем, и по всему миру, эта новость довольно быстро разлетелась по стране благодаря многочисленным газетным публикациям. Масштаб трагического события способствовал тому, что среди финского населения стали появляться разнообразные песни на тему «Титаника».

Основное повествование подобных произведений сводилось к описанию драматического столкновения лайнера с айсбергом, при котором у пассажиров не было ни малейших шансов на спасение. Капитан обычно вырисовывался как некий негативный персонаж, поскольку, по мнению обывателей, именно по его приказу «Титаник» шел с огромной скоростью, что и не дало возможности избежать столкновения. Кроме того, в зафиксированных в Финляндии песнях зачастую изображаются и некие частные моменты: ярко описываются роскошные танцевальные залы, бассейны, турецкие бани, алмазные, кофейные и чайные грузы, находящиеся на борту. Несомненно, все эти факты не были выдуманы исполнителями, а являлись отражением той многочисленной информации, которая появлялась в местной прессе.

По мнению финляндской исследовательницы А. Асплунд, песни о «Титанике» появились в Финляндии сразу же после кораблекрушения, то есть в 1912 году. Документальными свидетельствами этому стали многочисленные публикации: в течение 1912–1913 годов на страницах различных песенников появилось более 20 вариантов данного произведения. Названия этих песен были абсолютно разными: «Гимн “Титанику”», «Песня о крушении “Титаника”», «Печальная песня о гибели “Титаника”», «Песня об этом большом крушении», «Самое большое кораблекрушение в мире» и т. д.

Интерес финнов и Финляндии в целом к гибели «Титаника», возможно, связан еще и с тем, что на корабле находились их соотечественники. Народ посредством песен соболезнавал семьям погибших. В опубликованных в Финляндии вариантах зачастую именно мотив всеобщего сострадания заканчивал общее повествование:

Matkustavia sielä oli myös
Lapsia Suomen maan,
Kun täällä tavoin surman sai
Ja joutui Tuonelaan.
Heitä äitit, isät itkevät,
Ehkä sulhot, morsiamet.
Ja suru, syvä kakerus
Tukehuttaa sylämmet.
Sen tuntee moni kaipaava,
Omaisiet rakkahat,
Kun muistuu yhteiset entiset
Armahaiset eletyt ajat.
Asplund, s. 769.

Среди пассажиров там
Были и дети Финской земли,
Они так смерть получили
И оказались в Туонеле.
О них матери, отцы плачут,
Женихи и невесты.
И горе, глубокая печаль
Душит нутро.
Это чувствуют многие из страдающих,
Любимые родные,
Когда вспоминают прежние дни,
Любимые прожитые годы
(Здесь и далее перевод мой. – В. М.).

В Карелии песня о «Титанике» получила распространение, вероятно, несколько позже. К примеру, известная севернокарельская исполнительница Сандра Ремшуева (1914–2010) на вопрос, откуда она знает песню о «Титанике», сообщила собирателям, что впервые услышала ее еще девочкой, будучи беженкой в Финляндии, то есть в начале 1920-х годов. Сандра также же смогла назвать и возможные годы появления этой песни:

«Onko še Titanikin laulu vanha?» – «Ka totta še on silloin kekšitty, konša še ollun še tapahuš. Silloin 1912 vuotena, vain 14-ko še oli?» – «Старая ли эта песня о “Титанике”?» – «Ее тогда сочинили, когда это событие произошло. Тогда, в 1912 году, или в 14 это было?»

Вероятно, она могла услышать эту информацию со слов собирателей, неоднократно записывавших талантливую информантку.

Все остальные исполнители не сообщали никаких сведений о времени усвоения произведения, однако можем предположить, что данный процесс мог происходить именно в 1920-е годы, когда рассматриваемая песня активно бытовала в Финляндии, а карелы еще могли беспрепятственно посещать соседнюю страну.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСНИ О «ТИТАНИКЕ»

Имеющиеся в нашем распоряжении расшифрованные карелоязычные варианты песни о «Титанике» (записи двух датируются 1963 годом, одной – 2000-м) схожи по своему композиционному построению как между собой, так и с финноязычными вариантами. Единственное существенное различие – это общий объем текста: карелоязычные варианты содержат меньшее количество строк за счет отсутствия диалоговых форм.

Завязка рассматриваемой песни в обеих традициях – это некое сентиментальное преддверие трагического повествования, в нем исполнители выражают свое личное отношение к произошедшему событию. К примеру, финноязычные варианты чаще всего начинались следующим куплетом:

Taas murhen viesti kertoo
Atlannin aalloiltaan,
Että laiva siällä upposi,
Vei hengen moneltaan.
Asplund, s. 768

Снова печальная новость
С волн Атлантики:
Утонул там корабль,
Унес жизни многих.

В свою очередь повествование карелоязычных текстов имеет близкий по семантической нагрузке зачин:

Kuynälet silmissä aloitan tässä,
Kirjoitan surullisen tapahtuman.
HA 10/35⁶

Начинаю со слезами на глазах,
Пишу печальную историю.

или:

Voi kuinka murtuneeksi
On mielet muuttunut.
HA 10/180

Ой, какими печальными
Стали мои мысли.

Вариант завязки Сандры Ремшуевой отличается от других имеющихся карелоязычных текстов наибольшей развернутостью, в ней в двух первых строфах указывается год события и день, а затем поэтично описывается произошедшая катастрофа:

Kun Atlannin hätävalot loistaa,
Käy tapaus niin synkkä onneton.
Siellä tuhansien haudat kerral aukkee,
Ja syvyksien kauhut hömöttää.
Sandra Remšujeva⁷

Пока огни бедствия Атлантики сверкали,
Событие это печальное произошло.
Там могилы тысяч разом раскрылись,
И показались ужасы глубины.

За завязкой следует мотив описания корабля, его всевозможных технических достоинств, красоты убранства, роскоши и т. д. С помощью оценочных эпитетов с положительной оценкой и сравнений карельские исполнители представляют «Титаник» как «mailman suurin» – самый большой в мире, «harva laatultaan» – «редкий по качеству», «še kaupunkikšši laitettu on niin» – «сделанный, как город». В финских вариантах, в свою очередь, «Титаник» «suurin meren kyntäjistä, // kuningas on laivojen» – «самый большой из бороздящих море, // царь кораблей». На лайнере есть гостиницы, каюты, бассейны, бани, сады, театры. Свое место занимают салоны для танцев, сверкающие тысячами огней. Для любителей спорта тут найдутся велодорожки и залы для тренировок. Для описания всего убранства у исполнителей не хватает слов:

Šen kuvauksen eivät sanat riitä,
Ja kustannukset kohoš miljooniin.
Sandra Remšujeva

Для описания не хватает слов,
Убранство стоило миллионов.

От такого роскошного корабля все ожидали только счастливого плавания, и эта мысль нашла свое отражение в текстах. Мотив благополучного путешествия представляет собой картину опускающегося на воду корабля под крики «Ура», вокруг слышится шум музыки и веселье богатой публики.

Ничто не предвещает беды, однако ночью идущий на огромный скорости «Титаник» столкнулся с айсбергом. В этом несчастном случае все обвиняют капитана корабля, который, несмотря на предостережения о ледяных глыбах, шел по Атлантике на огромной скорости:

Kapteeni Smidt on hurja huimapäinen,
Pyysi rekorttija uudella laivalla.
Sandra Remšujeva

Капитан Сmidt был отчаянным,
Хотел показать рекорд на новом корабле.

Сильнейший удар, паника на корабле и спасение пассажиров являются основными мотивами всего повествования, описанию которых исполнители уделяют наибольшее внимание. В отличие от карельских текстов, в финских вариантах анализируемой песни встречаются диалоги между капитаном корабля и боцманом, представлены размышления капитана и т. д. Кроме того, в финноязычных текстах получил развитие

мотив смерти, причем сам корабль представляется как смерть: «surman laiva, kuolon pursi, // куупелеиен кувьомие» – «корабль смерти, кончины шлюпка, // причина слез»; место гибели людей названо «мертвым морем», а гибель людей – это уход в Туонелу⁸, в мир мертвых. Возникновение таких параллелей находит свое объяснение. Как известно, лодка в традиционной культуре прибалтийско-финских народов могла служить одним из средств транспортировки усопшего на кладбище, поскольку деревенские погосты зачастую находились на островах. Кроме того, на карельских могилах можно было обнаружить перевернутую лодку. Таким образом, образ лодки (в данном случае корабля) мог приравниваться к образу смерти, что могло послужить появлению нового поэтического образа лодки-смерти.

Описываемая трагедия вызывала у людей различные эмоции и переживания. В некоторых карелоязычных вариантах прослеживается личное отношение певца ко всему происходящему и в тексте могут появляться такие моменты, которых, вероятно, на самом деле могло и не быть. К примеру, в одном из имеющихся вариантов кто-то из пассажиров еще надеется спасти себя, предлагая большие деньги команде:

Ne suuret summat antais
Surmansa etestä.
Ei autan silloin mahti,
Eikä maailman tavarat.
Sillä rahat on niin arvoronta
Kuoleman rinnalla.
НА 10/180

Они большие деньги бы отдали
Перед смертью.
Не помогли им деньги
И товары мира.
Деньги не стоят ничего
На пороге смерти.

В данном случае реальные события переплетаются с философскими рассуждениями о богатстве, о смерти, перед которой все равны.

Однако примечательно, что в российском художественно-литературном журнале «Искра» за 1912 год в заметке, рассказывающей о гибели «Титаника», читаем:

«На палубе гибнущего парохода разыгрывались потрясающие сцены. Пассажиры-миллионеры (их было 7, с общей суммой состояния 3 миллиарда) предлагали баснословные суммы за места в спасательных лодках. Из-за этих мест люди дрались, сталкивали друг друга в воду, веслами разбивали головы»⁹.

С абсолютной уверенностью можно говорить о том, что карельские исполнители не были знакомы с этим печатным изданием. Вероятно, в обоих случаях (как в варианте песни, так и в журнальной заметке) проявляются факты различной интерпретации авторского вымысла.

Мотив спасения – один из самых трагичных моментов песни. В сложившейся ситуации

команда пытается спасти пассажиров, сажая в шлюпки детей и женщин, но, поскольку лодок мало и приходится бороться за свое спасение, большая часть путешествующих затонула вместе с кораблем:

Pelaštušvenheet laivassa ei riitä,
Jokainen niitä täytyy omistaa,
Toisijan lyövät, kiistelevät siitä,

Ken elon jaa, ken pohjaan vajooa.
Sandra Remšujeva

Не хватает шлюпок на всех,
Каждый хочет их занять.
Иногда они (пассажиры) дерутся,
иногда спорят,

Кто останется жить,
а кто уйдет на дно.

Обращает на себя внимание разнообразие финала повествования всех имеющихся в нашем распоряжении карелоязычных вариантов: в первом случае песня заканчивается утверждением, что «Титаник» затонул в Атлантике на глубине четырех километров, во втором акцент делается на то, что очень мало простых людей спаслось во время этого сильного крушения, однако удалось спастись боцману, который первый прыгнул в шлюпку. Вариант Сандры Ремшуевой, на наш взгляд, наиболее поэтичный и меньше всего отражает реальность:

Viimeksi vielä laivan šoittokunta
Ne šoittelevi šuruhymnijään,
Että ihmiset ne näkisi kuin unta
Vaipueššanša meren šyvykšiin.
Sandra Remšujeva

Напоследок оркестр корабля
Исполнил печальный гимн.
Люди как будто бы погрузились в сон,
Когда корабль пошел на дно.

Наиболее стабильной является развязка финноязычных вариантов песни о «Титанике», основная мысль которой заключается в том, что крушение корабля унесло жизни многих ни в чем не повинных людей:

Tuhatkuusisataa
Meren aallot surmasi
Ja paljon rahaa, tavaraa
Laivan mukana vajosi.
Asplund, s. 776.

Тысяча шестьсот человек
Накрыло морской волной.
Много денег и товара
С кораблем пропало.

Таким образом, в завершении повествования звучат слова скорби и печали по затонувшим в Атлантике людям.

Несмотря на то что события крушения «Титаника» были далеки для карельских исполнителей, произведение, повествующее о гибели тысячи людей, бытовало среди исполнителей Северной Карелии вплоть до конца XX века.

Финляндский вариант рассматриваемой песни прекратил свое бытование значительно раньше, в 1960-х годах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования рассмотрен процесс зарождения финской лирической песни и возможные пути его проникновения на территорию Северной Карелии. Кроме того, проведено описание композиции и некоторых художественно-стилистических особенностей финноязычных лирических произведений на примере песни о «Титанике». Анализ имеющихся материалов позволил сделать вывод о том, что усвоение финской лирической песни происходило в конце XIX – первой трети XX века. Причем в некоторой степени среда бытования оказала свое влияние на текст в целом. В отличие от финноязычных записей, севернокарельская версия песни о «Титанике» не отличается большим количеством вариантов. Возможно, обусловлено это тем, что карелоязычные исполнители в силу своей малограмотности были менее осведомлены об этом трагическом событии. Сюжетная линия в целом устойчивая, однако в меньшем количестве зафиксированы всевозможные лирические отступления, философские размышления. Песни обеих традиций – яркий пример рифмованных текстов и более свободной стихотворной строки. Следует отметить наличие как в финноязычных, так и в карелоязычных текстах постоянных эпитетов, дающих яркую характеристику как самому событию в целом, так и основному объекту, лайнеру, и ключевым персонажам произведения. Использование единого круга образных определений, несомненно, является маркером влияния финской поэтики на карельскую.

Наиболее разработанным для песни о «Титанике» является образ смерти, истоки кото-

рого кроются в народном мировосприятии. Смерть – это уход в Туонелу, образ смерти связан с лодкой. Причем, как известно, первоначально подобные образы были характерны для карельской эпической и причетной традиций. С течением времени по мере продвижения карельского населения по территории современной Финляндии они проникли в эпическую традицию финнов Саво и Похьянмаа. Позже указанные образы появились в финском фольклоре, в частности в финноязычной версии песни о «Титанике», что является свидетельством влияния карельской культуры на финскую на уровне поэтики.

Наряду с общностью поэтических приемов и мотивов, в севернокарельских вариантах встречаются и свои особенности. К примеру, зачастую в текстах могут быть искажены малознакомые имена собственные, топонимы. Подобное явление отмечается и при исполнении карелами усвоенных ими на слух русских песен, когда при практически полном непонимании русского текста карелы-исполнители заменяют непонятные, сложные для воспроизведения русские слова звукоподражаниями. Кроме того, исполнительский талант носителей позволил выйти за рамки канонического повествования, в частности, песня, записанная от Сандры Ремшуевой, значительно видоизменилась благодаря способности к импровизации. Помимо диалектных слов, придающих некий особый колорит, появляются новые мотивы. К примеру, гибель пассажиров описывается исполнительницей как погружение в сон под звуки оркестра. Полученные результаты исследования могут быть использованы в лекционной работе со студентами-филологами и музыковедами при рассмотрении песенной традиции Северной Карелии.

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190094-6).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кершнер Л. Н. Карельские народные песни. М.: Гос. муз. изд-во, 1962. 129 с.
- ² Кондратьева С. Н. Карельская народная песня. М.: Сов. композитор, 1977. 282 с.
- ³ Краснопольская Т. В. Песни Карельского края. Петрозаводск: Карелия, 1970. 262 с.
- ⁴ Asplund A. Balladeja ja arkiveissuja: suomalaisia kertomallouja. Helsinki: SKS, 1994. 929 s.
- ⁵ Следует учесть, что собиратели-музыковеды фиксировали в основном традиционные эпические, лиро-эпические и лирические песни. Остальной материал, к которому относится и песня о «Титанике», записывался лишь попутно при условии наличия магнитофонной пленки.
- ⁶ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 10.
- ⁷ Текст получен из личного архива Р. П. Ремшуевой, дочери Сандры Ремшуевой.
- ⁸ В карело-финской традиции – место пребывания умерших, мир мертвых.
- ⁹ Гибель «Титаника» // Искра. 1912. № 14. С. 107 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odin-fakt.ru/iskry/sovremen_faust_14_1912/ (дата обращения 20.06.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л.: Наука, 1968. 201 с.
2. Клементьев Е. И. Лирические песни // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 298–299.
3. Краснопольская Т. В. Межэтнические взаимосвязи в певческом фольклоре: исследовательская практика и теория исследования // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2016. № 2. С. 23–53.
4. Краснопольская Т. В. Певческая культура народов Карелии: Очерки и статьи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 256 с.

5. Миронова В. П. Финские лирические песни в контексте музыкальной традиции беломорских карелов // Федосовские чтения: Материалы науч.-практ. краеведческой конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск. 27–28 апреля 2017 г. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 166–171.
6. Asplund A. Runolauluista rekilauluun // Kansanmusiikki. Porvoo: WS Bookwell Oy, 2006. S. 108–165.
7. Laitinen H. Matkoja musiikkiin 1800-luvun Suomessa. Tampere: Tampereen yliopisto, 2003. 343 s.
8. Remsujeva R. Riimillinen kansanlaulu Vienan Karjalassa // Näkökulmia karjalaiseen perinteeseen. Helsinki: SKS, 1996. S. 39–70.
9. Huttu-Hiltunen P. Länsivenäläinen runolaulu 1900-luvulla. Helsinki: Sibelius Akatemia; Kuhmo: Juminkeko, 2008. 439 s.
10. Niiranen E. Maria Feodorovan laulupolut. Vienankarjalaisen kansanlaulun repertuaari musiikkisukupolven rakentajana. Tampere: Tampere University Press, 2013. 327 s.

Поступила в редакцию 24.12.2018

Valentina P. Mironova, PhD in Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

SPECIFIC ARTISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE FINNISH-LANGUAGE LYRICAL SONGS IN KARELIA (a case study of a song of the Titanic)*

The issues of foreign-language folklore borrowing and adaptation have long been of interest for Russian researchers of traditional culture. The study object for this paper is Finnish-language lyrical songs circulating in Northern Karelia. The focus in the study is on the poetics of the works in this genre, with a song of the Titanic as an example. The aim is to trace how the Finnish lyrical song was being assimilated in Karelia in general, and to consider the mutual influence of the two song traditions: Finnish and Karelian. The conclusions drawn from this study can be used when preparing a course on the musical folklore of the Karelians. The materials for the study were the published and archival sources of Finnish lyrical songs that have circulated in Northern Karelian. Application of the comparative historical method has enabled an insight into the sources and evolution of the Finnish-language song tradition in Karelia. Textual analysis was employed to study the set of the variants of the song of the Titanic; key motifs and images, artistic representation means of the language of the text were identified and considered. Northern Karelia has had a long-standing and extensive tradition of epic songs, telling about the creation of the world and primal things, about the heroic deeds of mythical heroes, etc. The lyrical tradition has, however, developed at a slower pace, and was often borrowed from the neighboring Finnish population. In the process of assimilation of the foreign-language song tradition, the text would go through some adaptations. Here, one speaks more of artistic and stylistic rather than linguistic “adjustment”.

Key words: musical folklore of the Karelians, Finnish-language lyrical songs, song traditions of Northern Karelia, song of the Titanic

* The study was financed from the federal budget as part of a government project (project No AAAA-A18-118030190094-6).
Cite this article as: Mironova V. P. Specific artistic and stylistic features of Finnish-language lyrical songs in Karelia (a case study of a song of the Titanic). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.346

REFERENCES

1. Evseev V. Ya. Karelian folklore in the historical coverage. Leningrad, 1968. 201 p. (In Russ.)
2. Klement'ev E. I. Lyrical songs. *Baltic-Finnish peoples of Russia*. Moscow, 2003. P. 298–299. (In Russ.)
3. Krasnopol'skaya T. V. Interethnic relations in the song folklore: research practice and research theory. *Muzikal'nyy zhurnal Evropeyskogo Severa*. 2016. No 2. P. 23–53. (In Russ.)
4. Krasnopol'skaya T. V. Singing culture of the peoples of Karelia: Essays and articles. Petrozavodsk, 2007. 256 p. (In Russ.)
5. Mironova V. P. Finnish lyrical songs in the context of the musical tradition of the Northern Karelians. *Fedosova Readings: Proceedings of the area studies research and practice conference in memory of the 190th birthday anniversary of Irina Fedosova*. Petrozavodsk, 2017. P. 166–171. (In Russ.)
6. Asplund A. Runolauluista rekilauluun. *Kansanmusiikki*. Porvoo, WS Bookwell Oy, 2006. S. 108–165.
7. Laitinen H. Matkoja musiikkiin 1800-luvun Suomessa. Tampere, Tampereen yliopisto, 2003. 343 s.
8. Remsujeva R. Riimillinen kansanlaulu Vienan Karjalassa. *Näkökulmia karjalaiseen perinteeseen*. Helsinki, SKS, 1996. S. 39–70.
9. Huttu-Hiltunen P. Länsivenäläinen runolaulu 1900-luvulla. Helsinki, Sibelius Akatemia; Kuhmo, Juminkeko, 2008. 439 s.
10. Niiranen E. Maria Feodorovan laulupolut. Vienankarjalaisen kansanlaulun repertuaari musiikkisukupolven rakentajana. Tampere, Tampere University Press, 2013. 327 s.

Received: 24 December 2018

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СКОРОПАДСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
san19770@mail.ru

ВОПРОС О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Рассматривается освещение спора о классическом и реальном образовании в журналах «Время», «Эпоха» и «Гражданин» в период работы в них Ф. М. Достоевского. В аспекте заявленной темы впервые анализируются не только публицистические тексты самого Достоевского, но и тексты, подвергавшиеся его редакторской оценке. Актуальность этого обусловливается необходимостью прояснения литературно-публицистического контекста, в который Достоевский был погружен в силу личных интересов и профессиональных обязанностей. Цель исследования – проанализировать авторские позиции по отношению к классическому образованию в публикациях журналов «Время», «Эпоха» и «Гражданин» и прояснить позицию Достоевского по данному вопросу в соответствии с выявленным контекстом. Проведенный при помощи сопоставительного метода анализ публикаций, посвященных исследуемой тематике, выявляет основные идейные позиции, высказываемые авторами статей. При всей их внешней разности (высказывания в пользу реального образования, критика или восхваление образования классического) проявляется и объединяющее все эти позиции убеждение в необходимости приведения содержания образования в соответствие с пользой и потребностями современного общества. Во многом соглашаясь с этим, Достоевский выдвигает свою идею: не отвергая классическое образование вовсе, писатель находит нужным не копировать слепо европейский опыт, а перенимать его на собственную, русскую, почву, ориентируясь прежде всего на свою национальную культуру и историю. Кроме того, именно классическое образование способно противостоять утилитаризму и практицизму, распространяющимся в обществе, так как оно обращено к непреходящей ценности – формированию многогранной и целостной личности. Таким образом, публицистическая тематика становится для Достоевского не просто реакцией на злобу дня, а обращением к философским, вечным вопросам, которые он осмысливает сам и предлагает осмыслить читателю.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, журнал «Время», журнал «Эпоха», журнал «Гражданин», классическое образование, реальное образование

Для цитирования: Скоропадская А. А. Вопрос о классическом образовании в публицистическом осмыслении Ф. М. Достоевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347

ВВЕДЕНИЕ

Публицистическая деятельность Достоевского – существенная часть его творчества: анализ текстового корпуса выявляет, что на долю публицистических текстов приходится 42 % (125 по отношению к 295 авторским листам художественных текстов) [5: 18]. Публицистика Достоевского неоднозначно оценивается исследователями. Так или иначе неоспорим тот факт, что журналистская и редакторская деятельность были для писателя не просто ремеслом, приносящим доход, но тем профессиональным литературным полем, на котором проходила селекция методов и приемов, используемых в художественном творчестве (см. [15]), а главное – осмысление этических, социальных, философских идей, которые впоследствии переносились в литературные произведения.

Вопрос об образовании – один из острейших в русском обществе 50–70-х годов XIX века. Его

обсуждение проходило на высоком государственном уровне, в профессиональном сообществе¹ и в отечественной журналистике, которая освещала разные точки зрения. Именно в этот период Достоевский активно входит в журналистику как автор и редактор: с 1861 года братья Достоевские издают журнал «Время», а с 1864-го – журнал «Эпоха». Идеология обоих журналов развивалась в русле почвенничества, «передовой мыслью» становится «примирение цивилизации с народным началом» («Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 г.»). Первым шагом к этому примирению редакция видит повышение общей грамотности и улучшение образования.

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ЖУРНАЛЕ «ВРЕМЯ»

Если обратиться к содержанию журнала «Время», можно увидеть, что темы просвещения,

образования, воспитания так или иначе поднимаются в каждом выпуске: в 28 номерах журнала, успевших увидеть свет, более 30 статей как раз на эту тематику. В круг интересов авторов (в том числе и Достоевского) вошли распространение грамотности, повышение качества образования в гимназиях и университетах, подготовка педагогических кадров. Но активнее всего освещались и анализировались нововведения, предлагаемые властями или общественностью, в содержании образования.

Наиболее остро обсуждался вопрос о классическом образовании, которое уже длительное время подвергалось жесткой критике. Яркий пример – статья без авторства², помещенная в № 9 за 1861 год. Уже ее название – «Один из важнейших педагогических вопросов» – указывает на значимость темы, которая конкретизируется в первом предложении: «Какое место должно занимать изучение греческого и латинского языков в наших общественных школах?»³ (Время, 1861, № 9). Обратившись к истории вопроса (когда и почему классические языки стали основной составляющей образования), автор обозначает свою позицию: «Мы хотели бы не уничтожения классических языков, а уничтожения приписывания им излишне важного значения» (Время, 1861, № 9).

Признавая за классическими языками несомненный авторитет, публицист сомневается в их актуальности для современного общего образования:

«Если мы желаем, чтобы эти языки приносили общественному образованию такую же пользу, какую они принесли уже однажды человечеству, то мы должны ожидать такой пользы вовсе не от того, что все население страны будет склонять и спрягать полатыни и погречески» (Время, 1861, № 9).

По мнению автора, актуальность классических языков минимизируется, так как они перестают быть инструментом знакомства с классической (то есть античной) литературой, в достаточной степени уже переведенной на современные европейские языки. Между тем преподавание классических языков в гимназиях отнимает у учеников время и силы, которые можно направить на освоение более *полезных* дисциплин:

«Древние языки очень хорошая вещь; но если бы для изучения их пришлось пожертвовать другими знаниями, например хоть естественными науками, то, скажем прямо, по нашему мнению, мѣна эта не могла бы принести ожидаемой от нея пользы» (Время, 1861, № 9).

Главным доводом к исключению классических языков из общего образования является их бесполезность в подготовке юношества к реалиям жизни. Отсутствие у общества потребности в науке, а вслед за ней и в гуманитарном образовании – лейтмотив освещения проблем среднего и высшего образования редакцией журнала. Он настойчиво проводится и в статье Достоевского⁴ «Вопрос об университетах», в которой утверждается:

«Наука у нас почти не требуется на практикѣ. Есть у нас нѣкоторыя спеціальныя требованія, въ весьма несложномъ видѣ, но тѣ выполняются спеціальными заведеніями. И кому же отъ нашего научнаго дѣятеля практика первымъ условіемъ требуетъ отсутствія само-малѣйшей оригинальности, малѣйшаго само-начала, что съ самаго перваго шагу подавляетъ всякое развитіе, всякую струйку геніальности и вдвигаетъ прямо дѣятеля въ общую колею, въ условныя формы, для соблюденія порядка. Кому же и общественныя требованія ничтожны. Уровень образованія до крайности низокъ. Въ дѣйствительную жизнь наука не перешла и ее еще пока мѣсть не требуется» (Время, 1861, № 11).

Необходимость изменений в содержании и педагогических подходах не должна привести к голой практичности и утилитаризму, которые губительно сказываются на главной и единственной цели воспитания – формировании человека. В одной из первых публикаций «Ряда статей о русской литературе» («Г. -бов и вопрос об искусстве») Достоевский, в частности, подвергает критике утилитарный подход к искусству, требующий от художника следовать духу времени и социально-историческим обстоятельствам:

«...у человечества уже опредѣлились отчасти ея (красоты. – А. С.) вѣковѣчныя идеалы (такъ что все это уже стало всемірной исторіей и связано общечеловѣчностью съ настоящимъ и съ будущимъ, навѣки и неразрывно) <...> При отысканіи красоты человѣкъ жилъ и мучился. Если мы поймемъ его прошедшій идеаль и то, чего этотъ идеаль ему стоилъ, то во-первыхъ мы выкажемъ чрезвычайное уваженіе ко всему человечеству, облагодиримъ себя сочувствіемъ къ нему, поймемъ, что это сочувствіе и пониманіе прошедшаго гарантируетъ намъ же, въ насъ же присутствіе гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развитія» (Время, 1861, № 2).

Понимание природы искусства Достоевским опирается на «связь эстетической потребности с духовной природой человека» [6: 199]. Стремление к прекрасному – не побег от действительности, а поиск идеала, который зачастую уже обретен в предшествующем историческом опыте. И этот опыт имеет вненациональный характер:

«...мы связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и съ историческимъ прошедшимъ и съ общечеловѣчностью. <...> Мы даже думаемъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое, тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ прогрессу и развитію» (Время, 1861, № 2).

Схожая позиция, но уже применительно к сфере образования, отражается в рецензии на собрание литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова («Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858 г. Собрание литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова. Киев, 1861 г.»), чьи достижения в области педагогической мысли высоко оцениваются автором. Утилитаристский подход к образованию, навеванный духом времени, нацелен на воспитание *полезного* для общества человека:

«Успѣхи воспитанія и образованія утилитаризмъ измѣряетъ не мѣрой развитія, какое даютъ они молодому поколѣнію, а мѣрой пригодности его для будничныхъ потребностей жизни» (Время, 1862, № 4).

Знания заменяются энциклопедизмом, наука низводится до инструмента. Критикуя раннее специальное образование, публицист рассуждает о том, что

«молодой умъ требуетъ разнообразія, его нельзя кормить всегда однимъ и тѣмъ же матерьяломъ. Поэтому при реальномъ образованіи повторяются такого рода вещи: или молодой умъ тупѣетъ, потому что одностороннее образованіе не даетъ ему сильныхъ побужденій къ развитію и заглушаетъ его; или же молодой умъ теряетъ всякую охоту къ занятіямъ вѣчно однимъ и тѣмъ же и занимается ими только для формы, для приличія» (Время, 1862, № 4).

Однако критика утилитаризма (здесь рецензент полностью согласен с Пироговым) не означает полного отрыва школы от жизни.

Открытым остается вопрос и о методах воспитания. Рецензент обозначает позицию Пирогова и свою собственную:

«Мы не касаемся тутъ вопроса, какимъ путемъ школа должна развивать въ молодыхъ натурахъ чисто человѣческія стороны – путемъ ли изученія наукъ историческихъ или естественныхъ, путемъ ли классицизма или реализма. Вопросъ этотъ не рѣшонъ еще. Напримѣръ г. Пироговъ предполагаетъ преимущественно гуманизирующую силу въ классическихъ наукахъ, а мы въ естественныхъ или реальныхъ» (Время, 1862, № 4).

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ЖУРНАЛЕ «ЭПОХА»

Журнал «Эпоха», второе детище братьев Достоевских, не имел такого успеха, как «Время». Скорая после создания журнала смерть Михаила Достоевского расширила круг обязанностей его младшего брата, ставшего, по сути, единственным редактором издания. На страницах «Эпохи» вопрос об образовании также находит свое отражение. К нему обращаются в связи с темами внутренней национальной политики, в политических международных обозрениях. Есть статьи, непосредственно рассматривающие потребность в реформе образования. Так, в № 1–2 и № 3 за 1864 год Д. В. Аверкиев обращается к критике современного университетского образования, указывая на низкий уровень педагогической подготовки профессоров и непродуманность учебных планов. Объектом критики послужил естественный факультет Петербургского университета, на котором некогда учился автор. В статье указывается, в частности, следующее:

«Объ уничтоженіи латинскаго языка никто конечно не пожалѣетъ, тѣмъ болѣе, что уроки эти походили больше на комедію, чѣмъ на изученіе языка; кто зналъ порядочно латинскій языкъ, тому посѣщеніе класовъ не приносило пользы, а кто не зналъ, тотъ ничему не научился, несмотря на всѣ тонкія замѣчанія преподавателя, расточаемыя имъ при чтеніи Саллюстія» (Эпоха, 1864, № 1–2).

Наибольший интерес для нашего исследования представляет несостоявшаяся публикация, заказанная Достоевским А. А. Головачеву. Сохранился ее тезисный план, принятый исследователями как анализ готового текста. В. Н. Захаров убедительно доказал, что заметка Достоевского – своего рода «редакторское задание»:

«Это не критика, не анализ, а заказ, который содержит краткий конспект, изложение идеи и концепции статьи. Они настолько продуманы, что сами по себе являются законченным и совершенным высказыванием» [4: 6].

Центральным в заметке является следующее положение:

«По поводу споров о классическом и реальном образовании – провести идею, что реальное образование не может не сохраняться у нас, не развиваться и не усиливаться, но рядом с ним должно непременно идти (вместо классического) познание России (усиленное), ее истории, языков, народностей, обычаев всех славянских историй и наречий и даже отчасти византизма»⁵.

Вслед за передовыми мыслителями своего времени писатель развивает идею о необходимости обучения в первую очередь родному, русскому, языку и русской литературе.

Статья была написана, но не принята к печати. Текст ее не сохранился, как не сохранилось и письмо Достоевского Головачеву с обоснованиями отказа. О ее содержании мы можем судить по одному из писем Головачева, в котором, в частности, говорится следующее:

«Вы говорите о внешности взгляда; но в этом случае я не хотел именно обратить внимание на внутреннюю разницу, потому что в статье моей о классическом образовании была проведена мысль о разности нашей цивилизации от западноевропейской, но вы забраковали ее, и потому я избегал этого» (Цит. по: [10: 75]).

Это признание позволяет предположить, что Головачев, стараясь следовать обозначенному Достоевским плану, обосновывал отказ от классического образования разностью русской и европейской цивилизаций. Но такой взгляд не вполне соответствовал редакторской концепции, которая основывалась не на однозначном противопоставлении России и Европы, а на обращении к самобытности русской культуры и уникальности исторического пути. Достоевский в плане предлагает двойную модель образования: с одной стороны, реальное (развивающееся и совершенствующееся), дающее знания в области естественных и практических наук, а с другой (не в противовес, но «рядом с ним») – «познание России», то есть гуманитарное образование, предметом изучения которого становятся язык, культура, история, но только уже не на европейской, а на русской почве. Поэтому ремарка, вынесенная в скобки, «вместо классического» – это не отрицание классического образования как такового, а сохранение его принципов (обращение к истокам, изучение традиций) при смене фокуса внимания.

Еще одна из возможных причин, обусловивших расхождение Достоевского и Головачева, кроется, на наш взгляд, в разном видении целей образования. Так, в одном из писем Достоевскому, отказавшему автору в дальнейшем сотрудничестве, Головачев отмечает, что «народ желает удовлетворить своим материальным потребностям» (Цит. по: [10: 78]). Между тем у Достоевского-«экономиста»⁶ были свои воззрения на эту сторону человеческого бытия.

Апеллирования только к экономике, только к полезности и практичности вызывали у писателя стойкое неприятие, так как, по его убеждению, улучшение материальных условий не способствует духовному развитию, а напротив, ведет к духовной деградации, когда «люди соглашались жить именно как животные, то есть чтобы “есть, пить, спать, устраивать гнезда и выводить детей”»⁷ («Дневник писателя», декабрь 1876). По замечанию Б. Н. Тарасова,

«первостепенная и успешная забота о материальных благах не только не освобождает сознание человека от повседневных забот для духовного совершенствования, как продолжают полагать многие, не только не делает его прекрасным и праведным, но, напротив, гасит в нем высшую жизнь и устремленность ко всеобщим явлениям, превращает лик человеческий в “скотский образ раба”» [14: 46].

Именно поэтому образование должно основываться на духовных ценностях, должно быть направлено на формирование личности, на гуманное начало: «Человек изменится не от внешних причин, а не иначе как от перемены нравственной» («Записная книжка», 1863–64 гг.)⁸.

Наиболее яркий пример прагматики для Достоевского – царствование Петра I, неоднозначно воспринимаемое идейными оппонентами и единомышленниками писателя. Петровские реформы, насильно перекроившие русскую культуру, были направлены на европеизацию России. Этот искусственный процесс прежде всего воплотился в реформах образования, которое было поставлено на рельсы прагматики. И именно классическое образование, введенное в XIX веке, противостоит этому прагматизму:

«Классическое образование, наконец, есть прямая противоположность взглядам Петра на образование, никогда не возносившимся дальше техники и насущной полезности, требовавшего мичманов, литейщиков, кузнецов, слесарей и проч. И даже не ставившему никогда вопроса о том, что такое человек образованный. <...> Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)» («Записная тетрадь», 1872–75 гг.)⁹.

Эти размышления Достоевского навеяны реформами образования 1871 года, подготовленными Д. А. Толстым¹¹ и заключавшимися в замене реального образования классическим. Реформы становились материалом для анализа и на страницах журнала «Гражданин», редактором которого по приглашению кн. В. П. Мещерского Достоевский был с 1873 по апрель 1874 года.

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ЖУРНАЛЕ «ГРАЖДАНИН»

На фоне «повсеместной симпатии к реальным училищам»¹⁰ авторы журнала в большинстве своем положительно отзываются об образовании классическом. Так, идейно перекликаясь с цити-

руемыми выше размышлениями Достоевского о реформах Петра, Н. Страхов в статье «Заметки о текущей литературе» (1873, № 21, 21 мая) пишет:

«Еще недавно у нас шла борьба за классическое образование, которая ясно показала наши жалкие отношения к просвещению Европы. Нам убеждали, что умственная сила Европы основывается главным образом на классическом образовании; и правительство устроило наконец наши гимназии согласно с этой мыслью. Но если так, то что же мы делали со времен Петра Великого? Как же это мы просвещались и преобразовывались на европейский лад, не видя и не понимая, в чем состоит дело истинного, прочного образования? Мы ли не старались все перенимать, – а вот оказывается, что пропустили самое главное, самое существенное» (Гражданин, 1873, № 21).

В № 35 «Гражданина» выходит очередная статья «Дневника писателя», где Достоевский обращается к теме вранья, посредством которой вскрывает некоторые особенности национального русского характера. Как отмечает Ф. В. Макаричев, «это позволяет ему подняться в своих обобщениях до критики современного ему общества (в особенности дворянской интеллигенции) в контексте европейской культуры» [8: 16]. Вопрос о классическом образовании становится своеобразным катализатором, выявляющим эту нравственную дезориентацию, порожденную нехваткой авторитетов. В качестве иллюстрации своих рассуждений Достоевский приводит сцену, наблюдаемую им в вагоне поезда: некий господин «барского вида» «веско и неторопливо» произносит «целый трактат о классических языках»:

«Он вполне отрицал классическое образование и введение его у нас называл “историческим и роковым дурачеством” – впрочем это было единственное резкое слово, которое он себе позволил; тон же его взять был слишком высоко и не позволял ему горячиться, из одного уже презрения к факту. Основания на которых стоял он были самыми первоначальными, приличные развѣ лишь тринадцатилетнему школьнику, почти те же самые на которых еще до сих пор стоять иные из наших газет, воюющих с классическими языками, напр. “так как все латинские сочинения переведены, то и не надо латинского языка” и проч. и проч. – в этом родѣ. В нашем вагонѣ он произвел чрезвычайный эффект; многие разставаясь с ним благодарили его за доставленное удовольствие, особенно дамы» (Гражданин, 1873, № 35).

Поверхностность знаний, маскируемая уверенным видом, производит внешний эффект в том числе за счет обращения к «горячей» теме, подаваемой в популистском ключе. Схожее по описанию и оценке освещение проблем образования находим в статье «Московские заметки», подписанной «Москвич»¹². Автор анализирует, как «невежественная журнальная клика против классических гимназий» влияет на общественное мнение и настраивает родителей, преподавателей и директоров учебных заведений против классического образования:

«Между тем самая клика против последнего хотя была бы сколько нибудь осмысленна, содержательна; нѣтъ! она в пошлом фразерствѣ, в тупоумном глумлении, в полнѣйшем безсиліи дать ясный

отвѣтъ на всѣ педагогическіе запросы образованія, въ совершенномъ непониманіи цѣлей, условій, содержанія, значенія, развитія и какой бы то ни было практической стороны послѣдняго. Я внезапно заключаю свои общія соображенія тѣмъ, что лишь подъемъ дѣйствительнаго, серьезнаго образованія чрезъ классическія школы въ обществѣ, чрезъ дѣйствительно образованное духовенство и хорошія элементарныя школы въ народѣ, т. е. подъемъ всего русскаго нравственнаго уровня, будетъ значительно содѣйствовать постепенному исчезновенію нѣкоторыхъ возмутительныхъ золь современной нашей жизни» (Гражданин, 1873, № 28).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные примеры демонстрируют непреходящий интерес Достоевского-журналиста и Достоевского-редактора к теме классического образования и его неоднозначную позицию по этому вопросу: не полное приятие, но и не категоричное отрицание. Это свидетельствует о поисках писателем путей формирования новой, гармонично развитой личности, воспринявшей

все лучшее, что наработано общеевропейской культурой, но устремленной к своим национальным истокам, к русской почве. Такая система взглядов во многом обусловлена образовательным и культурным опытом самого Достоевского:

«Он был гражданином, патриотом, просвещенным европейцем, ироничным современным человеком, обличающим заблуждения, преданным прогрессу, знающим истину и то, что стоит за этим знанием. Ему было дорого свое и чужое. Он осваивал чужое как свое» [3: 711].

Статьи на тему классического образования в журналах «Время», «Эпоха» и «Гражданин» становятся ярким примером сочетания публицистики и философской литературы, так как при их создании Достоевский не только использует журналистские подходы (актуальная тематика, общественная значимость, отклик на диалог с читателем и оценка позиции других изданий), но прибегает к глубинному осмыслению темы с точки зрения культуры, истории, психологии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Наиболее полно обсуждение реформы образования отражено в фундаментальном труде А. И. Любжина «История русской школы императорской эпохи». См.: [7].
- 2 Исследователь А. Н. Першкина атрибутирует эту статью А. Е. Разину, делая вывод на основании гонорара, а также тематических пересечений. См.: Першкина А. Н. Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 16.
- 3 Здесь и далее тексты статей журналов «Время», «Эпоха», «Гражданин» цитируются по электронной публикации на сайте PHILOLOG.RU: <http://philolog.petsu.ru/findost/> с указанием в скобках названия журнала, года выпуска и номера.
- 4 Авторство статьи – не единоличное. Комментаторы Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах указывают на то, что Ф. М. Достоевский «принимал значительное (если не основное) участие в написании начала и конца статьи, материал для средней ее части подготовлен кем-то другим (М. М. Достоевским? Н. Н. Страховым?); хотя и она, по-видимому, несет на себе определенные следы редактуры писателя» [13: 339]. Между тем исследования текстологической группы профессора В. Н. Захарова опровергают это, устанавливая абсолютное авторство Достоевского: «Никто, кроме Достоевского, не мог включить эту статью в сюжет авторского цикла “Ряд статей о русской литературе”» [2: 811].
- 5 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. Статьи и заметки 1862–1865. С. 151.
- 6 Ср.: В январском «Дневнике писателя» за 1881 год: «Неужели и я экономист, финансист? Никогда таковым не был. Несмотря даже на теперешнее поветрие, не заразился экономизмом». Подробнее об экономической проблематике у Достоевского см. [11].
- 7 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. Дневник писателя 1876. С. 47.
- 8 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. Статьи и заметки 1862–1865. С. 171.
- 9 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878. С. 268.
- 10 В статье без авторства в № 35 (27 августа) за 1873 год находим: «...надо признать несомненным фактомъ чуть не повсемѣстную симпатію къ реальнымъ училищамъ по вновь изданному о нихъ положенію. Такъ – Новгородъ, Рыбинскъ, Курскъ, Муромъ, Ростовъ на Дону и другіе, одинъ за другимъ, выражали нетерпѣливое желаніе скорѣй добиться открытія реальныхъ училищъ, при чемъ и жертвы охотно предлагались и отъ земства, и отъ городовъ и, мѣстами, отъ частныхъ лицъ. Можеть быть эта симпатія сознательна и руководима здоровой практической мыслью; тогда пусть осуществляютъ добрыя желанія!».
- 11 Подробно о политической стороне вопроса см. [1].
- 12 Псевдоним атрибутируется И. Ю. Некрасову. См.: [12: 36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Воронин В. Е. Дискуссия о классическом реальном образовании в России: обсуждение «учебной реформы» Д. А. Толстого в Государственном совете (1871–1872 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 2. С. 106–119.
- 2 Захаров В. Н. Гениальный фельетонист // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. Т. IV. С. 801–955.
- 3 Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. V. С. 695–712.
- 4 Захаров В. Н. Идея Достоевского: усиленное познание России как задача образования // Известный Достоевский. 2016. № 3. С. 3–13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unknown-dostoevsky.ru/> (дата обращения 12.03.2019).
- 5 Захаров В. Н. Кодекс Достоевского: Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 17–26.
- 6 Зырянов О. В. Г-н -бов и вопрос об искусстве // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2008. С. 197–200.
- 7 Любжин А. И. Русская школа при Александре II // Любжин А. И. История русской школы императорской эпохи: В 3 т. Т. II: Русская школа XIX столетия. Кн. II. М.: Никея, 2016. С. 7–281.

8. Макаричев Ф. В. «Вранье – дело милое!»: Ложь в художественном мире Ф. М. Достоевского // *Русская речь*. 2018. № 4. С. 15–30.
9. Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 305 с.
10. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.
11. Новикова Е. Г. Экономическая проблематика публицистики Достоевского // *Достоевский и журнализм*. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. С. 58–75.
12. Отливанчик А. В. Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 31–44 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unknown-dostoevsky.ru/> (дата обращения 12.03.2019).
13. Ряд статей о русской литературе. Вопрос об университетах. Примечания // *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений*: В 30 т. Л.: Наука, 1979. Т. 19. Статьи и заметки, 1861. С. 337–345.
14. Тарасов Б. Н. «Тайна человека» как антропологическая основа публицистики в «Дневнике писателя» Достоевского // *Достоевский и журнализм*. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. С. 39–48.
15. Якубова Р. Х. Художественное осмысление феномена журнализма в романе «Бесы» // *Достоевский и журнализм*. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. С. 116–128.

Поступила в редакцию 12.04.2019

Anna A. Skoropadskaya, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

THE QUESTION OF CLASSICAL EDUCATION IN FYODOR DOSTOEVSKY'S JOURNALISM*

The article discusses the coverage of the dispute about classical and practice-oriented education in the magazines *Time*, *Epoch* and *The Citizen* during the period when F. M. Dostoevsky worked in them. Journalistic texts both written and edited by Dostoevsky are analyzed from this perspective for the first time. The relevance of the topic is determined by the need to clarify the literary and publicistic context in which Dostoevsky was immersed due to his personal interests and professional duties. The purpose of the study was to analyze the authors' positions in relation to classical education expressed in the publications of *Time*, *Epoch* and *The Citizen* magazines and clarify Dostoevsky's opinion on this issue in accordance with the revealed context. The comparative analysis of publications on the subject under study revealed the main ideological positions expressed by the authors of the articles. For all their external differences (statements in favor of practice-oriented education, criticism or praise of classical education), all these positions are united by the belief in the need to bring the content of education in line with the benefits and needs of modern society. While agreeing with this to a large extent, Dostoevsky puts forward his own idea: without totally rejecting classical education, the writer finds it necessary not to copy the European experience blindly, but to adjust it to Russian requirements and conditions, focusing primarily on the national culture and history. According to Dostoevsky, it is classical education that is able to resist utilitarianism and pragmatism spreading in the society, as it is directed towards an enduring value – the formation of a multifaceted and holistic personality. Thus, for Dostoevsky the journalistic themes become not just a reaction to the topics of the day, but an appeal to eternal philosophical questions that he is comprehending himself and offers his readers to comprehend.

Key words: Fyodor Dostoevsky, *Time* magazine, *Epoch* magazine, *The Citizen* magazine, classical education, practice-oriented education

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 18-012-90037.

Cite this article as: Skoropadskaya A. A. The question of classical education in Fyodor Dostoevsky's journalism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347

REFERENCES

1. Voronin V. E. Discussion about classical and real education in Russia: the debate on D. Tolstoy's "educational reform" in the State Council (1871–1872). *RUDN Journal of Russian History*. 2010. No 2. P. 106–119. (In Russ.)
2. Zakharov V. N. Brilliant feuilletonist. *The complete works of Fyodor Dostoevsky: Canonical texts*. Petrozavodsk, 2000. Vol. IV. P. 801–955. (In Russ.)
3. Zakharov V. N. Ideas of *Time*, affairs of *Epoch*. *The complete works of Fyodor Dostoevsky: Canonical texts*. Petrozavodsk, 2004. Vol. V. P. 695–712. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. The idea of Dostoevsky: deeper understanding of Russia as a task of learning. *The Unknown Dostoevsky*. 2016. No 3. P. 3–13. Available at: <http://unknown-dostoevsky.ru/> (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Dostoevsky's code: Journalism as a creative idea of the writer. *Dostoevsky and journalism*. St. Petersburg, 2013. P. 17–26. (In Russ.)
6. Zyryanov O. V. Mr. Bov and the question of art. *Dostoevsky: Writings, letters, documents: Reference dictionary*. St. Petersburg, 2008. P. 197–200. (In Russ.)
7. Lyubzhin A. I. Russian school under Alexander II. *Lyubzhin A. I. The history of the Russian school of the imperial era*. Vol. II: Russian school of the XIX century. Book II. Moscow, 2016. P. 7–281. (In Russ.)
8. Makarichev F. V. "Lying is a sweet affair!": Lies in the literary world of Fyodor Dostoevsky. *Russian Discourse*. 2018. No 4. P. 15–30. (In Russ.)
9. Maksimova S. N. Teaching ancient languages in Russian classical gymnasiums of the XIX and the early XX centuries. Moscow, 2005. 305 p. (In Russ.)
10. Nechaeva V. S. *Epoch* magazine published by Mikhail and Fyodor Dostoevsky. 1864–1865. Moscow, 1975. 302 p. (In Russ.)
11. Novikova E. G. Economic issues in Dostoevsky's journalism. *Dostoevsky and journalism*. St. Petersburg, 2013. P. 58–75. (In Russ.)
12. Otlivanchik A. V. Dostoevsky's editorial insertions into the articles published in *Grazhdanin* (1873–1874). *The Unknown Dostoevsky*. 2016. No 2. P. 31–44. Available at: <http://unknown-dostoevsky.ru/> (accessed 12.03.2019). (In Russ.)
13. Articles on Russian literature. The question of universities. Notes. *The complete works of Fyodor Dostoevsky in 30 vols*. Leningrad, 1979. Vol. 19. P. 337–345. (In Russ.)
14. Tarasov B. N. "The mystery of a man" as the anthropological basis of journalism in *A Writer's Diary* by Dostoevsky. *Dostoevsky and journalism*. St. Petersburg, 2013. P. 39–48. (In Russ.)
15. Yakubova R. H. Artistic understanding of the phenomenon of journalism in the novel *Demons*. *Dostoevsky and journalism*. St. Petersburg, 2013. P. 116–128. (In Russ.)

Received: 12 April, 2019

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАЗАКОВА

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
аспирант сектора литературоведения Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
mvk-2013@bk.ru

**СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ А. И. МИШИНА
(Олега Мишина – Армаса Хийри)**

Представлены результаты анализа репрезентации символики деревьев в билингвальном творчестве народного поэта Республики Карелия А. И. Мишина (О. Мишина – А. Хийри) в 1970-е годы. Целью статьи является исследование символического ряда образа дерева в поэзии А. И. Мишина. Рассматривается, как в творчестве поэта переосмысливаются традиционные представления прибалтийско-финских народов о характере взаимоотношений человека и природы (леса). Актуальность и новизна исследования состоят в том, что творчество поэта исследуется с данной точки зрения впервые. Показано, что образ дерева в лирике поэта приобретает символическое значение обновления жизни, возрождения: лирический герой идет в лес, к дереву, чтобы познать самого себя, обрести душевное равновесие, нарушенное хаосом повседневной жизни. Встречаются как обобщающие образы: лес, деревья, так и конкретные названия деревьев, очерчивающие лесной и городской пейзажи. Доминирующий образ сосны выступает символом стойкости, негибкости и верности. В билингвальной лирике образ дерева приобретает значение памяти поколений, вырастая в образ словесного древа, символизирующего возвращение лирического героя к своим истокам посредством родного языка и культуры.

Ключевые слова: билингвизм, символика деревьев, литература Карелии, А. И. Мишин, национальный код, мировое древо, словесное древо

Для цитирования: Казакова М. В. Символика деревьев в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 31–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.348

ВВЕДЕНИЕ

Природные образы, в частности деревьев, всегда занимали важное место в творчестве писателей Карелии, и связано это с особым отношением человека и природы, где последняя является неотъемлемой частью духовного мира человека. Отметим, что исследованием репрезентации растительных образов в творчестве карельских авторов занимались ученые Э. Л. Алто, В. П. Ершов, Е. И. Маркова, В. И. Николаев, В. Г. Солоненко, Н. В. Чикина, Е. Шокальский [1], [3], [5], [7], [8], [9]. Однако заявленная тема в литературоведении Карелии изучена недостаточно, что позволяет нам продолжить исследование символики деревьев на примере билингвального творчества карельского поэта А. И. Мишина.

Народный поэт Республики Карелия Армас Иосифович Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) (1935–2018) родился в Ленинградской области в семье финнов-ингерманландцев. Его детство протекало среди финноязычного сельского населения, но было прервано в 1941 году спешной эвакуацией вглубь России, в Сибирь, из-за начавшихся военных действий. Посколь-

ку российские финны попали в число интернированных народов, то после окончания Второй мировой войны им не разрешалось вернуться в родные места. Так будущий поэт оказался в Пудожье, в маленьком карельском городке преимущественно с русским населением. Не только в школе, но и дома он говорил по-русски. Поступив учиться в Карельский педагогический институт, он обрел постоянное место жительства в Петрозаводске, где, несмотря на значительную в 1950–1980-е годы финскую и финноязычную диаспору, преобладало русское и русскоязычное население. Не имея возможности в рамках небольшой статьи останавливаться на биографии А. И. Мишина, укажем, что он и Р. Такала стали первыми поэтами-билингвами, пишущими на русском и финском языках, для чего потребовалось не просто восстановить в памяти забытый материнский язык, но и освоить его литературный контекст и осмыслить его поэтическую символику, поэтому А. И. Мишин хорошо изучил образно-символическую природу народных текстов, что, в свою очередь, отразилось и в его художественном творчестве.

Целью данной статьи является анализ символического значения образа дерева в творчестве А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) 1970-х годов. Предмет исследования – русскоязычные сборники стихов поэта «Солнечный день» (1970), «Теплотрасса» (1972), «Второе зрение» (1973), «Тревожность» (1978) и финноязычный сборник «Ikkunani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976). Русские стихи А. И. Мишин подписывал именем «Олег Мишин», финские – «Армас Хийри», статьи и переводы – паспортным именем «А. И. Мишин». Чтобы не запутать читателя, говоря о стихах, будем употреблять двойное имя автора – Олег Мишин – Армас Хийри, в остальных случаях – А. И. Мишин.

Для финно-угорских народов: финнов, карелов, вепсов, проживающих в районах Карелии и Ингерманландии (нынешняя территория Ленинградской области), природные образы

связаны как с их традиционным укладом жизни, которая протекает в непосредственной близости с природой и воспринимается как нечто единое с человеком, так и с зафиксированными в карельском, финском и вепском устном народном творчестве архаическими представлениями этих народностей об организации своего пространства.

В лирике О. Мишина – А. Хийри мы встречаемся не только с обобщенными образами: лес, дерево, но и с конкретными названиями деревьев, характерными для ландшафта описываемой местности: это сосна и ель, береза и тополь, дуб и клен, верба и осина. Естественно, что в зависимости от поставленной перед поэтом задачи интерес к данному образу то увеличивался, то уменьшался, то доминировал один вид дерева, то другой, однако полностью этот образ не исчезал из его поля зрения. Обратимся к приведенной ниже таблице.

Название сборника стихов	Всего упоминаний деревьев	Лес	Дерево	Сосна	Ель	Береза	Дуб	Тополь	Верба	Осина	Клен
«Солнечный день» (1970)	35	11	2	2	8	2	2	5	1	1	–
«Теплотрасса» (1972)	19	9	1	5	1	–	–	2	1	–	–
«Второе зрение» (1973)	21	3	2	3	1	6	3	–	1	–	1
«Тревожность» (1978)	26	6	6	3	2	2	–	–	3	1	–
«Ikkunani katsoo maailmaan» (1976)	16	5	6	3	–	–	–	–	1	–	–

В сборнике «Солнечный день» 35 раз упоминаются образы деревьев, наиболее часто употребляется обобщенный образ леса (11 раз), доминирующим, конкретизирующим образом является ель (8 раз). Обратим внимание на то, что тополь – символ городского пейзажа – используется в стихотворениях 5 раз. Сборник стихов «Теплотрасса» уступает другим русскоязычным сборникам этого периода по количеству упоминаний образов деревьев – всего 19. Из них доминирует лес – обобщенный образ (9 раз) и сосна – конкретный образ (5 раз). Обращаясь к описанию городского пейзажа, поэт прибегает к образу тополя (2 раза). В сборнике «Второе зрение» 21 раз поэт использует образы деревьев. Из них доминирующим является береза (6 раз), а также довольно частотны образы сосны (3 раза) и дуба (3 раза). Сборник «Тревожность» представляет несколько иную картину. Всего деревья упоминаются 26 раз. Из них доминирующими являются обобщающие образы леса (6 раз) и деревьев (6 раз), сосна и верба употребляются по 3 раза каждый. В финноязычном сборнике стихов «Ikkunani katsoo maailmaan...» («Мои окна

смотрят в мир...») всего встречается 16 упоминаний о деревьях. Из них доминируют собирательные образы леса (5 раз) и деревьев (6 раз). Сосна в сборнике также встречается довольно часто (3 раза).

Как видим, количественный анализ указывает на значительную частотность данного образа в лирике О. Мишина – А. Хийри 1970-х годов, что позволяет поэту воссоздать и типичный городской пейзаж, и лесной ландшафт. В лирике этого периода преобладают обобщающие образы леса и деревьев (51 раз): лирический герой – горожанин идет в лес, который воспринимается им как место встречи с самим собой, где «собственное сердце слушать можно // я его не слышал так давно» (1972: 19)¹. Обретая себя, он готов впустить в свое сердце и новых друзей. В мире лесном его друзья – деревья: сосна, береза, ель, дуб, тополь, верба и т. д.

В билингвальном творчестве поэта природа живет своей жизнью и, что удивительно, жизнью лирического героя. Как писал А. Гидони, для Мишина природа – это двойник человека, его «другое» я, но именно потому, что оно – другое,

оно не может существовать разобщенно от «я» человеческого» [2: 124]. Соглашаясь с А. Гидони, скажем, что образы природы в стихах О. Мишина – А. Хийри антропоморфизированы: сосна машет веткой, дуб хандрит, березняк молчит, лес вздыхает. Это сближает лирического героя с миром природы. Деревья, как близкие люди, «замерли // в аллеях парка, как в строю // В часы такие словно заново // я начинаю жизнь свою» (1972: 5).

Для лирического героя природный мир – это идеальный мир, в котором все построено по законам гармонии и взаимообусловленности. В его же мире баланс нарушен и разрушен, тревога сменяется разочарованием и унынием, поэтому герой обращается к космосу природному, чьи стойкость, выносливость и вера в непереносимое весеннее возрождение помогают ему с надеждой взглянуть в будущее.

Анализируя поэзию 1970-х годов, Е. И. Маркова пишет: «Космическая гармония лирики 60-х сменяется образами вселенского Хаоса, ведущего к пустоте» [4: 269]. Ощущение тревоги нарастает и в стихотворении О. Мишина – А. Хийри «Под дождем облетевший до срока» (1973), в котором гармония и согласие нарушены: ветер завывает, стонет березняк. Лирический герой осознает надвигающуюся опасность, чувствует свою незащищенность и одиночество, пытается нащупать и проложить свой путь, но «на макушке березы сорока – // в никуда указательный знак» (1973: 6)². Поэтому теперь, когда герой обращается к природе, изменяется вектор движения: лирический герой движется вглубь лесного мира, рассматривает, изучает его изнутри. Пространство сужается, и образы конкретизируются, приобретая все более выраженные человеческие очертания, как, например, в стихотворении «Сосна»:

Где только ветра со свистом
проносятся над крутизной,
сосна ухватила за выступ
жилистой пятерней (1972: 18).

Символом недюжинной силы выступает в этом стихотворении сосна, которая готова отстаивать свое право на жизнь в любой борьбе. В вышеупомянутом стихотворении корни дерева не только походят на руку человека, но и обретают четкий «рисунок». Жилистая пятерня – образ исключительной стойкости, упорной борьбы за право на существование. Так и любовь в лирике Мишина представлена в образе сосен, которые «живут одной землей, // одною высью» (1978: 73)³, их сплетение настолько прочно, как и крепка истинная любовь, живущая в двух измерениях: земном и небесном. В лирике О. Мишина – А. Хийри чаще встречается образ одного дерева, вокруг которого выстраивается пространство,

а в стихотворении «Своей судьбы отдельно от твоей» из сборника «Тревожность» их два – две сосны, они слиты воедино. Таким образом, центром мироздания становится любовь, созидательная сила которой способна возродить мир из тленного хаоса.

Известно, что карелы знамениты своими эпическими песнями, в малом количестве они сохранились на территории Ингерманландии. Нельзя не вспомнить и эпическую поэму «Калевала», созданную Элиасом Леннротом на основе народного творчества карелов и финнов. В связи с заявленной темой нас особо интересует образ мирового дерева, который в народных рунах и «Калевале» ассоциируется с образом Большого дуба. С точки зрения архаических представлений это дерево является связующим звеном между подземным, земным и небесным мирами. Корни дерева существуют в нижнем мире, который населен темными духами; его ствол организует земную жизнь, а ветви и крона устремлены в небесное пространство, в мир богов. Таким образом, дерево выступает символом гармонии мира, где все живет, существует во взаимосвязи друг с другом. Когда установленный порядок нарушается,

«дерево становится символом угрозы миропорядку: вырастая до небес, оно закрывает собой сияние солнца, луны, звезд, останавливает бег туч и облаков, тем самым нарушая быстрое равновесие»⁴.

Поскольку О. Мишин – А. Хийри по природе своего поэтического таланта – лирик, то эпический образ вплелся в ткань его стиха крайне редко и, безусловно, был заявлен в редуцированном виде. Однако, учитывая, что он совместно с Э. С. Киуру являлся переводчиком канонического текста «Калевалы» (1998) на русский язык, то обходиться без этого образа он не мог. Как ни парадоксально, но в 1970-е годы мы обнаруживаем доминирование данного образа не в финноязычной, как ожидалось, а в русскоязычной лирике. Например, в стихотворении «Весь день дождит...» из сборника «Солнечный день» (1970) лес – мрачен, царит уныние и увядание, «вокруг чернеют пни и сучья. // И лишь перед заходом солнца // (хотя его в помине нет, // а дождь ещё сильнее льется) // все озарит внезапный свет» (1970: 55)⁵. Мы видим четкую оппозицию верх – низ, где кроны деревьев, ветви будто принадлежат миру небесному, излучающему сияние, а стоящие рядом пни – земному; корни сосны – нижнему, подземному. Преображается мир вокруг, он наполняется светом, и то, что до этого казалось тленным, оживает, перерождается:

Тем светом все стволы облиты,
Как будто бы забрезжил день.
Мерцают травы, сучья, листья.

Пылает обомшелый пенё.
Счастливей всех в сиянье этом
в рубцах и ссадинах
сосна (1970: 55).

Ствол сосны в рубцах и ссадинах в данном контексте олицетворяет непростой жизненный путь человека, наполненный лишениями и утратами и в то же самое время озаренный светом, он становится в радость и воспринимается уже как благо. Мир вокруг лирического героя меняется на глазах, да и его «душа тем светом // как изнутри озарена» (1970: 55).

В литературе 1970-х годов возрастает значение категории памяти. Популярным становится образ-символ дерева памяти. В лирике О. Мишина – А. Хийри этот образ-символ ассоциируется с образом мирового древа. Если мировое древо структурирует пространство (верхний мир – земной – нижний), то древо памяти – время (прошлое – настоящее – будущее). Интересным представляется замечание, высказанное им в книге «Путешествие в “Калевалу”» о значении эпизода о Большом дубе в эпосе: он

«несет глубокую мысль: человеческая деятельность на земле может вызвать явления, которые нарушают гармонию и могут привести к гибели жизни, а следовательно, нужна во всем разумность» [6: 131].

Именно поиском рационального равновесия занят лирический герой билингвальной лирики О. Мишина – А. Хийри 1970-х годах, баланса настоящего и прошлого во благо будущего.

Дерево выступает у него как символ памяти, связи поколений ушедших с поколениями будущими. Оно разрастается «вширь и ввысь – во все концы // сквозь века, пространства, беды» (1978: 58), охватывая все пространство природного Космоса, тем самым приобретая в сознании лирического героя черты мирового древа.

Тема памяти в творчестве О. Мишина – А. Хийри связана с образом малой родины, с вопросом о родном языке. Если в финской лирике поэта образ дерева обретает значение символа памяти родного языка, листья которого подобны словам, готовым со временем обрести истинную форму и расцвести в полной мере, то в русскоязычных стихах лирический герой чувствует «ощущение острой // вины и грусти на душе, // что я забыл язык отцовский // и вспомнить не могу уже» (1970: 86). Природные образы Карелии во многом совпадают с природными образами Ингерманландии, малой родины поэта. Описывая отдельные деревья, леса, озера, лирический герой будто постепенно приближается к своему дому. Срок жизни дерева больше, чем срок жизни человека. В отличие от

людей, покидающих по своей воле или против своей воли родной край, деревья остаются на своей земле, поэтому они наделены, по словам поэта, памятью поколений. Процессы увядания и цветения, смерти и рождения в жизни природы и человека находят отражение в стихах, посвященных своей малой родине Ингерманландии, некогда забытому родному финскому языку и его носителям – ингерманландцам. Не случайно слова финского языка разлетаются у него, как листья. Тоска по утраченной малой родине, по родной культуре и языку аккумулируются у О. Мишина – А. Хийри в образе дерева.

Unohtuivat miltei kaikki sanat.
Muistissani säilyivät
vain muutamat:
äiti isä
Leipä
aurinko
maa.
Kuin silmut
ne odottivat aikaansa (1976: 9)⁶.

Забылись почти все слова.
В моей памяти сохранились
лишь несколько:
мать отец
Хлеб
солнце
земля.
Как почки
они ожидали своего времени⁷.

Надо отметить, что тихая печаль об утраченной культуре и языке трансформируется здесь в светлую надежду на возрождение. «Äkkiä // toinen toistensa jälkeen // kevätlehtinä // äidinkieleni sanat // puhkesivat viheriöimään» (1976: 9) («Вдруг // друг за другом // весенними листочками // слова родного языка // зазеленели»). Лирический герой верил в возможность снова заговорить на языке предков так же, как и дерево знает лишь временную наготу и уповаet на новый расцвет – новое рождение и бессмертие. Обратим внимание на слова «мать», «отец», «хлеб», «солнце», «земля», которые остаются в памяти лирического героя и становятся отправной точкой пути к родному языку. Здесь, во-первых, снова наблюдаем оппозицию верх/низ, где «солнце» символизирует верхний мир, который благословляет лирического героя на возвращение к истокам, а слова «мать», «отец», «хлеб», «земля» – символы, имеющие онтологическое значение, организующие его земную жизнь. Во-вторых, в стихотворении перечисление существительных не отделяется запятыми, потому что это единое целое, без которого невозможно существование человека. В-третьих, строфа завершается не образом подземного мира, что предполагает трехмерная пространственная структура, а образом почек

дерева, то есть образом «верхнего» мира – дерево, которое вот-вот расцветет.

В лирике Мишина дерево выступает как символ терпения, стойкости, мужественности, оно готово вынести все сложности борьбы с природной стихией за право на существование: морозной зимой, когда все голо, бездыханно и безжизненно, верить в весеннее возрождение, а весной помнить о временности и мимолетности периода расцвета. Лирический герой олицетворяет себя с деревом, которое является для него воплощением нравственного идеала.

Olen paju jokirannassa
talven hyisen tuulen
ja pakkasen
kohmetuksessa.
Mutta suojasään tullen
unohdan tyyten
kaikki vaivani
ja olen jälleen
valmis uskomaan
kevääseen.
Ja silmuni taas puhkeavat.
vaikka huomenna paukkaisi
vieläkin kovemmat pakkaset (1976: 46).

Я верба на берегу озера
из-за ледяных зимних ветров
и морозов
окоченела.
Но с наступлением оттепели

забываю совершенно
все трудности
и снова
готова поверить
в весну.
И мои почки опять распускаются.
даже если завтра ударят
ещё более сильные морозы.

Контакт человека и дерева настолько тесен, интимен, что лирический герой не случайно отождествляет себя именно с вербой – христианским символом торжества добра над злом, божественного воскресения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, образ дерева в творчестве Мишина имеет много значений: с одной стороны, это национальный символ, представляющий идеально-организованный мир, выстроенный по законам народной мудрости, настоящее которого тревожно, но будущее – возможно. Возможно благодаря любви к природе, своей национальной культуре, традициям предков и языку. С другой стороны, индивидуально-авторское представление образа дерева позволяет нам увидеть героя-странника, ищущего себя и свой путь в жизни через знакомые ему коды национальной культуры, которые создают особую эмоциональную глубину привычного образа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мишин О. Теплотрасса. М.: Молодая гвардия, 1972. 48 с. Здесь и далее: в тексте в круглых скобках указаны год издания и через двоеточие страницы.
- ² Мишин О. Второе зрение: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1973. 71 с.
- ³ Мишин А. И. Тревожность: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 120 с.
- ⁴ Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2013. С. 15.
- ⁵ Мишин О. Солнечный день: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1970. 95 с.
- ⁶ Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 s.
- ⁷ Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений с финского языка на русский осуществлен автором статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. СПб.: Наука, 1997. 246 с.
2. Гидони А. Изнутри озаренный мир: (о стихах Олега Мишина) // Север. 1972. № 5. С. 122–125.
3. Ершов В. П. «Я полесник хвойных слов...» (Ель и сосна в творчестве Н. А. Клюева: образы смерти) // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 133–142.
4. Маркова Е. И. Лирика семидесятых годов // История литературы Карелии: В 3 т. / [Отв. ред. Ю. И. Дюжев]; РАН, Институт мировой литературы им. М. Горького; КарНЦ РАН, ИЯЛИ. Т. 3. Петрозаводск, 2000. 458 с.
5. Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997. 315 с.
6. Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск: Карелия, 1988. 168 с.
7. Николаев В. И., Солоненко В. Г. Мир природы в поэзии Н. А. Клюева // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 143–152.
8. Чикина Н. В. Литература на карельском языке: истоки и тенденции. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 187 с.
9. Шокальский Е. «Распяться на древе – с Тобоем, в Тебе...» Лес, дерево и крест в лирике Клюева // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 119–132.

Поступила в редакцию 30.05.2019

Maria V. Kazakova, Senior Teacher, Petrozavodsk State University,
Postgraduate Student, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

TREE SYMBOLISM IN BILINGUAL LYRIC POETRY BY ARMAS MIŠIN (aka Oleg Mišin and Armas Hiiri)

The article presents the results of the analysis of the representation of tree symbolism in the bilingual poetry of the national poet of the Republic of Karelia Armas Mišin (aka Oleg Mišin and Armas Hiiri) in the 1970s. The aim of the article is to study the symbolism of tree imagery in the poetry of Armas Mišin (aka Oleg Mišin and Armas Hiiri). The article deals with how the traditional notions of the Baltic-Finnish peoples about the relationships between man and nature (forest) are reinterpreted in the poet's work. The actuality and novelty of the research is that the poet's work is studied from this point of view for the first time. Tree imagery in his lyric poetry obtains a symbolic meaning of the renewal of life or rebirth: the lyrical hero goes into the forest, to a tree, in order to get to know himself, to find the peace of mind, disturbed by the chaos of everyday life. There are both generalizing images, forest and trees, and the specific names of trees outlining the forest and the city skyline. The dominant image of pine is a symbol of firmness, inflexibility and loyalty. In the bilingual lyric poetry tree imagery acquires the meaning of the memory of generations, growing into the image of a word tree, symbolizing the return of the lyrical hero to his origins through his native language and culture.

Key words: bilingualism, tree imagery, literature of Karelia, Armas Mišin, national code, world tree, word tree

For citation: Kazakova M. V. Tree symbolism in bilingual lyric poetry by Armas Mišin (Oleg Mišin – Armas Hiiri). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 31–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.348

REFERENCES

1. Alto E. L. Finnish-language literature of Karelia. St. Petersburg, 1997. 246 p. (In Russ.)
2. Gidoni A. The world illuminated from within: (poetry by Oleg Mišin). *Sever*. 1972. No 5. P. 122–125. (In Russ.)
3. Ershov V. P. "I am a forester of pine words..." (Spruce and pine in Nikolai Klyuev's poetry: death imagery). *XXI vek na puti k Klyuevu: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Olonetskie stranitsy zhizni i tvorchestva Nikolaya Klyueva i problemy etnopoetiki"*. Petrozavodsk, 2006. P. 133–142. (In Russ.)
4. Markova E. I. Lyric poetry of the seventies. *History of Karelian literature*. In 3 vols. (Yu. I. Dyuzhev, Ed.). Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. 458 p. (In Russ.)
5. Markova E. I. Creativity of Nikolai Klyuev in the context of the northern Russian verbal art. Petrozavodsk, 1997. 315 p. (In Russ.)
6. Mišin A. I. Journey to *The Kalevala*. Petrozavodsk, 1988. 168 p. (In Russ.)
7. Nikolaev V. I., Solonenko V. G. World of nature in Nikolai Klyuev's poetry. *XXI vek na puti k Klyuevu: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Olonetskie stranitsy zhizni i tvorchestva Nikolaya Klyueva i problemy etnopoetiki"*. Petrozavodsk, 2006. P. 143–152. (In Russ.)
8. Chikina N. V. Literature in the Karelian language: origins and trends. Petrozavodsk, 2018. 187 p. (In Russ.)
9. Shokal'skij E. "Crucify myself on a tree – with you, in you..." The forest, the tree and the cross in Nikolai Klyuev's lyric poetry. *XXI vek na puti k Klyuevu: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Olonetskie stranitsy zhizni i tvorchestva Nikolaya Klyueva i problemy etnopoetiki"*. Petrozavodsk, 2006. P. 119–132. (In Russ.)

Received: 30 May, 2019

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nvpatr@list.ru

ОБРАЗЫ ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛИИ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И СИНТАКТИКА ТРОПЕЙЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ*

Статья посвящена анализу способов и средств создания пейзажа в русской поэзии классического периода. Рассматриваются синтактика образов финской и карельской природы. Синтактика образа понимается автором статьи как используемые поэтами модели тропообразования. Актуальность темы статьи определяется растущим в новейшей филологии интересом к исторической поэтике и герменевтике художественного текста. Новизна исследования обусловлена введением термина «синтактика» и разработкой методики лингвопоэтического анализа пейзажных зарисовок в аспекте построения образных парадигм художественного пространства. Цель работы заключается в исследовании моделей тропообразования (синтактики образов) на материале «северной» темы в русской литературе. Анализируемые в рамках статьи стихи Е. Баратынского, П. Вяземского, А. Пушкина, А. Бестужева-Марлинского, В. Бенедиктова, Н. Языкова, Н. Коншина, Ф. Глинки на «северную» тему содержат приметы «оссианического» пейзажа, мотивы воспоминания, богатую метафорику и широкие интертекстуальные связи. С образом Финляндии в русском поэтическом сознании романтической эпохи прежде всего связываются мотивы бурного моря, гранитных скал, вечного, неизменного покоя, а также героический эпос скальдов и подвиги героев «полночной страны», то есть особая северная, «оссиановская» мифопоэтика. В произведениях, посвященных карельской теме, преобладают пейзажные зарисовки скал и лесов над озером, образ водопада. Традиция упоминать петровские преобразования в связи с северной темой из романтической лирики почти совершенно уходит. Вследствие этого более богат культурно-историческими ассоциациями в романтической поэзии оказывается образ не Карелии, а Финляндии. Разработка «финской» и «карельской» тем отличается и по синтактике (построению) самих образов двух северных областей: при описании Финляндии поэты чаще прибегают к модели минимального контекста атрибутивно-именного словосочетания, легко усваиваемого поэтической традицией в качестве формул-клише, в то время как живописание карельских просторов строится преимущественно в моделях предикативных, путем введения не отдельных деталей или упоминания экзотических феноменов, а пространных описаний, с целым набором пейзажных ситуаций. Кстати, подобная архитектура образов Финляндии и Карелии, как кажется, нацелена и на подчеркивание панхронизма и неизменности при изображении финского мира (застывшая мифическая древность) и, напротив, происходящей на глазах лирического героя «здесь» и «сейчас» жизни карельской природы.

Ключевые слова: пейзажная лирика, синтактика образа, северная тема в русской поэзии, финские и карельские мотивы, северный пейзаж

Для цитирования: Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтактика тропейческих контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349

ВВЕДЕНИЕ

В работах по истории русской поэзии представлен только общий обзор пейзажной лирики, посвященной Северу России и Финляндии [1], [2], [3], [8], [9], но специальный подробный анализ обращения русских поэтов к карельской и финской теме еще не предпринимался. Само слово *север* в художественном сознании русских писателей долгое время отождествлялось не только с петровскими преобразованиями, но и с Российской державой вообще (для объяснения причин подобной универсализации понимания северной

темы достаточно упомянуть «варяжскую теорию» скандинавского, то есть северного, происхождения русской государственности, которой придерживался Карамзин и которую разделяли многие другие деятели отечественной словесности, а также высказанную еще античными авторами популярную идею легендарной страны «гипербореев», существовавшей некогда на унаследованной северянами территории).

Цели нашей работы: найти в произведениях русских поэтов первой половины XIX века описания Финляндии и Карелии, проанализировать

пейзажные образы с точки зрения формирования поэтической традиции и сами образные контексты в аспекте их синтагматики и синтактики, то есть моделей тропообразования, средств создания образов и синтагматики ключевых слов.

Задачи:

- 1) опираясь на ключевые слова «Финляндия», «Карелия» («Карела», «Корела»), «Гельсингфорс», «Онега», «Ладога», «Кижи», «Соловки», «Валаам», «Белое море», «Петрозаводск», «Олонец», «Кивач», «финский», «карельский» и некоторые др., осуществить выборку материала из поэтического подкорпуса «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru)¹,
- 2) выяснить, кто из русских поэтов обращался к теме нашего северного края, что и почему привлекало художников слова в карельских и финских пейзажах,
- 3) осуществить анализ образных контекстов, характеризующих северный пейзаж, с точки зрения формирования более или менее устойчивых формул – поэтических клише, а также выявить особенности построения тропеических синтагм – в терминах данной статьи, синтактику образов.

«ФИНСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ИСТОКИ

Первые примеры обращения русских поэтов в «финской» теме находим в одах М. В. Ломоносова («Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова», 1741), посвященных победам русского оружия в сражениях со шведами. Первым, как кажется, новый, пейзажный поворот в разработке «финляндской» темы предложил в самом конце XVIII столетия А. Х. Востоков в стихотворении «К Фантазии» 1798 года, где «северны поморья льдисты» являются вполне очевидной отсылкой к ломоносовским одам: *И дебри Финнов каменисты, И северны поморья льдисты Теряют свой унылый вид*².

В 1820-е годы «финляндская» тема становится очень популярной у романтиков, всегда питавших интерес к историческому и местному колориту, национальной экзотике, особенно в связи с увлечением так называемыми «оссианическими» мотивами, подражанием песням барда-скальда Оссиана из известной литературной мистификации и вольной переложки кельтских преданий Макферсона («оссианические» мотивы тоже причудливо переплетались в сознании русских поэтов с образом барда и пейзажами «Слова о полку Игореве»). Многие приметы «оссианических» поэм – атрибуты северной («полуночной») темы, «граниты», «утесы», «скалы», «луна», «ночь», «угрюмый лес»

и т. п., встречаем в романтических элегиях сосланного в Финляндию Е. А. Баратынского (например, в «Финляндии» 1820 года), – см. материалы таблицы 1. Еще в 1820 году, на службе в Нейшлотском полку, с унтер-офицером Баратынским познакомился и близко сошелся Н. М. Коншин, будущий русский писатель и переводчик. Очевидно, в подражание элегии Баратынского в 1823 году написана «Финляндия» Коншина. Вероятно, не избежал ставшей уже очень популярной элегии Баратынского и А. А. Бестужев-Марлинский, написавший свою «Финляндию» в 1829 году. Старший друг Баратынского П. А. Вяземский использует образ «льдов Финляндии суровой» в стихотворении, посвященном поэту и участнику финляндских походов Д. Давыдову. Также в связи с воинской биографией Д. Давыдова появляется традиционный образ «финских гранитов» у Николая Михайловича Языкова в стихотворении «Д. В. Давыдову» (1835). А. С. Пушкин ранее в стихотворении «Клеветникам России» (1831) использует похожую деталь (см. табл. 1).

«КАРЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ИСТОКИ

Первым, кто упоминает о землях вокруг Белого моря, Онежского и Ладожского озер, в русской поэзии стал М. В. Ломоносов: в поэме «Петр Великий» 1760 года рассказывается о путешествии русского царя-реформатора от Белого моря к Онеге, через Олонец к Шлиссельбургу. Другой замечательный русский поэт периода позднего классицизма и сентиментализма Г. Р. Державин в 1784–1785 годах был губернатором Олонецкого края. Несколько лет спустя после отъезда из Петрозаводска поэт напишет оду «Водопад», вспоминая, очевидно, посещение прекрасного карельского водопада во время поездки к Белому морю по делам службы.

Однако особый интерес к теме Карелии демонстрируют все же произведения писателей романтической эпохи. Так, поэт и офицер Ф. Н. Глинка был сослан в Петрозаводск за участие в движении декабристов и пробыл в Карелии с 1826 по 1830 год. Находясь в ссылке, Глинка пишет историческую поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1828–1830), обращая внимание своих читателей на безлюдность, первозданную дикость карельской земли, ее природную красоту и мощь лесов, скал и озер, рисуя их уже по сложившейся в русской лирике в связи с изображением русского севера и Финляндии традиции в «оссианическом» ключе (см. табл. 2).

Творческая судьба поэта – символа переходной для русской литературы эпохи 1840-х годов В. Г. Бенедиктова, находившегося тогда в зените мимолетной громкой славы, оказалась, так же на время, как и у Ф. Глинки, тесно связанной с карельским краем. Годы пребывания в Петрозаводске не прошли бесследно для Бенедиктова, поскольку картины нашего сурового северного края как воспоминания о детских и юношеских

годах мы находим в стихотворениях поэта 1835–1841 годов «Утес», «Озеро», «Горячий источник», «Порыв», «К товарищам детства», насыщенных яркими метафорами, эпитетами, олицетворениями (см. табл. 2).

ТРОПИКА И СИНТАКТИКА ОБРАЗОВ ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛИИ

Стихи на «северную» тему содержат приметы «оссианического» пейзажа, мотивы воспоминания, богатую метафорику и широкие интертекстуальные связи. С образом Финляндии в русском поэтическом сознании романтической эпохи прежде всего связываются мотивы бурного моря, гранитных скал, вечного, неизменного покоя, а также героический эпос скальдов и подвиги героев «полночной страны», то есть особая северная, «оссиановская» мифопоэтика. В произведениях, посвященных карельской теме, преобладают пейзажные зарисовки скал и лесов над озером, образ водопада. Традиция упоминать

петровские преобразования в связи с северной темой из романтической лирики почти совершенно уходит. Вследствие этого более богат культурно-историческими ассоциациями в романтической поэзии оказывается образ не Карелии (поэзии пушкинской эпохи по преимуществу пространственно-географический), еще богатый историческими деталями у Ломоносова и Державина, а Финляндии, напоминающей романтикам о временах древних бардов, о богах и героях скандинавской мифологии (до первого, 1888 года, перевода Л. П. Бельским собранного и обработанного к 1835 году Э. Леннротом эпоса «Калевала» было еще около полувека, и карельские мифологические сюжеты вдохновляли поэтов уже XX века: О. Мандельштам, Н. Клюева³ и др.).

Разработка финской и карельской тем отличается и по синтактике (построению) самих образов двух северных областей: при описании Финляндии поэты чаще прибегают к *модели минимального контекста атрибутивно-именного*

Таблица 1

Образ Финляндии: синтактика образа

Тип синтаксической конструкции	Поэтические контексты
<i>Бинарные атрибутивно-именные сочетания (прил. + сущ.)</i>	граниты финские, граниты вековые; буйный ветер; глубокой тишине; каменной отчизны; финских берегах; пустынных скал; скалы суровы; печальная страна; финским небесам; финские граниты; Финляндии суровой; в чужой, далекой стороне (Баратынский); к убийственному краю; Громад нетленных (Коншин); граниты вековые (Бестужев-Марлинский); финские граниты (Языков); финских холодных скал; волны финские; печальные скалы; дремучие дубравы; под финским небосклоном (Пушкин)
<i>Субстантивные сочетания (сущ. + сущ.)</i>	среди молчанья ночи; отчизна непогоды; моря рев (Баратынский); пещеры скал (Пушкин)
<i>Именные сочетания расширенного состава</i>	земли ледяного венца богатыри сторожевые; отечество Одиновых детей; сыны могучие сих грозных, вечных скал; с пустынных финских гор, в отчизне бранного Одена; сосен вечный шум (Баратынский); в пустынях полуночной дали; в безлюдьи каменной глуши (Коншин); Финляндии угрюмое чело; древних гор заветные скрижали; в безлюдьи каменной глуши (Бестужев-Марлинский); льды Финляндии суровой (Вяземский); отчизны дальней угрюмый край (Пушкин)
<i>Конструкции с обособлением</i>	гроздам, миру современным; ветер, бессмысленно свистящий среди ущелин Финских гор (Баратынский)
<i>Предикативные сочетания (грамматическая основа + распространители)</i>	Слилось море с небесами; ...с каменной горы к нему дремучий бор Сошел тяжелыми стопами...; На скалы финские без мрака ночь нисходит; воды чуждые шумят; безжизненна весна; солнце нехотя сияет (Баратынский); Здесь солнце тусклое не греет, И дни и ночи тяжелы; Здесь чуть лишь ель зазеленеет, Прильнув над трещиной скалы; Здесь нет поры условной года, Здесь только стужа иль тепло, И грозно дикая природа, Подъяв гранитное чело, Глядит бесчувственно на время, Не изменяясь, как оно; О темя бури рассекая, С земли бегущие к морям, Ее развалина немая Уныло вост по ночам! (Коншин); ...юное творение впервые Нетленною развалиной взмоло. Страхнув с ramen балтические воды, Возникли вы, как остоны природы! Там рыщет волк, от глада свирепея, На черепе там коршун точит клев, Печальный мох мерцает следом змея, Трепещет ель пролетом облаков; Туманы там — утесов неизменной И дышат век прохладою осенней. Не смущены долины жизни шумом; Истлением седеет дальний бор; Уснула тень в величии угрюмом На зеркале незбылемых озер; И с крутизны в пустынные заливы, Как радуги, бегут ключи игривы. Там силой вод пробитые громады Задвинули порогом пенный ад, И в бездну их крутятся водопады, Гремучие, как воющий набат; Им вторит гул — жилец пещеры дальней ... Бушующее море Вздыхалося в губительный потоп И, мощное в неодолимом споре, Дробилося о крепость ваших стоп; Вам жаркие и влажные перуны Нарезали чуть видимые руны. ...сияло Светило дня, злата ступени скал, И океан, как вечности зеркало, Его огнем живительным пылал... (Бестужев-Марлинский)

словосочетания, легко поэтической традицией усваиваемого в качестве *формул-клише*, в то время как живописание карельских просторов строится преимущественно в *моделях предикативных*, путем введения не отдельных деталей или упоминания экзотических феноменов, а пространственных описаний с целым набором пейзажных ситуаций – например, предикаты

в формах индикатива и императива: *блестят ... лучи; летит ... борей; верхи золотых зыбей сверкают; открылся диких камней град* (Ломоносов); *алмазна сыплется гора; шуми, о водопад!* (Державин); *стекло озер сияет; зажжется Север и пылает; кудри алые рябин висят на мраморных утесах* (Глинка); краткие предикативные прилагательные, сопровождаемые

Таблица 2

Образ Карелии: синтактика образов

Тип конструкции	Поэтические контексты
<i>Атрибутивно-именные сочетания (прил. + сущ.)</i>	вековую красу; над озером бурным, в угрюмом лесу; из двери гранитной; край дикий (Бенедиктов)
<i>Именные сочетания расширенного состава</i>	на раздольях Карелии дикой; приволье широких дубрав (Бенедиктов)
<i>Предикативные сочетания (грамматическая основа + распространители)</i>	Пуста в Кареле сторона, Безмолвны Севера поляны; В тиши ночной, как великаны, Восстав озер своих со дна, В выси рисуются обломки – Чуть уцелевшие потомки Былых, первоначальных гор... Зачем стекло озер сияет, И яркий радужный наряд, И льдистые лесов алмазы? В сих дебрях, диких и пустых, Никто картин не видит сих!.. Ночное небо – тут бывает – Вдруг разгорится, все в лучах, Зажжется Север и пылает. Огни, то в пламенных столпах, То колосистыми снопами, Или кудрявыми дугами, Яснея в холодной высоте... Ночную даль пожар узорит, И золото с румянцем спорит В выси и в зеркале озер... Пустынь карельских озера Приемлют, стихнув, ясность стали Иль вид литого серебра... Нема, глуха страна сия!.. Дика Карелия, дика!.. Малы, рассеяны в нем селы; Но сладок у лесной Карелы Ее бесписменный язык... Но живописна ваша осень, Страны Карелии пустой! С своей палитры дивной кистью, Неизъяснимой пестротой Она златит, малюет листья: Янтарь, и яхонт, и рубин.. И кудри алые рябин Висят на мраморных уступах... Здесь поздно настает весна. Глубоких долов, меж горами, Карела дикая полна: Там долго снег лежит буграми, И долго лед над озерами Упрямо жмет к берегам. Уж часто видят: по лугам Цветок синее подснежный И мох цветистый оживет Над трещиной скалы прибрежной, А серый безобразный лед (Когда глядим на даль с высот) Большими пятнами темнеет, И от озер студеным веет... И жизнь молчит, и по горам Бедна карельская берега; И в самом мае по утрам Блистает серебро мороза... Но что шумит?.. В пустыне шепот Растет, растет, звучит и вдруг Как будто конной рати топот Дивит и ужасает слух!.. Кивач! Кивач!.. Ответствуй, ты ли?.. И высал бурю он в ответ!.. Кипя над четырьмя скалами, Он с незапятнанных лет, Могучий исполин, валами Катит жемчуг и серебро; Когда ж хрустальное ребро Пронзится горными лучами, Чудесной радуги цветы Его опутают, как ленты; Его зубристые хребты Блестят – пустыни монументы. Таков Кивач, таков он днем! Но под зарю летней ночи Вдвойне любят им очи: Как будто хочет небо в нем На тысячи небес дробиться, Чтоб после снова целым слиться Внизу, на зеркале реки... (Глинка); Отвсюду объятый равниною моря, Утес гордо высится, – мрачен, суров, Незыблем стоит он, в могуществе спора С приборами волн и с напором веков. Валы только лижут могучего пяты... Мох серый ползет на широкие скаты... Взлетел и застыл он твердыней гранита, Ему не живителен солнечный луч... И дик и угрюм он, – зато он могуч! Зато он неистовой радостью блещет, Как ветры помчатся в разгульный свой путь, Когда в него море бурунами хлещет И прыгает жадно гиганту на грудь. Вот молнии пламя над ним засверкало. Перун свой удар ему в темя нанес – Что ж? – огненный змей изломил свое жало, И весь невредимый хохочет утес (Бенедиктов); ...деревья родные! ... слезы катились у вас смоляные Живым янтарем из-под темной коры, Как вы мне, сгибаясь, главами кивали, Даря свой последний, унылый привет... (Бенедиктов); В дали бесконечной виднелись леса... – у них небеса На самых вершинах лежали... вдруг налеты неведомых сил Могучую влагу сердили И вздутые в бешенстве яром валы Ровесницы мира – кудрявой скалы Чело недоступное мыли!.. под роскошной мглой Все покой вкушало, Сладкой свежестью ночной Озеро дышало... (Бенедиктов); ...синелась, шумела вода, – Далеко, далеко, не знаю куда, Катились всё волны да волны. Забуду ль ваш вольный, стремительный бег, Вы, полные силы и полные нег, Разгульные, шумные воды?.. Нет, врезалось, озеро, в память ты мне! В твоей благодатной, святой тишине, В твоём бушеванье угрюмом – Душа научалась кипеть и любить И ныне летела бы ропот свой слить С твоим упительным шумом! (Бенедиктов); В краю, где природа свой лик величавый Венчает суровым сосновым венцом И, снегом напудрив столетни дубравы, Льдом землю грунтует, а небо свинцом; В краю, где, касаясь творений начала, Рассевшийся камень, прохваченный мхом, Торчит над разинутой пастью провала Оскаленным зубом иль голым ребром, Где в скучной оправе, во впадине темной, Средь камней простых и нахмуренных гор, Сверкает наш яхонт прозрачный, огромный – Одно из великих, родимых озер; Где лирой Державин бряцал златогрустной, Где воет Кивача «алмазна гора»,... Да здравствует севера угол суровый, Пока в нем онежские волны шумят, Потомками вторится имя Петрово И бардом воспетый ревет водопад! (Бенедиктов)

связкой: *безмолвны Севера поляны; живописна ... осень* (Глинка); *утес ... мрачен, суров, незыблем стоит* (Бенедиктов) и др., – подобная архитектоника образов Финляндии и Карелии, как кажется, нацелена и на подчеркивание панхронизма и неизменности при изображении финского мира (застывшая мифическая древность) и, напротив, происходящей на глазах лирического героя «здесь» и «сейчас» жизни карельской природы.

«Пейзажные» «северные» формулы-клише формируются с участием таких прилагательных-эпитетов, как **ФИНСКИЙ** (скалы, граниты, берег, небеса, небосклон, волны, ночь), **КАМЕННЫЙ** (отчизна, глушь, гора), **УГРЮМЫЙ** (величие, край, утес, бушевание, лес), **СУРОВЫЙ** (скалы, утес, Финляндия), **ВЕКОВОЙ**, **ВЕЧНЫЙ** (гранит/-ы, развалина, шум, краса), **ПЕЧАЛЬНЫЙ** (страна, мох, скалы), **ПУСТЫННЫЙ** (залив, горы, скалы), **ДИКИЙ** (природа, Карелия, дебри, утес, край). Используются перифрастические формулы для наименования Финляндии: «отчизна непогоды», «отчизна дальная», «печальная страна», «отчизна бранного Одена», «отчество Одиновых детей». Интересно, что ожидаемые эпитеты «полночный», «северный» или «холодный» поэтами не привлекаются; только трижды употреблен топоним **СЕВЕР** и дважды гидроним **ВОДО-**

ПАД, зато гораздо более активно используются **ЛЕС** (4), **МОРЕ** (6), **ЛЕД**, **ЛЬДИСТЫЙ**, **ЛЕДЯНОЙ** (6), **ГРАНИТЫ**, **ГРАНИТНЫЙ** (8), **ОЗЕРО** (11), **СКАЛА** (12).

ВЫВОДЫ

Пейзажные образы ярко воплощаются поэтами благодаря обильно ими вводимой богатой тропике: эпитетам, метафорам, олицетворению, оксюмору: угрюмые громады, могучие утесы, гранитные скалы, дикие леса, бурные ветер и море, пустынные просторы, безжизненна весна, суровая природа и т. п., которые передают мотив одиночества, чувство печали и тоски как эмоциональную доминанту северной темы у романтиков, элегическую тональность, далекую по настроению от риторического пафоса и торжественного тона ломоносовских или державинских стихов о Карелии.

Представляется вполне плодотворным продолжение исследования в аспекте анализа карельской и финляндской темы в русской поэзии середины XIX – начала XX века, когда, как уже показали предварительные наблюдения [4], [5], многие русские поэты эпохи предсимволизма и модернизма вновь часто обращают свой взор к Кивачу, Кижам [6], [7], Соловкам и Валааму – символам карельской земли.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.05.2018).

² Здесь и далее поэтические тексты цит. по НКРЯ.

³ Однако первое упоминание о герое карело-финского эпоса Вяйнямёйнене встречается еще в поэме Ф. Глинки «Карелия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1955. 311 с.
2. Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв.: (Геокультурный аспект). М.: Наследие, 1998. 95 с.
3. Мальчукова Т. Г. Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 264 с.
4. Маркова Е. И. Олонецкие храмы в поэзии Н. Клюева // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2003. С. 286–291.
5. Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5 (142). С. 87–91.
6. Шилова Н. Л., Урванцева Н. Г. Кижские храмы в русской литературе XX–XXI веков: к библиографии вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 3 (156). С. 85–90.
7. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Материалы междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.
8. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.
9. Kiparsky V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki: Oy Suomen kirja, 1945. 263 s.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

IMAGES OF FINLAND AND KARELIA IN RUSSIAN ROMANTIC LYRIC POETRY: FORMATION OF POETIC TRADITION AND SYNTAX OF TROPE CONTEXTS*

The poems of E. Baratynsky, P. Vyazemsky, A. Pushkin, A. Bestuzhev-Marlinsky, V. Benediktov, N. Yazykov, N. Konshin, F. Glinka, which are analyzed in this article, have a "Northern" theme and include the features of "Ossianic" landscape, motifs of memories, rich metaphors and wide intertextual links. The image of Finland in the Russian poetic consciousness of the Romantic Era is primarily associated with the motifs of the stormy sea, granite rocks, eternal and unchanging calm, as well as the heroic epics of the skalds and the exploits of the heroes of the "midnight country", that is, the special northern "Ossian" mythopoetics. The landscape sketches of rocks and forests over the lake, as well as the image of the waterfall prevail in the works devoted to the Karelian theme. The tradition of mentioning Peter's transformations in connection with the northern theme of the romantic lyric poetry almost completely disappears. As a consequence, the image of Karelia, not Finland, turns out to be richer in cultural and historical associations in romantic poetry. The development of the "Finnish" and "Karelian" themes also differs in the syntactics (construction) of the images of two northern regions: when describing Finland, poets often use the model of the minimal context of attributive nominal word combinations, an easy poetic tradition that is assimilated as cliché formulas, while the depiction of the Karelian expanses is built primarily using the predicative models, by introducing not the individual details or mentioning the exotic phenomena, but by the lengthy descriptions with a whole range of landscape situations. Besides, such architectonics of the images of Finland and Karelia seems to be aimed at emphasizing panchronism and immutability in the depiction of the Finnish world (frozen mythical antiquity) and, on the contrary, the life of Karelian nature appearing in front of the lyric hero "here" and "now".

Key words: landscape lyric poetry, syntactics of image, northern theme in Russian poetry, Finnish and Karelian motifs, northern landscape

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "Syntactic dictionary of Russian poetry of the XIX century", No 17-04-00168).

Cite this article as: Patroeva N. V. Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyric poetry: formation of poetic tradition and syntax of trope contexts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349

REFERENCES

1. Bazanov V. G. Karelia in Russian literature and folklore of the XIX century. Petrozavodsk, 1955. 311 p. (In Russ.)
2. Lavrenova O. A. Geographic space in Russian poetry between the XVIII and the early XX centuries. Moscow, 1998. 95 p. (In Russ.)
3. Malchukova T. G. Northern theme in Russian poetry of the XVIII and the first third of the XIX centuries. Petrozavodsk, 2009. 264 p. (In Russ.)
4. Markova E. I. Olonets temples in Nikolai Klyuev's poetry. *Orthodoxy in Karelia. Proceedings of the Second International Scientific Conference Commemorating the 775th Anniversary of Christianization of the Karelians*. Petrozavodsk, 2003. P. 286–291. (In Russ.)
5. Patroeva N. V. Karelian motifs and folklore elements in Robert Rozhdestvensky's lyric poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 5 (142). P. 87–91. (In Russ.)
6. Shilova N. L., Urvantseva N. G. Kizhi Island in Russian literature of the XX-XXI centuries: bibliography of the topic. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 3 (156). P. 85–90. (In Russ.)
7. Shilova N. L. Kizhi text in Russian literature. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future. Proceedings of the International Scientific Conference "The First Moscow Antsiferov Readings"*. Moscow, 2012. P. 391–395. (In Russ.)
8. Epshtein M. N. The nature, the world, the hiding place of the universe. System of landscape images in Russian poetry. Moscow, 1990. 303 p. (In Russ.)
9. Kiparsky V. Finland in Russian literature. Helsinki, 1945. 263 p.

Received: 1 April, 2019

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatsad_90@mail.ru

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУДНЕВ

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
rudnevd@mail.ru

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Рассматриваются процессы реформирования русского делового языка в эпоху Петра I, которые активно продолжались во времена Екатерины II и получили логическое завершение лишь в начале XIX века. Определяются социальные, историко-культурные и собственно языковые причины ряда преобразований в сфере деловой письменной речи, имевшие характер кристаллизации, которая характеризуется последовательным упорядочением делового языка XVIII века, еще во многом аморфного и не утвердившегося в новых исторических реалиях Петровского времени. Происходившие изменения имели системный характер и были связаны с усилением роли документной коммуникации в управлении страны. Важное значение имела регламентация документов всех уровней, что привело к усилению регулирующей функции государственной коммуникации. Предлагается классификация этих преобразований по ряду признаков, демонстрируются их разноаспектность и культурная неизбежность. Подчеркивается роль государственной политики в деле реформирования русской деловой речи начала XVIII века.

Ключевые слова: деловой стиль, язык XVIII века, Петровские реформы, государственная коммуникация, кристаллизация нормы, функциональный стиль, историческая стилистика

Для цитирования: Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350

ВВЕДЕНИЕ

О значении и месте XVIII века в становлении нормы русского литературного языка существуют различные мнения; два из них, во многом полярные, весьма показательны с точки зрения двух подходов – общелингвистического и строго лингвистического – к решению одного вопроса. Первое принадлежит В. М. Живову:

«Восемнадцатое столетие – эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [4: 13].

Второе – В. В. Колесову, имеющему, как указывалось, противоположное мнение:

«О XVIII веке обычно говорят как <...> о моменте создания нового качества по всем направлениям языка и культуры. Это верно лишь с точки зрения результата, сам же процесс ни в каком отношении не был новым, а его первоисточники вообще лежат в глубокой древности. <...> Историческая заслуга деятелей этого века в том, что они ничего не ломали в действии языка – они смиренно и терпеливо продолжали начатое предшественниками, но продолжали в верном направлении» [2: 27].

О «КРИСТАЛЛИЗАЦИИ» ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Если рассматривать становление нормы русской деловой речи XVIII и последующего веков

с точки зрения функций государственной коммуникации, то видимые противоречия в интерпретации преобразований русского языка этого времени в известной степени снимаются. Для характеристики самого хода формирования нормы деловой речи XVIII века позволим себе использовать термин «кристаллизация», поскольку он оказался весьма уместен по ряду обстоятельств, сближающих это физическое явление с теми процессами, что происходили в деловой коммуникации рассматриваемого исторического времени. Во-первых, кристаллизация – всегда «отвердевание» природного вещества «в смысле структурной определенности, еще аморфного, но отвердевание закономерное» [15: 321]. Во-вторых, в результате процесса кристаллизации «формируется трехмерно-периодическая пространственная решетка, имеющая естественную внешнюю форму правильных симметричных многогранников» [15: 321]. В-третьих, правильность внешней формы обеспечивается «внутренней структурой» этих многогранников [15: 321].

Если за ось длины принять реальный путь осуществленных преобразований в устройстве государства, за высоту – идейные, культурные цели преобразования государства, за ширину – охват

и масштабность социальных сфер, то возникает устойчивая метафора произошедшего: норма языка, обслуживающего все эти государственные преобразования, есть причудливый кристалл с разными по длине, но всегда закономерными наростами в трех геометрических измерениях. Причем под кристаллизацией нормы деловой письменной речи следует понимать как установление правил составления документа, так и формирование собственно языковых стандартов его наполнения.

ДЕЛОВАЯ РЕЧЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Обратимся к характеристике делового языка с точки зрения отражения в нем идей и задач государственной коммуникации. Деловая речь, как известно, является кодом, языком государственной коммуникации, под которой, как правило, понимается один из

«аспектов коммуникативного взаимодействия власти и общества, направленный на формирование постоянного конструктивного диалога с целью обеспечения легитимности существующего порядка и придания ему стабильности» [1: 43].

К функциям государственной коммуникации, а следовательно, и делового языка традиционно относят следующие: консервативную, координирующую, интегрирующую, мобилизационную, социализирующую. Это наиболее полный набор функций государственной коммуникации, своеобразная «шкала высоты» кристаллизирующегося объекта [12: 199]. Разумеется, все эти функции в различные периоды существования государства представлены неравномерно. В Петровскую эпоху деловая речь связана с реализацией прежде всего координирующей функции, которая «призвана была обеспечивать координацию властных воздействий субъекта власти» [1: 43], в данном случае – самодержца. Однако создание в 1711 году Правительствующего Сената как высшего органа государственной власти и законодательства в известной степени разделяло ответственность за принятие решений, и стало необходимо учесть в государственном управленческом документе мнение и даже одобрение правительства и общества, по крайней мере дворянского. Эту функцию определяют как мобилизационную. Деловая речь стала выполнять и социализирующую функцию, которую определяют как «усвоение в процессе информационного обмена социально-политических норм, ценностей и традиций государства» [1: 43].

Важно иметь в виду и то, что деловая коммуникация представляет собой разновидность диалога (главным образом письменного), в котором реплике-высказыванию живой речи соответствует документ, воплощающий тот или иной деловой жанр [8: 27].

Очевидно, что наиболее важной для государственной коммуникации является вертикальная коммуникация – то есть сверху вниз, которая тотчас становится источником для обратной коммуникации и неизбежно задает образцы деловой речи. Любопытное свойство деловой речи этого времени – причудливое смешение разговорных и книжных (прежде всего лексических) элементов – позволяет допустить следующее предположение: исходная разговорная основа деловой речи, сложившаяся на основе устного судопроизводства, подверглась славянизации под влиянием распорядительных документов.

ДОКУМЕНТ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА

Примечательно, что само слово «документ» вошло в оборот в Петровскую эпоху от лат. *documentum*, что первоначально означало ‘доказательство, свидетельство’ [14: 177]. В это время документами стали называть деловые бумаги, имевшие только правовую значимость. Очевидно, что в результате проводимых реформ Петру I пришлось решать целый ряд задач по эффективному управлению государством. Царь был вынужден менять принципы государственной коммуникации и, как следствие, средство ее реализации – деловой язык.

Важнейшим документом Петровской эпохи, оказавшим влияние на деловую речь как средство осуществления государственного управления, стал Генеральный регламент (1720 год). Он не только установил управленческие нормы и правила, но и делал попытку научить новым способам и приемам работы, и прежде всего потому, что «работа с документами отождествлялась с самой управленческой деятельностью» [3: 255]. Впервые в истории России документ стал абсолютно изоморфен реальному делу. В Регламенте устанавливалось требование обязательного документирования организационно-распорядительной управленческой деятельности: указы в Сенат и коллегию, а также из Сената в коллегии должны были отправляться в письменной форме. Регламент ускорил процесс формализации и кристаллизации структуры деловых текстов. Во-первых, происходит оформление реквизитной части документа, отражающей процесс его движения в документообороте. Во-вторых, в документе стали четко выделяться такие реквизиты, как адресат, адресант, самоназвание документа, входящий/исходящий номер, дата и пр. Эти реквизиты не только отделялись графически один от другого, но и получили закрепленный порядок в документе. Так, в распорядительных документах (сверху вниз) этот порядок имел следующий вид: самоназвание документа – название учреждения, делающего распоряжение, – адресат документа. В отчетно-исполнительных документах (снизу вверх) он имел противоположный порядок: адресат документа – имя подотчетного

лица или название учреждения – самоназвание документа. Такой порядок реквизитов не только «отражал вертикаль делопроизводственной процедуры того времени, связанной с соблюдением служебной иерархии» [11: 132], но и указывал на их четкую взаимозависимость.

Оформление реквизитной части запустило и процесс формализации содержания деловых документов. Во-первых, это было обусловлено тем, что Регламент резко увеличил удельный вес документации самообслуживания. Появились «“генеральные формуляры (образцовые письма)”, по которым составлялся ряд новых разновидностей документов» [7: 52]. Во-вторых, обнаружилась потребность в распространении законодательного регулирования не только на организацию документооборота, но и на само документообразование, на процесс подготовки документов [7: 51–52].

Необходимость регламентации формы и языка документов стала ощущаться в Петровскую эпоху в связи с резким увеличением их числа, так как документирование охватило все сферы административного управления. По данным различных перечней документных жанров, их насчитывалось от тридцати до сорока. Этот «кристаллический нарост» явно опережал другие.

Итак, целый ряд преобразований в деловой речи Петровской эпохи был обусловлен усилением координирующей функции государственной коммуникации, которая дает причудливые, но вполне оправданные формы в процессе становления нормы деловой речи. Однако некоторые изменения не могут быть объяснены с этих позиций.

СЛАВЯНИЗАЦИЯ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Среди ярких особенностей деловой речи этого времени отмечают ее славянизацию. Славянизмы становятся стилеобразующей чертой нового канцелярского стиля, среди них главное место занимали указательные местоимения и служебные слова *оный, сей, понеже, егда, дабы, яко* и др., анафорические прилагательные *преждепоказанный, преждеименованный, вышереченный* и др., наречия *втуне, купно, наипаче, откуда, паки, тако, тамо* и др. [10: 31].

А. П. Майоров утверждает, что славянизация деловой речи противопоставила деловой язык Петровской эпохи приказному языку предшествующих эпох наряду с целым рядом других явлений – заменой столбцовой формы письма тетрадной, кардинальным изменением системы жанров и формуляров документов, постепенной заменой скорописного письма курсивным, введением в оборот гербовой бумаги, требованием использовать в указах новую терминологию [10: 30].

Думается, что введение книжных элементов в распорядительные документы объяснялось не только желанием противопоставить новую систему управления старой, причем и на языковом уровне, как об этом часто пишут. Но и тем, что власти поняли необходимость разъяснять проводимые реформы и убеждать в их правильности, то есть использовать государственную коммуникацию для осуществления упомянутой мобилизационной функции. Необходимость убеждать подчиненных в правильности принимаемых решений требовала привлечения языковых средств с воздействующим потенциалом, а таковым, без сомнения, обладали книжные славянизмы. Так, исследователи давно обратили внимание на особенность указов Петра I, многие из которых имели

«своеобразную преамбулу, содержащую обоснование злободневности распоряжения. Это нововведение Петра I оформляется с помощью сложного предложения с придаточным причины, вынесенным в препозицию. <...> Практически любой его указ начинается со слова понеже...» [9: 115].

МЕТАФОРА ГОСУДАРСТВА

Следует заметить и еще одно важное обстоятельство: кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху была вызвана изменениями представлений о сущности государства. Петр I склонялся к идеям Лейбница о регулярном (полицейском) государстве как наилучшей форме правления: известный математик в своих письмах русскому царю сравнивал идеальное государство с часами. В допетровской Руси государство представлялось в виде феодального дома, поэтому документы, подаваемые на имя государя или владетельного человека, «имели характер интимизации отношений между участниками речевого общения» [5: 75]. Запрет в Петровскую эпоху подавать челобитные лично государю и употреблять полуимена, исчезновение из документов формы сослагательного наклонения в значении побуждения были яркими индикаторами смены представления о государстве: метафору государства – феодального дома сменяла метафора государства как механизма. Характерно, что в документах первой четверти XVIII века происходит постепенное вытеснение личных форм глагола отглагольными прилагательными. Отмечается широкое распространение книжных по происхождению форм «по + Д. п.» (*по указу, по экстракту, по благословению*), «по + Пр. п.» (*по скончании, по получении*) и «под + Тв. п.» (*под наказанием, под опасением, под штрафом*) [6: 63]. Целый ряд изменений свидетельствовал о постепенной замене личной формы изложения безличной, что было прямым следствием смены представлений о сущности государства как

четком и хорошо отлаженном механизме. Показательной в этом отношении является, например, замена формулы, актуализирующей степень служебной ответственности за выполнение особо важных поручений. Так, в памяти 1699 года она звучит так: «вправду по святой непорочной евангельской заповеди господина еже ей-ей», а в 1725 году – «как о том Ея императорского величества государыни императрицы указ и печатной синодальной регламент повелевает» [13: 73]. С. В. Русанова заключает в связи с этим:

«Новая <...> административно-юридическая система утверждает в качестве главного регулятивного принципа в правовых общественных отношениях не силу нравственного самоконтроля, а силу законодательной системы, утвержденных императором регламентов» [13: 74].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С описательной, структурно-языковой точки зрения преобразования в деловом языке Петровской эпохи кажутся, во-первых, хаотичными, во-вторых, относящимися главным образом к лексическим заменам и способам оформления документов, а следовательно, незначительными. Однако это ощущение обманчиво, если попытаться оценить изменения с функциональной точки зрения: происходившие изменения имели системный характер и были связаны с усилением роли документного общения и его последовательной регламентацией, то есть упрочением

регулирующей функции государственной коммуникации.

Примечателен и тот факт, что трансформация деловой речи происходила в результате активного использования печатных средств оформления документов: стремясь избежать злоупотреблений, власти активно использовали изданные типографским способом указы и законы. Как следствие, старые, рукописные принципы работы с деловым документом трансформировались под влиянием принципов обработки печатного текста. К концу XVIII – началу XIX века рукописные почерки, орфографические и пунктуационные особенности делового текста, его разбивка – все это ощутимо сблизились с печатной традицией. Типографические тексты способствовали быстрой унификации деловых документов, одним из проявлений которой стало быстрое распространение различных печатных формуляров с начала XIX века.

Норма деловой речи, документные формы и стандарты, деловая канцелярия в целом – все служило государственной коммуникации в новых условиях XVIII века и, подобно кристаллу, «застывало» неравномерно по разным осям развития. И все же это был закономерный и естественный процесс: регулирующая, мобилизационная и координирующая функции государственной коммуникации на новом витке истории требовали именно таких преобразований в письменной деловой речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова Т. Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации / Под общ. ред. И. Н. Розинной. Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 43–52.
2. Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность русского общества XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 318 с.
3. Емышева Е. М. Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 8. С. 248–261.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Изд-во Школа «Языки рус. культуры», 1996. 590 с.
5. Качалкин А. Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. № 6. С. 69–76.
6. Кудрявцева Е. А. Деловое письмо и книжная традиция: черты преемственности // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 43. С. 62–64.
7. Литвак Б. Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX веках (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 48–55.
8. Лобашевская И. С. Жанры официально-деловой речи. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2007. С. 27–32.
9. Майоров А. П. Причинные союзы в деловом языке XVII–XVIII веков // Русский язык конца XVII – начала XIX века: Сб. ст., посвящ. памяти Л. Л. Кутиной и Ю. С. Сорокиной. СПб.: ИЛИ РАН, 2006. С. 113–126.
10. Майоров А. П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–36.
11. Майоров А. П. Рапорты (репорты) как памятники истории русского языка XVIII века // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 131–133.
12. Руднев Д. В., Садова Т. С. Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 198–208.
13. Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII века // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 70–74.
14. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
15. Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1984. 944 с.

Поступила в редакцию 08.02.2019

Tatjana S. Sadova, Doctor of Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

CRYSTALLIZATION OF FORMAL SPEECH IN THE PETRINE ERA

The article discusses the processes of reforming the Russian formal speech in the era of Peter the Great, which were actively continued during the time of Catherine the Great and received a logical conclusion only at the beginning of the XIX century. Social, historical, cultural and linguistic reasons for a number of transformations in business writing are determined, having crystallization character, which is characterized by the sequential ordering of the business language of the XVIII century, still largely amorphous and not established in the new historical realities of Peter the Great. The changes that took place were systemic in nature and were associated with the strengthening of the role of document communication in governing the country. Of great importance was the regulation of documents at all levels, which led to the strengthening of the regulatory function of state communication. The authors propose a classification of these transformations by certain criteria and demonstrate their diversity and cultural inevitability. The role of state policy in reforming Russian business speech at the beginning of the XVIII century is emphasized.

Key words: formal speech, language of the XVIII century, Peter's reforms, state communication, norm crystallization, functional style, historical stylistics

Cite this article as: Sadova T. S., Rudnev D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350

REFERENCES

1. Gromova T. N. State communication: theoretical model and regional practice. *Theory of communication and applied communication*. (I. N. Rosina, Ed.). Rostov-on-Don, 2002. Issue 1. P. 43–52. (In Russ.)
2. Demidov D. G., Kalinovskaya V. N., Kolesov V. V., Cherepanova O. A. Language and mentality of Russian society of the XVIII century. (V. V. Kolesov, Ed.). St. Petersburg, 2013. 319 p. (In Russ.)
3. Emyshcheva E. M. General Regulations of 1720 as an experience of creating an organizational document. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2008. No 8. P. 248–261. (In Russ.)
4. Zhivov V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 590 p. (In Russ.)
5. Kachalkin A. N. Content and style properties of business texts of the XVII century. *Russkaya rech'*. 2014. No 6. P. 69–76. (In Russ.)
6. Kudryavceva E. A. Business writing and book tradition: features of continuity. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2007. No 43. P. 62–64. (In Russ.)
7. Litvak B. G. The regularities of the evolution of records management documentation in the XVIII and the XIX centuries (formulation of the issue). *Issues of source studies of the USSR history and special historical disciplines*. Moscow, 1984. P. 48–55. (In Russ.)
8. Lobashevskaya I. S. Genres of official business speech. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2007. P. 27–32. (In Russ.)
9. Majorov A. P. Causal conjunctions in the business language of the period between the XVII and the XVIII centuries. *Russian language between the late XVII and the early XIX centuries*. St. Petersburg, 2006. P. 113–126. (In Russ.)
10. Majorov A. P. Slavic borrowings in the business language of the first half of the XVIII century. *Filologicheskie nauki*. 2009. No 4. P. 29–36. (In Russ.)
11. Majorov A. P. Reports as historical monuments of the Russian language of the XVIII century. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*. 2009. No 3. P. 131–133. (In Russ.)
12. Rudnev D. V., Sadova T. S. Business language as the basis of state communication: the problem of standard-setting. *Political Linguistics*. 2018. No 1 (67). P. 198–208. (In Russ.)
13. Rusanova S. V. Transformation of administrative writs amid the transformation of regional record management in the first half of the XVIII century. *Buryat State University Bulletin*. 2012. No 10. P. 70–74. (In Russ.)
14. Dictionary of foreign words. Moscow, 1989. 624 p. (In Russ.)
15. Physical encyclopedic dictionary. Moscow, 1984. 944 p. (In Russ.)

Received: 8 February, 2019

ФЕДОР НИКИТИЧ ДВИНЯТИН

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
f.dvinyatin@spbu.ru

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Представляется необходимым определить фундаментальные параметры нейтрального, стандартного грамматического наполнения русских поэтических текстов, в том числе в диахронии. Это может помочь выявить точку отсчета для грамматико-поэтического анализа отдельных текстов, соблюдающих количественно-грамматическую конвенцию или в той или иной мере отклоняющихся от нее. В статье обсуждается процедура выделения основных морфологических классов, своего рода укрупненных частей речи, а также гипотеза устойчивости долей этих классов в большинстве пространственных текстов и корпусов: около 42 % субстантивов, 21 % глаголов, 27 % прилагательных и наречий в слововом исчислении. Второй случай – динамика количественного распределения личных форм глаголов, времен и наклонений в русской поэтической традиции в целом, от поэтов XVIII века (приблизительно 50 % настоящего времени и 20–25 % прошедшего) через пушкинских современников (соответственно ~37 и ~39 %) до стихотворений Бродского (соответственно 56 и 23 %). Третий обсуждаемый случай – такой сильный стилиевой маркер, как доля оборотов с приименным беспредложным родительным в поэтических текстах XVIII–XX веков.

Ключевые слова: количественная грамматика поэтического текста, грамматика, поэтика, русская поэзия, части речи, глагол, родительный падеж

Для цитирования: Двинятин Ф. Н. Количественная грамматика поэтического текста: некоторые предварительные итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.351

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной филологической традиции, на пересечении лингвистики, стиховедения и поэтики, существует ряд влиятельных и продуктивных подходов к изучению морфологического уровня поэтического текста. «Грамматика поэзии» Р. О. Якобсона [14], [15] и др., основополагающая роль которой очевидна, в принципе нацелена на выявление уникальной грамматической структуры каждого анализируемого текста и не предназначена для конструирования какого-либо усредненного, нейтрального, стандартного морфологического стандарта поэтического текста. «Лингвистика стиха» М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой [1] и др. и их коллег оперирует, как и принято в стиховедении, исходными усредненными данными, для сопоставления с ними показателей по отдельным текстам, но «лингвистика стиха» изучает пограничное взаимодействие языка и стиха, и ее внимание традиционно приковано к тонким сдвигам на этом пограничье, к тому же задаваемым именно стиховой природой поэтического текста. Развернутые исследования отдельных граммем в поэтическом тексте, их распределения и семантики, подобные изысканиям Я. И. Гина [2], [3], [4], Л. В. Зубовой [11] и др. или А. К. Жолковского [10] и др., имеют дело с выделенными явлениями и весьма редко нуждаются в подсчетах и прибегают

к ним. Тотальные и количественные обследования синтаксического устройства поэтических текстов, предпринимаемые Н. В. Патроевой [12], [13] и др. и ее коллегами, лишь отчасти касаются морфологического наполнения этих текстов. А между тем задача массового, фронтального описания грамматических уровней поэтического текста – особенно морфологического – вполне может быть поставлена.

Грамматика обладает некоторыми характеристиками, позволяющими сопоставить ее со стихом гораздо более обоснованно, чем это было бы по отношению к звуковому или лексическому уровням. Репертуар фонем слишком невелик, лексем – слишком велик, а основных грамматических явлений – как раз находится в пределах тех средних значений, которые делают исследование одновременно возможным и продуктивным. Поэтика отчасти потому так последовательно интересуется семантизацией и специальной организацией звучания в поэзии, что в целом в языке звук лишь отчасти соотношен со значением и обычно не является областью специального подбора; лексика (а отчасти и синтаксис) вся погружена в область семантического и тематического и является предметом селекции; грамматика (прежде всего морфология) и здесь интригующе занимает среднее положение между необходимостью и свободой,

между тесной связью с темой и отсутствием такой связи. Помимо всего прочего, это дает возможность применить методы, родственные методам классического русского стиховедения: массовые подсчеты, выведение средних показателей и сопоставление с ними данных по отдельным текстам и подкорпусам, внимание к исторической динамике и индивидуальным профилям изучаемых авторов.

Перед подходом, который можно называть количественной грамматикой поэтического текста (КГПТ), стоит ряд ближайших задач, вытекающих как из сплошного обследования поэтической традиции в ее грамматическом измерении, так и из поиска и изучения специфических явлений грамматической организации текста, которые могут с пользой изучаться при помощи подсчетов. Характерная задача первого рода – изучение ранних, жанровых этапов русской лирики в аспекте использования базовых, текстообразующих форм глагола; проблема второго типа – историческое и стилеметрическое исследование оборотов с приименным беспредложным родительным типа «память сердца». Но возможна постановка и более общей проблемы. Какое распределение различных частей речи является стандартным, нормальным, усредненным для русского поэтического текста и существует ли вообще такая точка отсчета, с которой можно было бы сопоставлять подсчеты по отдельным текстам и констатировать, например, что «глаголов здесь немного меньше, чем в среднем»? Скажем, для звуков со времени по крайней мере Пешковского такая задача фактически решена, для словаря едва ли разрешима, а вот для грамматики? Если сопоставлять данные по традиционно выделяемым частям речи, то может создаться впечатление, что расхождения по разным текстам настолько значительны, что за ними не просматривается никакого единства, что попытки его найти – это, используя расхожую метафору, что-то вроде выявления «средней температуры по больнице». Однако не запрещены попытки такого, восходящего к Гёте, морфологического подхода (невольный каламбур, не в лингвистическом, а в общеметодологическом смысле морфологического подхода – как он был применен Андреем Белым к стиху и В. Я. Проппом к сюжетам волшебных сказок: за инвариантом четырехстопного ямба Белый усмотрел множество вариантов, за вариантами сказочных сюжетов Пропп выделил единый инвариант). Задачей морфологического в гетеанском смысле метода в области поэтической грамматики было бы выделение таких грамматических структур, которые бы работали как инварианты, то есть давали по возможно большей доле текстов возможно более ровные показатели. Это было бы не насилием над материалом, а поиском законов в беззаконье. Разумеется, необходимы оговорки:

во-первых, даже и самое успешное из таких решений едва ли смогло бы подверстать к общему правилу тексты экспериментальные и грамматически резко своеобразные, с этим приходится смириться заранее; во-вторых, реальное грамматическое разнообразие текстов при таком подходе должно рассматриваться как вторичное, как область вариантов внутри некоей выделенной инвариантности; в-третьих, такой подход, как это и принято в стиховедении, имеет смысл при принятии модели, которую математики называют игрой с нулевой суммой.

Первые результаты обчета по основным морфологическим классам представлены в работе [8]. Методом круга, следя за тем, какие грамматические явления подменяют друг друга в тексте и могут быть, таким образом, зачислены в один класс, какова в этой области дистрибуция, можно прийти к следующим упрощениям традиционно набора частей речи. Местоимения признаются классом семиотических и семантических вариантов и исключаются из области инвариантов. Они понятным образом делятся на субстантивные и адъективные. Причастия и деепричастия также расформировываются как отдельные классы и распределяются в области предикатов и атрибутов. Занимающие малый объем и обычно не слишком информативные в плане общей грамматической организации текста служебные части речи рассматриваются скопом. Наконец, поскольку просматривается заметная корреляция между употреблением в тексте адъективных и адвербиальных элементов, они зачисляются в один класс.

В результате возникает следующая четырехчленная система.

- 1) Субстантивы, а именно все имена существительные и все субстантивные местоимения.
- 2) Глаголы, а именно все личные формы глагола, инфинитивы, деепричастия и страдательные причастия в предикативной функции.
- 3) Адъективно-адвербиальные слова, а именно все прилагательные, адъективные местоимения, причастия, кроме страдательных в предикативной функции, и наречия.
- 4) Служебные части речи.

В подсчетах, предпринятых в рамках этой работы, во-первых, частеречная принадлежность всех слов понималась по возможности буквально; все трансляции-транспозиции, вроде субстантивации прилагательных, констатировались только в надежных случаях. Все вторичные сращения, вроде вводных слов, рассматривались аналитически, поэлементно, а элементы, в свою очередь, по их исходной, буквальной частеречной принадлежности. Впрочем, общая доля всех этих спорных случаев не превышала один процент материала, и, будь принято какое-либо альтернативное решение, оно не слишком бы изменило итоговые показатели. Гораздо более принципиально следующее решение. Для того чтобы,

во-первых, но отнюдь не в-главных, упростить процедуру подсчета, а во-вторых и в-главных, чтобы подчеркнуть и обнажить принцип игры с нулевой суммой, когда увеличение доли одного класса неизбежно сопровождается снижением доли остальных классов, всех или некоторых, был избран метод подсчета не по количеству слов, а по количеству слогов, занимаемых ими. Все-таки количественная грамматика поэтического текста работает с текстами стихотворными и учится у стиховедения. Скажем, в онегинской строфе 118 слогов; если субстантивами занято 48, на долю глаголов, адъективно-адвербиальных и служебных слов остается 70 слогов, и так далее.

Вот некоторые иллюстрации того, как это делается. В данном случае S-слова оставлены без выделения; V-слова выделены курсивом, А-слова – подчеркиванием, Х-слова – полужирным, остающиеся вне подсчета неслогообразующие элементы перечеркнуты.

«Парус» Лермонтова:

Белеет парус одиноким
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скривит..
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой..
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Итого: всего 102 слога, 45 слогов S-слов, 32 V, 20 А, 14 Х, или, в процентах, приблизительно 44,1 % S, 22,6 % V, 19,6 % А, 13,7 % Х.

«На стог сена...» Фета:

На стог сена ночью южной
Лицом **ко** тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.
Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносила прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.
Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд **ко** мне неслись?
Казалось, **будто** в длани мощной
Над этой бездной я повис.
И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

Два как из второй строфы по вышеописанному правилу принимаются за маркеры обстоятельственной группы; *всё* из четвертой строфы – частица. Итого: всего 136 слогов, 54 слогов S-слов, 28 V, 41 А, 13 Х, или, в процентах, приблизительно 39,7 % S, 20,6 % V, 30,1 % А, 9,6 % Х.

«Когда в тоске самоубийства...» Ахматовой:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяненная блудница,
Не знала, кто берет ее,
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений **и** обид». Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Итого: всего 170 слогов, 65 слогов S-слов, 36 V, 58 А, 11 Х, или, в процентах, приблизительно 38,2 % S, 21,2 % V, 34,1 % А, 6,5 % Х.

«Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» Ломоносова:

Лице свое скрывает день:
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!
Уста премудрых нам глаголют:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там **и** круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.
Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не ль листы ль меи ут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!
О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вы знаете пути планет;
Скажите, что наш ум мятает?
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?
Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещат,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что **окрест** ближних мест.
 Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
 Кто ж знает, коль велик Творец?

Итого: 384 слога, 168 слогов S-слов, 80 V, 110 A, 26 X, или, в процентах, приблизительно 43,7 % S, 20,8 % V, 28,7 % A, 6,8 % X.

Представляемые подсчеты основаны на корпусе из ста русских поэтических текстов XVIII–

XX веков, шестидесяти двух поэтов от Ломоносова до Бродского (список и комментарии к нему см. [8]).

Главным итогом представляется чрезвычайная солидарность окончательных данных. Безусловно, сто стихотворений дают достаточно разнообразную картину. Однако, во-первых, данные пространных текстов, включенных в материал, несравненно более единообразны. Данные подкорпусов еще более единообразны. Результаты представлены в краткой таблице (табл. 1).

Таблица 1

Распределение основных морфологических классов в исследовательском корпусе, подкорпусах и отдельных пространных текстах

	%S	%V	%A	%X
Все тексты по общему количеству слогов	41,7	21,9	27	9,4
Все тексты в среднем	42,2	21,2	27,3	9,3
Первые 25 текстов («классицизм»)	41,8	22,15	27,65	8,4
Вторые 25 текстов («романтизм»)	40,8	22,5	27	9,7
Третьи 25 текстов («постсимволизм»)	41,5	21,6	27,2	9,7
Четвертые 25 текстов («актуальное»)	42,7	20,9	26	10,4
Ямб (45 текстов)	41,6	21,4	27,7	9,3
Хорей (21 текст)	42,7	22,3	25,6	9,4
Трехсложники (13 текстов)	40,8	20,9	28,5	9,8
Прочие формы стиха (21 текст)	41,9	23,4	25,4	9,3
Ломоносов, «Ода 1747»	40,6	21,7	31,3	6,4
Жуковский, «Сельское кладбище»	40	22,3	30,6	7,1
Баратынский, «Осень»	39,9	18	34,1	8
Маяковский, «Юбилейное»	39,9	22,3	25,5	12,3
Твардовский, «Я убит подо Ржевом»	37,3	19,5	29,9	13,3
Ахматулина, «Это я»	40,4	20,6	25,1	13,9

Явное большинство текстов лишь ненамного отклоняется от средних показателей. Например, отсекая сверху и снизу по 25 (наиболее отклоняющихся по данному параметру) текстов и присматриваясь к средней полусотне, можно заметить, что для субстантивов колебание охватывает промежуток от 39,4 до 44,6 %, а для глаголов – от 17,8 до 24,4 %. Реальное грамматическое разнообразие поэтических текстов в представляемой модели рассматривается на втором уровне, уже внутри основных классов: скажем, 22 % глагольных форм (в слоговом исчислении) – это и инфинитивы, и деепричастия, и глагольные формы разных времен и лиц; текст от текста, манера от манеры отличаются этим «внутренним» распределением. Как явление конкуренции грамматических форм внутри классов может быть описано соотношение имен и местоимений, прилагательных и наречий и т. д. Единственный

более или менее последовательный диахронический процесс, который читается в материале, – это неуклонное, хотя и на уровне средних чисел небольшое, возрастание доли служебных слов. В остальном, как кажется, можно говорить о константах, в целом охватывающих все три века новой русской поэзии.

Подсчеты на разнообразном материале могут выявить и иную тенденцию: не константность, а расхождение и эволюцию. Так, например, довольно сильным маркером поэтических эпох, жанров и авторских манер представляется количество оборотов с беспредложным приименным родительным падежом типа *память сердца*. В принципе русская речь может обходиться почти совершенно без этих оборотов (по-видимому, наиболее их трудноустранимой разновидностью являются обороты с количественным значением), так что неудивительно, что в поэтической

традиции есть некоторые зоны их незначительного или даже минимального присутствия: таким фоновым показателем можно считать один оборот подобного типа на 100 слогов поэтического текста (подсчеты и комментарии к ним см. в работах: [5], [7], [9]). В целом к этому стандарту тяготеют тексты: предназначенные для детского чтения; стилизующие фольклор, народную речь и просторечие; собственно нарративные, чуждые медитативного и риторического элемента, прежде всего басни и большинство баллад; в значительной степени – относящиеся к середине и второй половине XIX века. Напротив, манера поэтического изложения, сложившаяся в оде XVIII века, продолжаемая в элегии и послании романтической эпохи, переходящая в философскую и медитативную лирику раннего пост-жанрового периода, использует эти обороты гораздо – в два-три-четыре раза – более щедро. В целом на сегодня полуторавековая диахрония частотности генитивных оборотов представляется следующей: по-видимому, для XVIII века (оды Ломоносова и Державина, «Россиада» Хераскова) средней мерой окажется 1 оборот на 60 слогов, то же в среднем для Жуковского, но для не-балладных стихотворений Жуковского и также в среднем для поэтов первых десятилетий XIX века – уже существенно гуще, 1 оборот на 40 слогов; для Батюшкова – еще гуще, 1 оборот приблизительно на 30 слогов (из 20 обсчитанных стихотворений Батюшкова в 17 наблюдается еще большая плотность, но в трех искомые обороты заметно реже); для Пушкина – в среднем 1 оборот на 50 слогов. Иными словами, в тексте объемом примерно 120 слогов поэт XVIII века и Жуковский в среднем используют 2 таких оборота, поэт начала XIX века и Жуковский как элегик – 3, Батюшков – 4, Пушкин (в среднем) – 2–3. В обсчитанных стихотворениях Лермонтова более 280 оборотов подобного типа, слоговой объем корпуса – около 16 тысяч слогов, таким образом, один оборот приходится приблизительно на 57 слогов. Лермонтов возвращается к средним нормам XVIII века и Жуковского (с учетом баллад). Кульминация, таким образом, падает на Батюшкова (*служитель алтарей // Богини неги и прохлады* – три оборота, вложенных один в другой) и некоторых близких ему поэтов; затем следует постепенное накопление у зрелых и поздних романтиков жанровых, стилевых, идиостилевых областей, практически свободных от генитивных оборотов; новое обращение к ним происходит в эпоху символизма с последующим образованием и новых кульминаций в их использовании – к числу этих несхожих кульминаций относятся венки сонетов Волошина и «кубистические» стихи раннего

Маяковского. Если для церковнославянского и древнерусского, где подобные обороты тоже используются, более или менее очевиден греческий языковой подтекст, то для русского XVIII–XX веков, помимо влияния церковнославянского, можно предположить французское или даже – учитывая, например, роль Ломоносова – немецкое языковое влияние.

Одной из наиболее ярких закономерностей, выявляемых КГПТ, оказывается эволюция стандартных соотношений личных глагольных форм в поэтическом тексте. Эти стандарты касаются в первую очередь времени и наклонения глагола. Выделяются пять общих позиций: три времени изъявительного наклонения, повелительное наклонение и сослагательное наклонение. Неудивительно, что именно распределение форм глагола представляет наглядный материал. Глагол в текстах в значительно большей мере, чем имя, склонен к серийности. Имя в своих грамматических проявлениях в меньшей степени зависит от предметной ситуации. Глагольная грамматика предоставляет пишущему большую свободу выбора. По всем этим причинам некоторые предпочтения в области глагольной грамматики, свойственные разным авторам, эпохам, стилям или жанрам, действительно могут существовать. Напротив, было бы удивительно, если бы их не было, если бы все частные, локальные предпочтения гасились бы усредняющей логикой языка, в который было бы заложено стандартное соотношение глагольных форм, сказывающееся на достаточных объемах текста. Действительно, этот параметр в русской поэтической традиции является не константным, а эволюционирующим (некоторые итоги подсчетов и ссылки на предшествующие публикации результатов: [6]). Для XVIII века выявлен «одический стандарт», наиболее надежно описанный на материале 20 од Ломоносова и 10 од Державина: для него характерно примерно 50 %-ное количество форм настоящего времени, 20–25 % форм прошедшего времени при довольно существенной доле ирреальных наклонений. Близкие значения дает панегирическая поэзия Симеона Полоцкого, писавшего почти за 100 лет до расцвета русской оды и на другом (новоцерковнославянском) языке (42,8 % настоящего, 25,1 % всех прошедших времен, 20,5 % ирреальных наклонений). Данные стабилизируются на уровне корпуса: колебания от оды к оде у Ломоносова значительны (хотя презенс всегда на первом месте), а у Державина выделяются три типа текстов с тремя конфигурациями времен и наклонений. При переходе к XIX веку наблюдается резкое изменение: доли прошедшего и настоящего времени примерно равны, но прошедшего всегда на несколько

процентов больше; в среднем – 41 и 39 % соответственно; доля ирреальных наклонений падает. Как можно судить по выборочным подсчетам, этот новый стандарт доминирует до поколения Бродского, у которого в «Части речи» и первой

части «Урании» ~56 % настоящего времени и ~23 % прошедшего (что близко XVIII веку) – можно было бы сослаться на архаизм и классицизм Бродского, у Вознесенского (табл. 2) этот процесс представлен еще более резко.

Таблица 2

Распределение личных форм глагола (прош., наст. и буд. вр. изъявит. накл., повелит. и сослагат. накл.) у некоторых авторов и в некоторых корпусах

	Прош.	Наст.	Буд.	Повелит.	Проч.
Ломоносов, 20 од	21,4	50,6	8,9	15,5	3,6
Державин, 10 од	23,5	49,5	6,5	9	11,5
Батюшков, «Опыты в стихах и прозе» без «Странствателя и домоседа»	41	34,5	12,3	10,1	2,1
Батюшков, раздел «Элегии» из «...Опытов»	41	34	14	10	1
Батюшков, разделы «Послания» и «Смесь» из «Опытов...»	40	35	12	10	3
Пушкин, 100 стихотворений 1814–1836	39,35	36,9	11,6	9,95	2,2
Баратынский, «Смерки» и позднее	34	40	15,2	8,1	2,7
Бенедиктов, 48 текстов из сборника 1835	41	36,35	13	6,95	2,7
Тютчев, 100 стихотворений 1825–1850	44,3	40,3	7,1	6,6	1,7
Лермонтов, 50 стихотворений	40,9	39,1	10,3	7,5	2,2
Бродский, «Часть речи» и первая часть «Урании»	23	55,5	11,5	5	5
Вознесенский, «Треугольная груша»	24	63	6,5	6,5	~0

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История количественных параметров русской поэтической грамматики в ее эволюции выявлена еще довольно фрагментарно. Необ-

ходимы поиск новых релевантных параметров, новые подсчеты, заполнение лакун и концептуальные объяснения выявляемых закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
2. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992. 168 с.
3. Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.
4. Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 285 с.
5. Двинятин Ф. Н. Вторая кульминация генетивной поэтики. Маяковский // Дело авангарда. The Case of the Avant-Garde. Amsterdam: Pegasus, 2008. С. 81–111.
6. Двинятин Ф. Н. Количественная грамматика и поэтика личных форм глагола в «Гусли dobroglasnoj» Симеона Полоцкого // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. No 1. С. 159–169.
7. Двинятин Ф. Н. Обороты с родительным приименным беспредложным: о поэтико-грамматической чуткости Тимура Кибирова // Подробности словесности: Сб. ст. к юбилею Л. В. Зубовой. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 119–127.
8. Двинятин Ф. Н. Распределение основных морфологических классов в русском поэтическом тексте // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: Коллективная монография / Сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М.: НЛЮ, 2017. С. 622–632.
9. Двинятин Ф. Н. Генитивные обороты: поэтико-грамматическая модель и ее возможные французские прототипы // Литературный трансфер и поэтика перевода. Transfer literacki i poetyka przekładu. М.: Азбуковник, 2017. С. 271–280.
10. Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 187–198.
11. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в зеркале истории языка. М.: НЛЮ, 2010.
12. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 334 с.
13. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII в.: В 4 т. / [Под ред. Н. В. Патроевой]. Т. 1. Кантемир, Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 581 с.
14. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии [1961] // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
15. Jakobson R. Selected Writings: Poetry of grammar and grammar of poetry. Vol. 3. [S. I.]: Mouton, 1981.

Поступила в редакцию 07.05.2018

Fedor N. Dviniatin, PhD in Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

QUANTITATIVE GRAMMAR OF POETICAL TEXT: SOME PRELIMINARY RESULTS

It is necessary to determine the most fundamental parameters of neutral, standard grammatical embodiment of Russian poetical texts, panchronically as well as diachronically. It may help to define the starting point for grammatical and poetical analysis of different texts, complying with quantitative grammar convention or deviating from it to a certain degree. The paper discusses the procedure of distinguishing main morphological classes – enlarged parts of speech – and the hypothesis of these units stability in most of the extensive texts and corpora: about 42 % substantives, 21 % verbs, and 27 % adjectives and adverbs in syllabic measuring. The second discussed case is the dynamics of the quantitative ratio of finite verb forms, times and moods in Russian poetical tradition from the eighteenth-century poets (about 50 % of verbs are in the present tense, and 20–25 % are in the past tense) through Pushkin's contemporaries (~37 % and ~39 %, respectively) to Brodsky's poems (56 % and 23 %, respectively). The third discussed case is the portion of constructions with non-prepositional genitive case in the poetical texts between the XVIII and the XX centuries as a strong stylistic marker.

Key words: quantitative grammar of poetical text, grammar, poetics, Russian poetry, parts of speech, verb, genitive

Cite this article as: Dviniatin F. N. Quantitative grammar of poetical text: some preliminary results. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.351

REFERENCES

1. Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Articles on the linguistics of the verse. Moscow, 2005. 288 p. (In Russ.)
2. Gin Ya. I. Poetics of grammatical gender. Petrozavodsk, 1992. 168 p. (In Russ.)
3. Gin Ya. I. The problems of poetics of grammatical categories. St. Petersburg, 1996. 224 p. (In Russ.)
4. Gin Ya. I. The poetics of grammatical categories. Petrozavodsk, 2006. 285 p. (In Russ.)
5. Dviniatin F. N. The second culmination of genitive poetics. Mayakovsky. *The case of the avant-garde*. Amsterdam, 2008. P. 81–111. (In Russ.)
6. Dviniatin F. N. The quantitative grammar and poetics of finite verb forms in *Gusl' Dobroglasnaia* by Simeon Polotsky. *Slověne = Slovъne. International Journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4. No 1. P. 159–169. (In Russ.)
7. Dviniatin F. N. Constructions with adnominal non-prepositional genitives: poetical and grammatical sensitivity of Timur Kibirov. *Podrobnosti slovesnosti: Collection of articles commemorating L. V. Zubova's anniversary*. St. Petersburg, 2016. P. 119–127. (In Russ.)
8. Dviniatin F. N. The distribution of main morphological classes in Russian poetical text. *Epokha "ostraneniya". Russkiy formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie: Collective monograph*. (Ya. Levchenko, I. Pil'shnikov, Comp.). Moscow, 2017. P. 622–632. (In Russ.)
9. Dviniatin F. N. Genitive constructions: poetical and grammatical model and its possible French origins. *Literaturnyy transfer i poetika perevoda. Transfer literacki i poetyka przekladu*. Moscow, 2017. P. 271–280. (In Russ.)
10. Zholkovskij A. K. Brodsky and infinitive writing. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. No 45. P. 187–198. (In Russ.)
11. Zubova L. V. Modern Russian poetry in the mirror of language history. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Patroeva N. V. Poetical syntax: category of complication. Petrozavodsk, 2002. 334 p. (In Russ.)
13. The syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII century: In 4 vols. Vol. 1: Kantemir, Trediakovsky. (N. V. Patroeva, Ed.). St. Petersburg, 2017. 581 p. (In Russ.)
14. Jakobson R. Poetry of grammar and grammar of poetry. *Semiotika*. Moscow, 1983. P. 462–482. (In Russ.)
15. Jakobson R. Selected Writings: Poetry of grammar and grammar of poetry. Vol. 3. [S. I.]: Mouton, 1981.

Received: 7 May, 2018

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОСТЮК

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
nkostiouk@hotmail.com

НАУЧНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОСТИЖЕНИЕ МИРА В ПРОЗЕ В. СОЛОУХИНА

Своеобразие стилистики творчества В. Солоухина заключается в том, что писатель в произведениях о природе популярно излагает различные научные теории, используя лексику научного языка в художественной ткани повествования. Анализ образов мира природы в произведениях В. Солоухина позволяет сделать вывод о том, что в тексте заключена полемика автора с абсолютным научным постижением мира, что проявляется, с одной стороны, в процессе детерминологизации слова, при котором нарушаются привычные языковые связи, а с другой – в иронической окраске контекстов. Наряду с детерминологизацией слова в прозе В. Солоухина столкновение двух типов повествования – научного и художественного – происходит при одновременном контекстуальном употреблении функциональных синонимов, что рождает экспрессию словесных микрообразов. Одним из центральных образов, раскрывающих эстетические воззрения автора на природу, является образ дерева. В статье представлен анализ функционирования лексемы «дерево» в произведениях В. Солоухина «Третья охота» и «Трава», а также выявлены признаки, формирующие художественное значение слова в индивидуально-авторской системе писателя. Номинативное употребление слова «дерево» проявляет свою художественную специфику в текстовых коннотациях: «таинственный, загадочно красивый» объект природы, что раскрывает центральную идею произведений В. Солоухина – чуда как удивительной красоты живых растений.

Ключевые слова: термин, детерминологизация, художественный тип значения слова, проза В. Солоухина, художественный образ

Для цитирования: Костюк Н. А. Научное и художественное постижение мира в прозе В. Солоухина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.352

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи творчества В. Солоухина часто затрудняются с определением жанровой природы его произведений. Поэтику лирических описаний природы в известных произведениях писателя, к которым относятся «Третья охота» и «Трава», Э. А. Бальбуров рассматривает как жанр лирической прозы [2: 21, 26–27]. Одновременно исследователь указывает на близость жанра лирической прозы к художественной публицистике, а также «прозе размышлений: философско-публицистической, историко-биографической, литературно-критической» [2: 32, 33]. Г. А. Цветов относит «Третью охоту» и «Траву» то к «этюдам о природе», то к «художественной публицистике»¹. С. А. Липин рассматривает произведения В. Солоухина как «научно-художественную» литературу, одновременно указывая на особый мир «поэзии наблюдений» [7: 211].

Неоднозначность в определении жанра произведений В. Солоухина, несомненно, указывает на своеобразие авторского мировидения. Существенным является также тот факт, что все исследователи указывают на особую роль образа повествователя в произведении: все фрагмен-

ты неторопливого рассказа В. Солоухина о лесе объединены личностью лирического героя, образ которого совпадает с образом автора. Исследователи творчества В. Солоухина отмечают своеобразие стилистики его произведений ввиду популярного изложения различных научных теорий, что влечет за собой использование лексики научного языка в художественной ткани повествования. Это значит, что слово в повествовании используется и как научный термин, выражающий исключительно понятие, и как элемент авторской системы в его эстетической функции, приобретающий в этой системе определенное художественное значение. Семантика художественного слова, в отличие от научного значения слова, отличается смысловой емкостью, слово получает «семантические приращения» [3: 228], которые рассматриваются в качестве коннотативного аспекта [10: 117], или сознания, лексического значения слова в художественном произведении [5], [9], [11]. В современных работах по стилистике выделяется контекстуальное значение слова, оно объединяет в себе денотативное и коннотативное значения [1: 98]. В художественном произведении «сочетание слов дает смысл больший, чем простая

сумма “значений” отдельных слов» [6: 36]. «Художественный текст устанавливает свои правила номинации, словообразования, сочетаемости, взаимозаменяемости и т. д.» [8: 92].

Художественный мир В. Солоухина многообразен и сложен, а слова в его художественной системе приобретают индивидуально-неповторимые признаки, в которых отражается отношение писателя к миру природы. Формирование значения слова в произведении происходит на стыке двух типов повествования: научного и художественного, что является отличительной чертой прозы писателя. Однако до сих пор не создан словарь языка писателя, и за последнее время можно назвать только одно значительное исследование, посвященное мотивам творчества в прозе В. Солоухина². В связи с этим актуальным является обращение к творчеству писателя с целью выявления характера признаков, формирующих художественное значение слова в индивидуально-авторской системе, их перераспределение или появление новых признаков относительно обиходного значения данного слова. В статье мы сконцентрируемся лишь на одном из центральных образов прозы В. Солоухина, описывающей красоту родной природы, а именно – на образе дерева. Именно с этим образом связаны ключевые моменты общения автора с миром природы.

Материалом исследования послужили произведения В. Солоухина «Третья охота» и «Трава»³. Обращаясь к этим произведениям, мы предполагаем решить несколько задач: 1. Методом сплошной выборки вычленив из текста произведений контексты разного объема, в которых употребляется слово «дерево»; при этом контексты могут представлять собой слово, словосочетание или сложное синтаксическое целое. 2. Сформулировать художественное значение слова «дерево» в индивидуально-авторской системе В. Солоухина. 3. Проанализировать процесс отражения эстетических воззрений писателя на природу в индивидуально-авторском значении слова «дерево».

ОБРАЗ ДЕРЕВА В ПРОЗЕ В. СОЛОУХИНА

Ярко выраженная индивидуальность образа дерева в прозе В. Солоухина заключается в большем, по сравнению с конкретными наименованиями деревьев, обобщении, объективно присущем значению слова «дерево». Понятие-образ дерева в художественной системе В. Солоухина раскрывается как в контекстах, содержащих лексему «дерево», так и в контекстах, описывающих различные породы деревьев. В силу того, что для писателя ценен каждый отдельный, конкретный компонент природного мира, который становится центром восприятия и описания, слово «дерево» выступает как заменитель конкретных пород деревьев: яблони, березы, сосны и др., – напр., «Если сосна растет на отшибе, то дерево будет низкорослое» (166).

В этом и многих других контекстах слово «дерево», являясь функционально-речевым синонимом при общности предметной соотнесенности по отношению к названиям конкретных пород дерева⁴, выполняет замещающую функцию; при этом количество словоупотреблений лексемой «дерево» – 96, наименование конкретных пород деревьев, например «береза» и «ель», – 63 и 32 словоупотребления соответственно. Каждое из этих слов отражает одну и ту же закономерность художественного преобразования слова в прозе В. Солоухина: номинативное значение слова осложняется авторскими эмоционально-экспрессивными коннотациями, что продемонстрирует последующий анализ.

«Третья охота» и «Трава» В. Солоухина близки и по жанру, и по идейному содержанию⁵. Его можно определить как непостижимость чудодейных сил природы, красота которой одухотворяет человека. В произведениях В. Солоухина над содержательно-фактуальной информацией превалирует информация содержательно-концептуальная, или «информация эстетико-художественного характера» – «это замысел автора плюс его содержательная интерпретация» [4: 28].

Развивающаяся в прозе В. Солоухина мысль о непостижимости природных тайн обуславливает характер словесных образов, которые включаются в раскрытие этой идеи. Непосредственно объективирующей ее является один из центральных словесных образов природы – «фантастическая лаборатория»:

«Я все удивляюсь, когда гляжу на дерево ли, на цветок ли, теперь вот на гриб. В самом деле, растут две яблони. Если мы будем изучать физические и химические свойства их древесины, корней, листьев, лепестков <...> то, может быть, и не найдем очевидной разницы. Может быть, нет очевидной разницы и в тех веществах, которые дерево тянет из земли. <...> Ну, там азот, кислород, всевозможные углероды. И тем не менее на одной яблоне вызревают кислые и горькие плоды, а на другой, в десяти шагах <...> сладкие и душистые. Дело в пропорциях, ответят мне. <...> Но я и спрашиваю, где та чудесная, та гениальная, та непостижимая лаборатория, которая дозирует, смешивает (и знает, что брать), и смешивает из века в век, в одной и той же пропорции» (220–221).

И даже если изучать дерево с помощью научных инструментов, невозможно дойти

«до фантастической лаборатории, способной создавать из бесформенных и беспорядочно валяющихся вокруг веществ либо антоновское яблоко, либо белый гриб» (221).

В ряду «фантастический» – «чудесный» – «гениальный» – «непостижимый» слово «фантастический» наиболее емко по своей семантике. Содержание художественного понятия «фантастическая лаборатория» формируется в соотнесении двух типов отношения к миру природы (лесу, дереву, цветку, яблоку): понятийно-научного

и художественно-образного, представленных соответственно в двух пластах данного контекста и всего произведения в целом – научной лексики и лексики, отражающей в семантике чувственно воспринятые признаки предмета, его оценку.

Ведущие семантические признаки слов-компонентов образа «фантастическая лаборатория»: 'о том, где создается, синтезируется нечто новое' и 'таящий в себе необъяснимое, неподвластное разуму; необыкновенный, загадочный', – как бы аккумулируют в себе попытку соединения рационального и чувственного начала в процессе познания, которые в принципе для В. Солоухина несоединимы, что продемонстрирует последующий анализ.

Разнообразная научная лексика представляет собой первый тип описания видимого и познаваемого автором мира: выделяется лексика, характерная для различных отраслей научного знания («вещество», «анализ», «пропорции», «доза», «лаборатория», «состав», «клетка», «ядро», «углеводы» и др.), и конкретно-научная лексика – ботаническая («лепестки», «листья», «корни», «древесина», «плоды», «пыльца»), усиливающая впечатление научного осмысления предмета. Однако в тексте заключена полемика автора с абсолютным научным постижением природы, что проявляется в иронической окраске контекстов.

В произведениях В. Солоухина идет активный процесс детерминологизации, при котором нарушаются привычные языковые связи, что рождает экспрессию словесных микрообразов: ср. «обыскать дерево при помощи микроскопов» вместо «обыскать кого-нибудь» (при этом экспрессивный в данном контексте глагол «обыскать» заменяет нейтральные общенаучные глаголы «рассмотреть» и «исследовать»); ироничны по своим текстовым коннотациям эпитеты «могучий» ('сверхмощный'), «хитроумный» ('сверхсложный') в словосочетаниях «могучий микроскоп» и «хитроумный анализ». Детерминологизация проявляется в стремлении конкретизировать весьма отвлеченные понятия: «бесформенное вещество», «беспорядочно валяющиеся вещества». Столкновение отвлеченного (обобщенного) и конкретного продолжается в антитезе: «вещество-яблоко», «вещество-гриб», «элемент-жасмин», напр.: «Ни один элемент в чистом виде жасмином не пахнет» (350). Столкновение двух повествовательных манер происходит в одновременном контекстуальном употреблении функциональных синонимов, напр.: «легочница лекарственная – медуница» (251) и др. Сравните также:

«Ладно, если б родились на березе особенные плоды. Вовсе не родится никаких плодов. Не добывают из березы ни каучука, ни живицы. Просто так. Хороша, и все. Береза – и этим все сказано» (188–189).

Этот контекст повествует о том, что восприятие березы для лирического героя В. Солоухина

становится осознаваемым счастьем вне зависимости от того, какую материальную пользу приносит или не приносит это дерево человеку.

Художественный тип описания предмета или явления связан не только с выделением разных лексических пластов в произведениях В. Солоухина, но и с иным принципом употребления слов, создающих эмоциональный образ. Наиболее ярко это проявляется в контекстах, в которых наряду с терминологической характеристикой предмета дается и его художественное осмысление:

«<...> осина – тополь, одна из разновидностей тополя, наиболее морозостойчивая» (183) и «Каждая осина в лесу или стоящая отдельно на меже кажется мне в это время осенью каким-то фантастическим марсианским растением, потому что непривычно видеть, чтобы дерево было все красное с головы до ног» (186).

В прозе В. Солоухина утверждается художественный тип описания и, следовательно, постижения определенных природных реалий (дерева, гриба, цветка):

«Не будем сейчас думать о том, что, сорвав и держа стебель одуванчика, мы держим вовсе не один цветок, а соцветие, корзину, как выражаются ботаники <...> Но, глядя на поляну и видя ее всю золотой, невозможно освободиться от впечатления, что некий художник-гигант окунал свою кисть прямо в солнце и разбрызгивал его прямо по зеленой земле» (408).

Существенно значимыми для автора оказываются противопоставленные объективному, научно постигаемым признакам предмета («физические и химические свойства их (яблонь) древесины, корней, листьев, лепестков» и т. д.) чувственно воспринимаемые признаки, окрашенные авторским отношением к предмету. Так, плоды, которые рождает дерево, могут быть «кислые», «горькие», «сладкие» и «душистые», то есть обозначать запах и вкусовые качества. Образы одуванчика и осины, грибов и самого леса рисуются при помощи эпитетов, передающих цветовое восприятие предмета: «золотая поляна», «зеленая земля», «нежно-зеленая яркая окраска стволов осины» (185), а также нагнетанием оценочных эпитетов: «лес тихий, торжественный, чистый, почти сказочный» (217), «фантастические полчища грибов, по преимуществу тоже необычных, могучих» (218). Образность, изобразительность дают возможность почувствовать авторское «я», которое проявляется в эмоциональной оценочности и экспрессивности описания (о сморчке: «какая-то набрякшая водой сиренево-серая дрожалка» (247) и «дерево было все красное с головы до ног» (186)). Экспрессия признака может усиливаться метафорами-олицетворениями: «белая кожа берез» (191), «тело белой березы» (192). В этих и других описаниях реализуется экстенсимальная (расширительная) функция рассматриваемого текста, о которой пишет Н. Н. Михайлов: «...она расширяет семантику слов, раздвигая рамки их сочетаемости

и наделяя их дополнительными семемами» [8: 108]. Эмоциональная оценочность и экспрессивность в описании лесных растений контрастирует с научным типом описания, раскрывая стилиобразующий принцип произведений В. Солоухина. Вот почему образ «фантастическая лаборатория», в котором сталкиваются слово из общенаучной сферы бытования и экспрессивное определение «фантастический», является прекрасной иллюстрацией стилиобразующего принципа произведений писателя.

Этот же образ, являясь основополагающим в развитии идеи непостижимости природных тайн, определяет активность слов «чудо», «тайна», «завеса». Мотив тайны и чуда сопутствует не только образу дерева, которое сравнивается с «марсианским растением», но и другим образам природы: семечки, фиалки, гриба-сморчка:

«Но как узнать, что скрывается в семечке? <...> Сумев увидеть и понять в семечке великое чудо, наше сознание невольно делает еще один шаг и тотчас наткнется на глухую, абсолютно черную, непроницаемую завесу, отдаляющую нас от тайны тайн» (320–321); «Я держал его (клубень фиалки. – Н. К.) <...> и еще раз дивился великому чуду. Где-то хранились в нем <...> фиалки с их очарованием, ароматом» (375); «Зачем-то они (сморчки. – Н. К.) нужны природе <...> Этой маленькой тайны мы никогда не узнаем» (255).

Расширяющие смысловое содержание образа «фантастическая лаборатория» слова «чудо», «тайна», «завеса» уточняются через усиление компонента значения ‘непостижимое’ (эпитеты «черный», «таинственный», «неведомый», «не понятный» [о природе], словесный образ «непроницаемая завеса»), а также компонента ‘значительный’ (эпитет «великое» чудо).

Непостижимая суть живого (растения) осмысливается не только как нечто таинственное в своем появлении, но и как необъяснимая красота. Эта художественная мысль концентрируется в слове «чудо», семантика которого перестраивается в контекстах, включаясь в новую линию развития смысла повествования: ‘нечто необыкновенное, что поражает и восхищает необъяснимым совершенством’. В авторской системе В. Солоухина понятия «чудо» и «красота» сближаются:

«<...> истинное великое чудо начинается там, где останавливается наш взгляд. Может быть, осознавая это, Пришвин прямо и говорит: “Разве я не понимаю незабудку: ведь я и весь мир чувствую при встрече с незабудкой, а спроси, сколько в ней лепестков, не скажу”» (361); о сморчках – «чудеса природы» (260); о нарциссах и тюльпанах – «садовое чудо» (365).

Как видим, художественный текст демонстрирует свои правила номинации и сочетаемости лексических единиц.

Идея совершенства природы преломляется и в словах «сказка», «шедевр», «волшебный», «удивительный», «удивляться». Эти слова по-разному оттеняют различные смысловые грани понятия чуда: компонент значения слова «чудо»

‘удивление’ актуализируется в таких контекстах, как «вылезают на свет божий удивительные растения, которые мы сначала зовем челяшами» (186), «удивительные явления природы» (о сморчках) (260). Семантический компонент ‘загадочный’ прослеживается в словах «сказка», «шедевр», «волшебный», «фантастический»: «остановился перед волшебной веточкой ландыша, расцветшего в зеленоватой еловой тени» (443), «дивная сказка» – о цветах медуницы (252) и др.

Идея красоты раскрывается также у В. Солоухина через мотив ценности для человека эстетического познания мира. Этот мотив разворачивается в словесных рядах «смотреть – любоваться – созерцать – наслаждаться» и «наслаждение – радость – восторг – удовольствие», которые часто параллельно употребляются в одном контексте, взаимодополняя друг друга в качестве действия и результата этого действия:

«Каждый раз, когда я видел что-нибудь очень красивое в природе: цветущее дерево, цветочную поляну <...> у меня появлялось чувство, похожее на досаду. <...> ты прошел мимо, не зная, что делать. Потом я понял, что нужно. Остановиться и смотреть. Любоваться. Созерцать. <...> Только тогда красота как бы пригласит тебя в собеседники, только тогда возможен с ней глубокий духовный контакт, а значит, и радость удовлетворения» (484).

Значения глаголов-синонимов, выражая понятия с различной степенью положительной оценочности («любоваться», «созерцать» – ‘смотреть с удовольствием, восхищением’), так же как и ряд эмоционально-оценочных существительных, объединенных сквозным семантическим признаком ‘удовольствие, наслаждение’, создают эмоциональную атмосферу образа дерева (цветка, травы и т. д.), вследствие чего слова и «гриб», и «травы», и «цветок», и «дерево» приобретают в контексте эмоциональные коннотации просветленного настроения, сопутствующие признаку ‘вызывающий чувство наслаждения своей красотой’.

Тема красоты, эстетического восприятия образа дерева у В. Солоухина связана со зрительно воспринимаемыми признаками, тема же полезности дерева основывается на научных сведениях об определенной породе (189). Вот как эти две линии соединяются в реальном контексте при описании осины:

«Проклятое дерево, Иудино дерево – называли его по деревням. Хотя я не знаю, откуда могло явиться такое предположение. В краю олив и ливанских кедров <...> и вдруг – осина. Осина больше сочетается с северным сероватым небом, нежели с пылающей лазурью небес, с сырым суглинком Вологодчины, нежели с раскаленным белым камнем палестинских земель» (182).

Эмоциональное восприятие любого дерева, цветка или гриба у В. Солоухина происходит непременно в цвете, часто передаваемом посредством фигуры контраста. Так, понятие-образ

осины формируется лексикой, характеризующей цветовое восприятие неба и земли, окружающих дерево: общий семантический признак 'не яркий' – один из ведущих признаков осины («северное сероватое небо» вызывает ассоциации с неяркой природой, «сероватый» – 'цвета золы') – подчеркнут контрастом с семантикой эпитетов «пылающий», «белый» и слова «лазурь». Общее впечатление неяркости дерева опирается и на образ «сырой суглинок» в противопоставленности образу «раскаленной земли Палестины». Восприятие дерева у В. Солоухина, что доказывает приведенный ранее контекст, наглядно и эмоционально одновременно: родной скромный пейзаж дан в противопоставлении нейтральной в общелитературном языке и высокой лексики: «небо – небеса», «сероватый – лазурь»; нейтральной и экспрессивной лексики: «северный», «суглинок» и «пылающий», «раскаленный».

Осмысление темы пользы дерева может подаваться и как научное определение его свойств: «<...> осина <...> обладает самой лучшей древесиной. <...> осина обладает свойством долго не гнить в воде» (183–184). Практически это популярно-научное описание, но оно не оказывается доминирующим в прозе В. Солоухина, потому что художественная интерпретация свойств дерева «поглощает» в себе научное знание о предмете. Так, для автора «истинное наслаждение» колоть осиновые чурки: «<...> толстый чурак с легким щелчком разлетается на две половинки, сверкающие на вечернем солнце чистой са-

харной белизной» (184). Заготовка древесины превращается в образно-эмоциональную картину, а семантика слова «осина» осложняется радостными эмоционально-экспрессивными коннотациями, лежащими в основе ассоциативных связей внутри текста, или ассоциативной когезии [4:79], характерной для произведений В. Солоухина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В семантико-стилистической системе В. Солоухина номинативное значение слова осложняется авторскими эмоционально-экспрессивными коннотациями. Закрепление различных коннотативных оттенков смысла за номинативным употреблением слов, обозначающих конкретное дерево, цветок или гриб, характерно также для слов, обозначающих родовые обобщенные понятия. Так, лексема «дерево», реализуя в контекстах номинативное значение 'многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону', максимально приближенное к литературному толкованию слова, проявляет свою художественную специфику в текстовых коннотациях: 'таинственный, загадочно красивый' объект природы. При этом становление центральной идеи произведений В. Солоухина – чуда как непостижимой тайны природы и чуда как удивительной красоты живых растений – происходит через отрицание научного абсолюта как единственно возможного пути постижения мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цветов Г. А. Проза Владимира Солоухина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. С. 16.
- ² Федосова Е. А. Мотивы творчества и словесная живопись в прозе Владимира Солоухина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 18 с.
- ³ Солоухин В. Третья охота. Трава // Солоухин В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. 518 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁴ Капацинская Е. В. Синонимы в художественной речи К. Паустовского, Ю. Казакова, В. Солоухина, И. Соколова-Микитова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1979. С. 7.
- ⁵ Цветов Г. А. Проза Владимира Солоухина. С. 15–16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Бальбуров Э. А. Поэтика лирической прозы (1960–1970 годы). Новосибирск, 1985. 132 с.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
5. Задорнова В. Я. Слово в художественном тексте // Язык. Сознание. Коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 29. С. 115–125.
6. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худож. лит., 1974. С. 27–53.
7. Липин С. А. Человек глазами природы. М.: Сов. писатель, 1985. 231 с.
8. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. 217 с.
9. Садриева К. Е. Эстетическое значение имен прилагательных в языке художественной прозы А. С. Серафимовича // Ученые записки Казанского университета. 2015. № 5. Т. 157. С. 218–226.
10. Сторожева Е. М. Коннотация и ее структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 14. С. 113–118.
11. Шемчук Ю. М., Максимова М. А. Коннотативные значения лексем в художественных текстах и их переводах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 193–195.

Поступила в редакцию 05.03.2019

Nina A. Kostiuk, PhD in Philology, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

SCIENTIFIC AND LITERARY COGNITION OF THE WORLD IN VLADIMIR SOLOUKHIN'S PROSE

Vladimir Soloukhin has a unique stylistic method: when writing about nature, the author popularizes various scientific theories using scientific vocabulary in his creative literary works. The interpretation of the natural world images depicted in Soloukhin's works leads to the conclusion that the text contains the author's controversy with the absolute scientific understanding of the world, which is manifested, on the one hand, in the process of the word determinologization, in which the usual linguistic connections are broken, and on the other – in the ironic coloring of contexts. Along with the word determinologization, in Soloukhin's prose we find the collision of two types of narration – scientific and artistic – which occurs with the simultaneous contextual use of functional synonyms, giving rise to the expression of verbal microimages. One of the central images revealing the author's aesthetic views on nature is the image of a tree. The article presents the analysis of the functioning of the lexeme “tree” in Soloukhin's books *The Third Hunt* and *Grass*, and reveals the characteristics that form the artistic meaning of the word in the author's individual system. The nominative use of the word “tree” reveals its artistic specificity in textual connotations: a ‘mysterious, mysteriously beautiful’ object of nature, which reveals the central idea of Soloukhin's works – a miracle as the amazing beauty of living plants.

Key words: term, determinologization, literary type of word meaning, Soloukhin's prose, literary image

Cite this article as: Kostiuk N. A. Scientific and literary cognition of the world in Vladimir Soloukhin's prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.352

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Modern English language: Textbook for university students. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.)
2. Bal'burov E. A. Poetics of lyrical prose (1960–1970). Novosibirsk, 1985. 132 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. The language of literary texts. Moscow, 1959. 655 p. (In Russ.)
4. Gal'perin I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow, 2004. 144 p. (In Russ.)
5. Zadornova V. Ya. Word as an element of literary texts. *Language. Consciousness. Communication*. Moscow, 2005. Issue 29. P. 115–125. (In Russ.)
6. Larin B. A. Categories of literary discourse. *Estetika slova i yazyk pisatelya*. Leningrad, 1974. P. 27–53. (In Russ.)
7. Lipin S. A. The human being through the eyes of nature. Moscow, 1985. 231 p. (In Russ.)
8. Mikhaylov N. N. Theory of literary texts. Moscow, 2006. 217 p. (In Russ.)
9. Sadrieva K. E. Aesthetic meaning of adjectives in the language of A. S. Serafimovich's artistic prose. *Proceedings of Kazan State University*. 2015. No 5. Vol. 157. P. 218–226. (In Russ.)
10. Storozheva E. M. Connotation and its structure. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007. Issue 14. P. 113–118. (In Russ.)
11. Shemchuk Yu. M., Maksimova M. A. Connotations of lexeme meanings in literary texts and their translations. *Philological Sciences*. 2016. No 1–2 (55). P. 193–195. (In Russ.)

Received: 5 March, 2019

ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВНА НОВОСЕЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
novosita@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено в русле политической лингвистики – появившемся на базе языкознания и политологии научном направлении, которое в конце XX – начале XXI века стало интенсивно развиваться не только за рубежом, но и в России. Эта дисциплина тесно связана с когнитивной лингвистикой, социологией, риторикой, медиалингвистикой. Вопрос о политическом дискурсе как многомерном и сложном коммуникативном феномене вызывает лингвистический интерес, так как вербальным средством общения является политический язык, который выполняет не только функцию передачи информации, но и относится к одному из эффективных средств воздействия на массовую аудиторию. Актуальность темы обусловлена широким использованием средств речевой экспрессии в актах политической коммуникации. Цель статьи – рассмотреть трансформированные фразеологические обороты как экспрессемы, определить их значение, компонентный состав и проследить стилистические функции в выступлениях политиков, общественных и государственных деятелей, а также медиапубликациях социально-политической тематики. В работе описываются такие речетворческие приемы модификации фразеологизмов, как количественное изменение их структуры (сокращение или расширение компонентов устойчивого оборота), замена компонентного состава, двуплановое употребление фразеологизма, фрагментарное цитирование устойчивого оборота, а также рассматривается прагматическая функция трансформированных языковых единиц – целенаправленное воздействие на адресата. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, творчески преобразовывая фразеологизмы, участники политического дискурса раскрывают их функциональные возможности: трансформированные обороты могут служить средством создания комического эффекта, с их помощью рождаются новые образы, выражаются различные оттенки отношения к фактам действительности, прослеживаются эмоциональные коннотации контекстов, стимулируется интерес к актуальным проблемам современности. Текстами для анализа послужили материалы различных информационных агентств и телевизионных трансляций.

Ключевые слова: политическая лингвистика, медиалингвистика, политический язык, политический дискурс, экспрессема, фразеологизм, трансформация фразеологизма

Для цитирования: Новоселова В. А. Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.353

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке исследования политического дискурса как особой сферы коммуникации начинают появляться в девяностых годах прошлого столетия [12], [15] и активно продолжают в настоящее время [8], [17]. Выходят в свет учебные пособия для высших учебных заведений по этой дисциплине¹. Несмотря на целый ряд зарубежных и российских публикаций, посвященных разноаспектному описанию этого коммуникативного явления, до сих пор не существует его общепринятого определения [6], [15], [18], [19], [20], [21].

Вслед за Ю. Н. Карауловым и В. В. Петровым политический дискурс мы рассматриваем как многомерное «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, и экстралингвистические факторы» [7: 8]. Термин *политический*

дискурс синонимичен понятию *политическая коммуникация* [2: 127].

Транслятором общения в политическом дискурсе является политический язык, выполняющий информативную, оценочную и волюнтаривную функции. Для эффективного воздействия на адресата эта коммуникативная вербальная единица характеризуется активным использованием разноуровневых экспрессем: графических, лексико-словообразовательных, грамматических и др. [9], [10], [11].

В системе дискурсивных средств речевой экспрессии особое место занимают фразеологизмы, «сама природа» которых, по мнению И. Б. Голуб, «создает предпосылки для их использования» в художественных и публицистических текстах [3: 120].

Как известно, к фразеологизмам в широком понимании относятся фразеологические обороты

с различной степенью слитности компонентов, пословицы и поговорки, устойчивые компаративные фразеосочетания, крылатые слова и выражения (крылатизмы), речевые штампы². Творческая обработка фразеологических оборотов расширяет их выразительный потенциал и привлекает внимание участников речевых актов.

Автор «Стилистики художественной речи» А. И. Ефимов, рассматривая фразеологическое новаторство русских писателей XIX века, отмечает, что, несмотря на нарушение целостности фразеологических оборотов, эти языковые единицы не утрачивают связи с содержанием и структурой соответствующих устойчивых словосочетаний и предложений [5: 286]. Известный отечественный лингвист В. З. Санников считает, что творческое преобразование фразеологизмов является средством создания языковой игры, квалифицируемой как вид лингвистического эксперимента [13: 33].

Фразеологические обороты как дискурсивные единицы все чаще становятся предметом изучения современной функциональной лингвистики, которая рассматривает язык в качестве инструмента коммуникации [1], [14], [16].

Трансформация фразеологизмов в речи государственных и общественных деятелей, политологов и журналистов – явление чрезвычайно распространенное в современном политическом дискурсе, так как этот стилистический прием позволяет автору выразить свое отношение к коммуникативному событию, находящемуся в фокусе социального внимания, описать его в позитивном или негативном ключе, придать ироническую, саркастическую или сатирическую окраску.

В речевых актах политической коммуникации используются различные приемы творческой обработки фразеологизма. Это количественная модификация его структуры (сокращение или расширение компонентов устойчивого оборота), замена компонентов его состава, двухплановое употребление фразеологизма, фрагментарное цитирование устойчивого оборота.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ МОДИФИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Сокращение компонентов фразеологического оборота

Редукция фразеологических оборотов стимулирует процесс осмысления реального события, представленного в акте коммуникации, поскольку адресат восстанавливает недостающий структурно-семантический компонент устойчивой языковой единицы.

1) *Далеко щенки лезут*: керченская провокация может стоить поста грузинскому министру (News Front, 27.11.18).

В русской пословице *Лес рубят – щепки летят* говорится о том, что серьезное, большое

дело иногда сопровождается какими-либо издержками, неприятностями, побочными эффектами, с которыми приходится мириться. В представленном заголовочном микроконтексте отмечается сокращение лексико-грамматической структуры устойчивого выражения: дается только результативная часть пословицы (умозаключение). Автор публикации рассчитывает на то, что адресат без труда восстановит недостающие компоненты знакомого фразеологизма, а добавочное слово *далеко* вызовет определенный интерес (а насколько далеко?). У участника политического дискурса обязательно возникнет логичный вопрос: каким же образом провокация в Керченском проливе связана с министром иностранных дел Грузии Д. Залкалиани?

2) *Американские ушки тбилисского соглашения* (Украина.ру, 11.02.19).

В заголовочном тексте статьи автора эксклюзивного издания *Украина.ру* Мирослава Войтенко представлено сокращенное устойчивое выражение *ушки торчат*, то есть обнаруживается то, что при всем желании не удастся спрятать, скрыть, утаить. В публикации речь идет о меморандуме, предусматривающем координацию усилий по «реинтеграции оккупированных территорий», принятому правительствами Украины, Грузии и Молдавии по указанию Госдепартамента США. Автор презрительно-иронически относится к заключенному соглашению, которое свидетельствует об унижительном, рабском подчинении политики этих стран интересам Америки. Экспрессию усиливает модификация компонента фразеологического оборота с унижительной коннотацией – *ушки*.

3) *Зеленский пошел по граблям Порошенко* (ВЕСТИ.RU, 21.05.19).

По аллюзивному слову *грабли* восстанавливается редуцированное устойчивое словосочетание *Наступить на те же грабли* – повторить свои или чужие ошибки. Автор статьи Андрей Архипов использует аллюзию как средство создания подтекстовой и оценочно-характеризующей информации: он негативно относится к тому, что Зеленский в первый же день вступления в должность президента просит у Запада усилить санкции против России, и этот факт, по мнению журналиста, может быть началом повторения провальной политики Порошенко.

Расширение компонентов фразеологизма

Введение дополнительных лексических единиц в устойчивую структуру фразеологического оборота позволяет усилить экспрессивность речи, придать новые смысловые оттенки содержанию контекста.

1) *У Трампа пока никак не выходит: денег на стену с Мексикой нет, из Сирии удочки – хотя бы на словах, – но пришлось смотреть* (LiveJournal, 07.02.19).

Разговорно-просторечное устойчивое словосочетание *смотреть/смаывать удочки* имеет значение *поспешно, торопливо уйти, удалиться, отступить*. Добавочный глагольный компонент *пришлось* с иронической тональностью показывает, что действие совершилось поневоле, вопреки желанию, по необходимости. Инверсивное расположение узуальных единиц служит целям актуализации внимания на основной мысли микроконтекста.

2) *Хотя, казалось, здорово придумали: окружают Россию со всех европейских сторон ракетами, а сами из-за океана смотрят, как они там друг друга стирают с лица земли* (РИА Новости, 21.02.19).

Структура фразеосочетания *окружить со всех сторон* усложняется за счет дополнительных языковых единиц уточняющего характера: *окружить что?* – *Россию* (конкретизируется объект, на который направлено действие); *со сторон каких?* – *европейских* (называется признак предмета по отношению к месту, территории). Следует отметить, что словосочетание *европейская сторона* употребляется только в форме единственного числа. Намеренное нарушение нормы предполагает наличие подтекста, в котором говорится о размещении военных баз НАТО во многих странах Западной, Восточной и Южной Европы вблизи границы Российской Федерации.

3) *Кость в европейском горле. Депутаты Италии объяснили, почему Рим не поддержал Гуайдо на посту президента Венесуэлы* (360° ТВК, 04.02.19).

Компаративный оборот *как кость в горле* или его вариант *стать костью в горле* употребляют в тех случаях, когда речь идет о чем-то или о ком-то очень сильно мешающем, досаждающем, создающем большие трудности в решении жизненно важных вопросов.

В контексте говорится о событии, не укладывающемся в стандарты ЕС: не все страны одобрили агрессивную политику США, направленную на свержение законной власти в Венесуэле. Италия проявила самостоятельность и выступила против вмешательства в дела суверенного государства, что стало костью в горле Евросоюза. Определяющее слово *европейском*, расширяющее компонентный состав устойчивого оборота, усиливает экспрессию, придавая высказыванию саркастическую окраску.

4) *Что-то не слышно обличений из Госдепа и тем более объявления санкций против Индии из-за военной сделки с Россией: американская коса нашла на индийский камень* (А. Пушков, 06.10.18).

Русская поговорка *Нашла коса на камень* обозначает столкновение непримиримых взглядов, убеждений, мнений, позиций, интересов, характеров. Председатель Комиссии Совета Федерации по информационной политике А. Пушков

в своем Твиттере в шутивно-ироническом ключе обрисовал ситуацию с решением Индии закупить у России ЗРК С-400, с которым категорически не соглашаются Соединенные Штаты. Экспрессию усиливают введенные автором определения *американская* (коса) и *индийский* (камень), обозначающие участников конфликта, не желающих сдать свои позиции и уступить друг другу.

ЗАМЕНА КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

1) *К сожалению, канадский премьер тоже присоединяется к другим в том политическом зазеркалье, где Россия, которую регулярно уличают в слабой экономике, угрожает великому и ужасному НАТО* (RT, 06.04.19).

Трансформированное фразеосочетание *великий и ужасный НАТО* восходит к имени одного из персонажей сказки А. В. Волкова «Волшебник Изумрудного города» – *Великого и Ужасного Гудвина*, который на самом деле оказался не тем, за кого себя выдавал. В речевой практике общения эту языковую единицу употребляют в шутивно-ироническом контексте, когда хотят показать, что видимое не всегда является настоящим, истинным. Заменяя имя разоблаченного волшебника Гудвина на номинацию военного блока НАТО, генеральный директор Центра политической информации А. Мухин дискредитирует эту структуру, считающую себя самой могущественной организацией в мире, а на самом деле значительно уступающей России по мощи вооружения.

2) *Дорога раздора: как амбициозный проект может рассорить страны Прибалтики* (Baltnews, 18.02.19).

Основой для трансформации послужил фразеологизм мифологического происхождения *яблоко раздора* – причина спора, ссоры, вражды. В устойчивом словосочетании обновляется слово, называющее предмет разногласия (дорога). Автор статьи иронизирует по поводу опасения Латвии и Эстонии, что «дружественная» Литва в рамках реализации проекта Rail Baltica может препятствовать провозу грузов по железной дороге через их территории.

3) *Цирк уехал, Гуайдо остался: антиправительственные выступления в Венесуэле обернулись полным провалом* (КП, 24.02.19).

Для характеристики ситуации, сложившейся после того, как Гуайдо, нарушая Конституцию страны, провозгласил себя президентом Венесуэлы, автор статьи видоизменяет крылатое выражение, восходящее к названию пьесы, написанной художественным руководителем петербургского театра «Буфф» И. Р. Штокбантом, *«Цирк уехал, клоуны остались»*. Действия оппозиции в публикации квалифицируются как цирковое представление, срежиссированное Соединенными Штатами, а Гуайдо выполняет роль клоуна.

4) *На границе гумкомвои ходят хмуро* (КП, 24.02.19).

Базой для преобразования лексического состава этой языковой единицы послужили первые строки песни композиторов Дм. и Д. Покрассов на слова Б. Ласкина, прозвучавшей в фильме «Трактористы» (1939): *На границе тучи ходят хмуро*. Замена лексемы свидетельствует о том, что автор статьи одобряет действия правительства Венесуэлы, не поддавшегося на провокацию оппозиционных сил, готовивших переворот в стране, началом которого должно было послужить пересечение *гумкомвоем* государственной границы.

5) *Вместо того, чтобы вносить свои пять копеек в американскую копилку, подумали бы: оно им надо – со своим пятакком, да в калашный ряд* (РИА Новости, 21.02.19).

Русская поговорка *Со свиным рылом да в калашный ряд* предписывает каждому осознавать то место, которое он занимает в социуме, а также в грубой форме или с оттенком иронии (в зависимости от обстоятельств) предупреждает о недопустимости вмешательства в дела других людей. Судя по контексту, автор пренебрежительно относится к странам, не имеющим авторитета на международной арене и унизительно «подхрюкивающим» американцам. Используя эвфемизм *со своим пятакком*, он преобразует состав фразеологизма и улучшает денотат. Однако здесь обнаруживается и каламбур, создающий комический эффект и усиливающий экспрессию: *пятак* – пятикопеечная монета и *пятак* – часть свиного рыла, которым это животное роет землю.

6) *Вашингтон готов приложить необходимые усилия, чтобы взять под контроль короткий морской путь из варяг в американцы... Путь из варяг в китайцы надежнее и значительно короче, чем альтернатива транзита через Суэцкий канал* (Репортер, 06.08.18).

Выражение *Путь из варяг в греки*, упоминающееся в памятниках древнерусской письменности X–XII веков, – это водный торговый путь из Балтийского моря через Восточную Европу в Византию. Развитие Северного морского пути и увеличение грузоперевозок по этому маршруту, проходящему вдоль российских берегов до Дальнего Востока, не дает покоя американцам, тем более что существует уже китайский проект освоения северного логистического коридора. Замена компонентов сходных лексико-грамматических структур придает тексту ироническую коннотацию.

7) Все-таки *хороша Маша, и она – наша!* (Яндекс Дзен, 20.01.19).

В русской народной пословице *Хороша Маша, да не наша!* выражаются чувства восхищения кем-то или чем-то и одновременно сожаления по поводу того, что вызывающие восторг предметы никогда не станут своими. В видоизмененном

фразеологизме речь идет о директоре Департамента информации и печати МИД РФ Марии Захаровой. Отдавая должное ее профессионализму, автор публикации гордится тем, что *она – наша*: достойно защищает Россию от недружественных выпадов отдельных участников политического дискурса, может поставить на место сочинителей фейковых новостей.

8) *Бойтесь Трампа, дары приносящего: роковое решение грозит Израилю войной на два фронта* (Вести.ру, 26.03.19).

Окказиональное выражение шефа Ближневосточного бюро ВГТРК Сергея Пашкова восходит к крылатизму *Бойтесь данайцев, дары приносящих* из известной древнегреческой легенды о взятии Трои и содержит предупреждение: будьте бдительны, не верьте врагу и не принимайте его коварных даров. Лексико-грамматическая трансформация фразеологизма показывает, что автор негативно относится к незаконному решению президента США признать Голанские высоты частью Израиля. Распорядившись собственностью чужого государства, Трамп нарушил международное право и спровоцировал вооруженные столкновения в регионе, что сделало позицию Израиля в мировом сообществе уязвимой, поскольку в ООН не поддержали это решение.

9) *Терезу Мэй на переправе не меняют. Премьер Великобритании продолжит вести страну к выходу из Евросоюза* (Коммерсантъ, 13.12.18).

Преобразование фразеологизма происходит на базе устойчивого выражения *Коней на переправе не меняют*, то есть начатое дело в решающий момент должен довести до завершения тот, кто является его инициатором и исполнителем. Лексическая замена свидетельствует об иронически-насмешливом отношении автора к затянувшемуся процессу выхода Великобритании из Евросоюза. Разногласия в Парламенте стали притчей во языцех и привели к объявлению во тума недоверия Терезе Мэй, которая едва удержалась в кресле премьера. Экспрессию усиливает эпитет – сходство конечных звуков исходного и заменного компонента устойчивого оборота (коней – Терезу Мэй).

10) *Ни пяди волны! Боевой гонак Киева вокруг Керченского пролива возобновляется* (РИА Новости, 28.12.18).

Трансформированный фразеологический оборот восходит к патристическому призыву, с которым шли в бой участники Великой Отечественной войны, – *Не отдадим врагу ни пяди родной земли*, то есть будем сражаться за родину, не щадя своей жизни. Автор сокращает компонентный состав выражения, подчеркивая тем самым, что провокация украинских моряков в Керченском проливе не имеет ничего общего с героическим подвигом во имя Отечества. Лексическая замена слова «земли» создает нелепое словосочетание *ни пяди волны*, бессмысленность

которого сродни неадекватности маневров кораблей Незалежной. Саркастическое отношение автора к неудавшимся манипуляциям украинцев проявляется и в образной характеристике их действий – боевой гопак, представляющий собой нелепое соединение народного танца и боевого искусства, который националисты называют танцем против москалей.

ДВУПЛАНОВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Этот стилистический прием предполагает употребление фразеологического оборота в качестве языковой единицы с семантической слитностью компонентов и со свободным их употреблением.

1) На этой неделе Дональд Трамп **вышел из себя** и, похоже, так обратно и не вернулся (ТВ Звезда, 30.03.19).

Фразеологизм **Вышел из себя** обозначает *пришел в состояние крайнего раздражения, потерял самообладание*. Неустойчивое психологическое состояние Трампа было вызвано тем, что Россия поддержала законное правительство Венесуэлы. Автор статьи насмешливо-иронически воспринимает эмоциональное требование президента США, чтобы Россия «убралась из Венесуэлы», и с целью создания комического эффекта употребляет фразеосочетание в прямом значении.

2) *Хотя, казалось, здорово придумали: окружают Россию со всех европейских сторон ракетами, а сами из-за океана смотрят, как они там друг друга стирают с лица земли. Но, видимо, дали маху. У России-то этих махов только на одном «Цирконе» девять. А «Цирконов» этих сразу 40 – может махнуть из любой точки Мирового океана* (РИА Новости, 21.02.19).

Дать маху – допустить серьезную ошибку, промах в каком-либо деле. **Мах** – единица измерения скорости звука. **Махнуть** – а) сделать однократный мах чем-либо (рукой, веткой, палкой, хворостиной); б) запустить сверхзвуковую ракету «Циркон».

Создавая каламбур, автор в образной форме предупреждает участников мирового сообщества об опасности политики, проводимой военным блоком НАТО в отношении России.

3) *Позиционирующий себя бандеровцем до мозга костей (другого мозга у него все равно нет), Климкин не только является стопроцентным этническим великоросом. Он родился и закончил школу в Курске, в котором до сих пор живут его родители* (livejournal, 03.01.19).

До мозга костей – целиком и полностью. Автор статьи А. Ваджара, политтехнолог, эксперт по украинскому вопросу, писатель-публицист, нарушает дискурсивные этические нормы в ответ на систематические оскорбительные выпады в адрес России со стороны министра иностранных дел Незалежной П. Климкина. По мнению

аналитика, украинский политик живет в виртуальной реальности националистического толка, о чем свидетельствуют его неадекватные русофобские высказывания. Творческая обработка фразеологизма позволяет автору подчеркнуть опасность пропаганды фашистских идеалов для соблюдения мира в Европе.

4) *Латвия – одна из стран Прибалтики, проводящая парадоксальный экономический курс по отношению к России. Сначала **вырыли себе яму**, породив транзитную трагедию и проблемы с эмбарго товаров, а теперь **ищут лестницу**, чтобы выбраться. Причем желательно, чтобы **ступеньки были с российским окрасом*** (Политэксперт, 27. 12.18).

Вырыть яму – причинить кому-то неприятности. Слово **себе**, введенное автором в структуру фразеосочетания, вызывает ассоциацию с пословицей **Не рой другому яму, сам в нее попадешь**, которая предостерегает от причинения вреда другим, поскольку козни могут обернуться злом для адресанта и навредить ему самому. Второй план фразеологизма проявляется в контексте и создает комический эффект, свидетельствующий о насмешливо-ироническом отношении автора к непродуманной политике Латвии, которая приносит неприятности своей собственной стране.

5) *Сегодня в СМИ вдруг вспомнили, как в 80-х у китайцев Трамп вслух заставлял Тиллерсона съесть поджавший «цезарь», чтобы не обидеть принимающую сторону. «Рекс, ешь салат», цитирует президента «The Wall Street Journal». А Помпео уговаривать не надо. Он ради Трампа не то что просроченное блюдо, **землю грызть станет*** (РИА Новости, Sputnik, 14.03.18).

Землю грызть – испытывать страдания, мучения, преодолевать боль ради кого-то или чего-то. Употребляя фразеологическое единство в прямом и переносном значениях, автор выражает презрительно-ироническое отношение к госсекретарю США М. Помпео, который, в отличие от Рекса Тиллерсона, поддерживает самые абсурдные идеи Трампа, не делая даже попытки возразить, высказать свою точку зрения по спорным политическим вопросам.

6) *А Джина Хаспел, что сменит его (М. Помпео. – В. Н.), будет **лить воду**. И не только на мельницу хозяина Белого Дома* (РИА Новости, Sputnik, 14.03.18).

Лить воду на мельницу – косвенно помогать кому-либо. Политический обозреватель радио Sputnik М. Шейнкман, творчески преобразовывая фразеологизм, в подтексте напоминает адресату о прежних «заслугах» директора ЦРУ, которая, будучи начальником тайной тюрьмы в Таиланде, прославилась своей жестокостью и лично пытала заключенных водой (эффект утопления).

7) *Рекс Тиллерсон в Госдепе, конечно, тоже был не в своей тарелке. Но этот-то (М. Помпео. – В. Н.) идет конкретно бить горишки. Причем по всем направлениям – вдребезги* (РИА Новости, Sputnik, 14.03.18).

Бить горишки – рассориться, разругаться, разрушить отношения. Второй план контекста содержит негативную характеристику деятельности госсекретаря США М. Помпео, который не владеет языком дипломатии, элементарной этикой общения, не имеет представления о речевой толерантности, поэтому неудивительно, что он поддерживает разрушительную политику Трампа, **разбивая вдребезги** международные отношения, попирая международное право, разрывая договоры и соглашения с другими странами.

ФРАГМЕНТАРНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО ОБОРОТА

Фрагментарное цитирование фразеологизма нарушает его целостность. Автор свободно оперирует компонентами устойчивой структуры, развивая заданную тему.

1) *Если вы посмотрите материалы хотя бы одного «высокого собрания» (ПАСЕ. – В. Н.), то по качеству дискуссии вам сразу станет понятным как смысл русской народной поговорки про бодливую корову, так и про ее отсутствующие рога* (РИА Новости, 17.01.19).

Упоминание о бодливой корове и отсутствующих рогах отсылает к хорошо знакомой половице **Бодливой корове бог рог не дает**, в которой говорится о том, что желание навредить кому-либо, сделать что-то плохое далеко не всегда предполагает возможность осуществить задуманное. Разрушение структуры устойчивого выражения создает комический эффект. Автор иронизирует по поводу резолюций, принятых на русофобской площадке Парламентской ассамблеи Совета Европы, которые носят декларативный характер и необязательны к исполнению.

2) *Сфера коммерческих и экономических интересов этих компаний, если присмотреться к ним внимательнее, дает интересную пищу для размышлений – по каким же именно причинам, невзирая на накал политических страстей вокруг «СП-2», магистраль продолжает строиться, превращаясь во флешмоб по мотивам старинной поговорки про лай собак и караван верблюдов* (Sputnik, 04.02.19).

Аллюзия к известной поговорке **Собака лает – караван идет** привлекает внимание к проблеме Северного потока-2, против которого выступают США и отдельные русофобские страны Европы, названные В. Путиным «подхрюкивающими». Автор с удовольствием констатирует, что, несмотря на бессмысленные доводы оппонентов, необоснованную критику и беспрецедентное давление со стороны противников,

которые **лают**, строительство магистрали идет по установленному графику: **караван идет**. Выражение стало популярным после употребления его в одном из интервью генералом А. Лебедем в девяностых годах прошлого столетия.

3) *Вот только пока глава Независимой упрямо не хочет слышать призывы Евросоюза, предпочитая танцевать на граблях, совершая одну ошибку за другой, лишь только усугубляя раз за разом отношения с Россией* (Яндекс Дзен, 09.04.18).

Слово **грабли** в соответствии с содержанием данного контекста является компонентом фразеологизма **наступить на те же грабли** – повторить ошибку, не сделав выводов из первого допущенного промаха. Словосочетание **танцевать на граблях** создает насмешливо-ироническую тональность, вызывая представление о негативных последствиях многократных ударов ручкой этого сельскохозяйственного инструмента.

4) *Окончательно новый бюджет должен пройти голосование Европарламента до конца первого квартала 2019 года. Но уже сейчас размеры свиньи, подложенной Лондоном прибалтийским «партнерам» по ЕС, впечатляют. Сытые годы кончились. Дальше придется жить по средствам* (ИА REX, 22.11.18).

Несмотря на то что в контексте разрушается целостность фразеологизма, по цитируемым фрагментам легко восстанавливается его стандартный устойчивый вариант: **свинью подложить**, то есть втихомолку, исподтишка причинить кому-нибудь неприятность. Автор развивает тему, заданную фразеологизмом, и рассуждает о финансовой политике Евросоюза относительно прекращения субсидирования «дотационных» прибалтийских государств, сидящих у него на шее. **Впечатляющий** образ свиньи большого размера, созданный автором, свидетельствует о его презрительно-ироническом отношении к странам, политика которых полностью зависит от указаний западных хозяев.

Мы рассмотрели такие речетворческие приемы модификации фразеологизмов, как количественное изменение их структуры, замена компонентного состава, двуплановое употребление, фрагментарное цитирование устойчивого выражения, а также проследили прагматические функции трансформированных языковых единиц.

Следует отметить, что нам встретились и другие способы окказионального преобразования фразеологизмов, которые требуют отдельного рассмотрения: 1) создание словосочетания по аналогии с фразеологическим оборотом, 2) соединение редуцированных частей разных устойчивых конструкций, 3) совмещение различных приемов преобразования исходной структуры.

1) Создание синтаксической конструкции по аналогии с фразеологическим оборотом.

Раскол и выгода едины (Радио Sputnik, 27.01.19).

Построение этого выражения тождественно структуре политического лозунга советского времени *Народ и партия едины*, который восходит к названию передовой статьи газеты «Известия» (08.03.1953). Автор публикации Ольга Бугрова в саркастической тональности рассуждает о выборах, которые надеются получить П. Порошенко и самопровозглашенный киевский патриарх Филарет в результате раскола церкви на Украине.

2) Соединение редуцированных частей разных устойчивых конструкций.

Будет вам Бэ. К числу Хэ. Президент Латвии выдвинул ультиматум (Радио Sputnik, 27.01.19).

Автор фельетона Петр Малеев соединяет в парцеллированной структуре редуцированные компоненты устойчивых словосочетаний *План Б* (альтернативный запасной вариант, который вводится в действие в случае неудачи первого) и *Время Х* (условное время отсчета, начала важных, знаменательных, значительных событий). Для усиления комического эффекта журналист «русифицирует» латинскую букву *Х* (*икс*), сходную по написанию с буквой русского алфавита *Х* (*ха*). Окказиональное употребление фразеологизмов и намеренное нарушение орфоэпической нормы (*хэ* вместо *ха*) подчеркивают абсурдность ситуации, сложившейся в правительстве Латвии, которое к концу года не может принять бюджет страны из-за разногласий по социально-политическим вопросам между различными партиями и блоками.

3) Совмещение различных приемов преобразования исходной структуры.

Что ПАСЕешь, то и вернешь (АиФ, 27.05.2019).

Заголовок статьи Виталия Цепляева представляет собой выражение, созданное по аналогии с русской пословицей *Что посеешь, то и пожнешь*, то есть своими поступками человек сам определяет свое будущее. Ассоциативную связь с фразеологизмом помогает установить графиксата – словообразовательно-графический окказиональный неолитературный, отчасти напоминающий звуковой облик и морфемную структуру слова *посеешь*. В качестве корневой морфемы используется аббревиатура *ПАСЕ* – Парламентская ассамблея Совета Европы. Дополнительными аллюзивными единицами является эпифора – одинаковые окончания глаголов исходной и преобразованной структуры. Речетворческая деятельность автора усиливает эффект воздей-

ствия на коммуникантов. Журналист анализирует ситуацию по поводу решения комиссии Совета вернуть ранее отобранные полномочия российской делегации для полноценной работы в этой международной общественной организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, трансформация фразеологических оборотов является широкоупотребительным способом экспрессивизации языка политического дискурса. Творчески преобразовывая устойчивые семантико-грамматические структуры, авторы раскрывают их функциональные возможности: трансформированные фразеологизмы служат средством создания комического эффекта, с их помощью рождаются новые образы, выражаются разнообразные оттенки отношения адресанта к участникам политического дискурса, к социально-политическим процессам, фактам реальной действительности.

Неузуальные фразеологизмы стимулируют интерес адресата, актуализируют основную мысль контекста, порождают эффект неожиданности и тем самым привлекают внимание к злободневной теме, проблеме, описываемому событию. Эти языковые единицы способны вызывать разнообразные ассоциации, сопряженные со смыслом устойчивого оборота, и порождать многоплановость текста.

Для статистического анализа было отобрано 70 примеров. К сожалению, рамки статьи не позволили включить весь выявленный иллюстративный материал. Согласно нашим наблюдениям, наиболее продуктивным приемом преобразования фразеологизма в политическом дискурсе является замена компонентного состава его структуры – 32 единицы; второе место по употребительности занимает количественная трансформация – 15 единиц; на третьем месте находится фрагментарное цитирование – 13 единиц; двухплановое употребление встретилось в 10 случаях.

Думается, что вопрос о количественных показателях продуктивности определенных моделей трансформации многомерный, требует системного подхода и является предметом специальных изысканий, поскольку здесь необходимо учитывать экстралингвистические факторы, влияющие на отбор и организацию языковых средств: коммуникативное событие и отношение к нему адресанта, жанр и форму общения, цель и задачи общения, а также особенности языка коммуникантов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АиФ – газета «Аргументы и факты»

ВЕСТИ.RU – новостной интернет-канал

ИА REX – Информационное аналитическое экспертное сообщество

КП – газета «Комсомольская правда»

РИА Новости – Российское агентство международной информации

ТВК – телевизионный канал

RT – телеканал Russia Today

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: Учеб. пособие. М.: Университетская книга: Логос, 2006. 384 с.; Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. 292 с.
- ² Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / Под ред. Е. И. Дибровой. Ч. 1. М.: Академия, 2001. С. 359–361.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баско Н. В. Русская фразеология и межкультурная коммуникация // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному / Под ред. Л. С. Крючковой. М.: ИИУ: МГОУ, 2016. С. 41–46.
- Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического дискурса // ПОЛИС. 2004. № 3. С. 127–139.
- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф, 1999. 448 с.
- Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- Ефимов А. И. Фразеология как средство художественной изобразительности // Стилистика художественной речи. М.: МГУ, 1961. С. 286–307.
- Карасик В. И. Языковая пластика общения: Монография. Волгоград: Парадигма, 2017. 461 с.
- Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 7–12.
- Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. Сер. «Теория и история языкознания». М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 5–13.
- Новоселова В. А. Экспрессивная функция диминутивных суффиксов в языке газетной публицистики // Вестник Карельского филиала РАНХиГС. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2012. С. 290–303.
- Новоселова В. А. Оказионализмы как словообразовательные экспрессымы в политическом дискурсе // Фортунатовские чтения в Карелии: Сб. докладов междунар. науч. конф. (10–12 сентября, 2018 г., г. Петрозаводск): В 2 ч. / Науч. ред. Н. В. Патроева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 39–43.
- Новоселова В. А., Яшкова С. Ю. Экспрессивная функция эвфемизмов в языке политической публицистики // Вестник Карельского филиала РАНХиГС. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2011. 492 с. С. 346–353.
- Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы: очерк языка выборов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 34–49.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
- Сопова И. В., Мишанова Ю. В. Отражение тематики политического дискурса единицами косвенно-производной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (46): В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2015. С. 171–173.
- Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М.: РАН, 1997. 336 с. С. 57–62.
- Харламова М. В. Контекст как актуализатор фразеологического значения // Вестник МГИМО-Университета, 2014. Т. 34. № 1. С. 285–289.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979. 205 с.
- Chilton P. Analysing Political Discourse. London; New York, 2003. 226 p.
- Chomsky N. Language and Politics. New York, 1988. 779 p.
- Edelman M. Political Language. New York, 1977. 164 p.

Поступила в редакцию 16.04.2019

Victoria A. Novoselova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGISMS AS A MEANS OF VERBAL EXPRESSION IN POLITICAL DISCOURSE

The study was carried out in the framework of political linguistics – a scientific field formed at the intersection of linguistics and political science, which in the late XX and the early XXI centuries began to develop rapidly both abroad and in Russia. This discipline is closely related to cognitive linguistics, sociology, rhetoric and media linguistics. The question of political discourse as a multidimensional and complex communicative phenomenon is of linguistic interest, as verbal means of communication is a political language that performs not only the function of information transmission, but also refers to one of the effective means of influencing the mass audience. The relevance of the topic is due to the widespread use of means of speech expression in acts of political communication. The purpose of the article is to study the transformed phraseological expressions as expresseemes, to determine their meaning, component composition and to trace stylistic functions in the speeches of politicians, state and public figures, as well as social and political media publications. The paper describes such speech-making techniques of phraseological unit modification as quantitative change of their structure (reduction or expansion of fixed collocation components), replacement of component composition, two-dimensional use of phraseology, fragmentary citation of fixed collocations; it also considers the pragmatic function of the transformed language units – i.e., the intentional impact on the addressee. This study allows to conclude that through creative transformation of the idioms political discourse participants reveal their functionality: transformed collocations can serve as a means of creating a comic effect, they help to generate new images, express different shades of attitude towards the facts of reality, trace the emotional connotations of contexts, and stimulate interest in the relevant issues of our time. The texts for the analysis were the materials of various news agencies and television broadcasts.

Key words: political linguistics, media linguistics, political language, political discourse, expresseme, fixed collocation, fixed collocation transformation

Cite this article as: Novoselova V. A. Transformation of phraseologisms as a means of verbal expression in political discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.353

REFERENCES

1. Basco N. V. Russian phraseology and intercultural communication. *Contemporary issues of teaching Russian as a foreign language and Russian as a non-native language* (L. S. Kryuchkova, Ed.). Moscow, 2016. P. 41–46. (In Russ.)
2. Gavrilova M. V. Linguistic analysis of political discourse. *POLIS*. 2004. No. 3. P. 127–139. (In Russ.)
3. Golub I. B. Stylistics of the Russian language. Moscow, 1999. 448 p. (In Russ.)
4. Dijk T. A. Language. Knowledge. Communication. Moscow, 1989. 310 p. (In Russ.)
5. Efimov A. I. Phraseology as a means of artistic depiction. *Stylistics of artistic speech*. Moscow, 1961. P. 286–307. (In Russ.)
6. Karasik V. I. Linguistic plasticity of communication: Monograph. Volgograd, 2017. 461 p. (In Russ.)
7. Karaulov Yu. N., Petrov V. V. From text grammar to cognitive theory of discourse. *Dijk T. A. Language. Knowledge. Communication*. Moscow, 1989. P. 7–12. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. The concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics. *Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: Collection of reviews. Series "Theory and history of linguistics"*. Moscow, 2000. P. 5–13. (In Russ.)
9. Novoselova V. A. Expressive function of diminutive suffixes in the language of newspaper journalism. *Bulletin of the Karelian Branch of RANEP*. Petrozavodsk, 2012. P. 290–303. (In Russ.)
10. Novoselova V. A. Occasionalisms as derivational expresseemes in political discourse. *Fortunatov Readings in Karelia: Proceedings of international scientific conference (September 10–12, 2018, Petrozavodsk)*. In 2 parts. (N. V. Patroeva, Ed.). Petrozavodsk, 2018. Part 2. P. 39–43. (In Russ.)
11. Novoselova V. A., Yashkova S. Yu. Expressive function of euphemisms in the language of political journalism. *Bulletin of the Karelian Branch of RANEP*. Petrozavodsk, 2011. P. 346–353. (In Russ.)
12. Proskuryakov M. R. Discourse of struggle: an essay on the language of the elections. *The Moscow University Herald*. Series 9. Philology. 1999. No. 1. P. 34–49. (In Russ.)
13. Sannikov V. Z. The Russian language in the mirror of language game. Moscow, 2002. 552 p. (In Russ.)
14. Sopova I. V., Mishanova Yu. V. Reflection of political discourse subjects in the units of indirect derivative nomination. *Philological Sciences. Theory and Practice*. No 4 (46). In 2 parts. Part 1. Tambov, 2015. P. 171–173. (In Russ.)
15. Sorokin Yu. A. Political discourse: an attempt to interpret the concept. *Political Discourse in Russia: Proceedings of the workshop*. Moscow, 1997. P. 57–62. (In Russ.)
16. Kharlamova M. V. Context as an actualization agent for phraseological meaning. *MGIMO Review of International Relations*. 2014. Vol. 34. No 1. P. 285–289. (In Russ.)
17. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse. Moscow, 2004. 326 p. (In Russ.)
18. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979. 205 c.
19. Chilton P. Analysing Political Discourse. London, New York, 2003. 226 p.
20. Chomsky N. Language and Politics. New York, 1988. 779 p.
21. Edelman M. Political Language. New York, 1977. 164 p.

Received: 16 April, 2019

БОРИС ВАЛЕРЬЕВИЧ ОРЕХОВкандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
nevmenandr@gmail.com**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ РУССКИХ КЛАССИКОВ XIX ВЕКА:
ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

Статья представляет результаты количественного исследования, выявляющего характерные и специфические низкочастотные слова для прозы русских классиков XIX века. С помощью меры TF-IDF и большой коллекции текстов XIX века для Тургенева, Гончарова, Лескова, Достоевского рассчитываются слова и обороты, которые редко встречаются или не встречаются у других авторов, но несколько раз появляются в прозе классиков. Такой контрастивный подход способен дополнить традиционную авторскую лексикографию, выявить специфические черты стиля конкретного автора на фоне современного ему языка. Специфические слова и обороты писателей разнообразны, имеют иноязычное происхождение, восходят к современным писателю реалиям либо отражают особенности его авторского стиля. Характерные слова Гончарова отражают жанровую специфику его корпуса. Слова, рассчитанные для Тургенева, Лескова и Достоевского, хорошо соотносятся с особенностями стиля этих писателей. При этом выявленная лексика Достоевского еще раз подчеркивает его историко-литературную связь с Гоголем и дает материал для филологического анализа, который может привести к обоснованию знакомства автора «великого пятикнижия» с трудами П. А. Кропоткина.

Ключевые слова: лексикография, лексика, проза, количественные методы, корпус, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Лесков
Для цитирования: Орехов Б. В. Специфические слова и выражения русских классиков XIX века: опыт контрастивного корпусного исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.354

ВВЕДЕНИЕ

Русистика накопила значительный лексикографический материал, представленный в форме авторских словарей [6]. В них фиксируется используемая чаще всего писателем (иногда общественно и культурно значимой персоной другой специализации) лексика, что, в свою очередь, дает возможность исследователям систематизировать словесный уровень организации текста, выявить качественные и количественные закономерности в употреблении тех или иных единиц. Так, словари, содержащие сведения о частотности, становятся основой для выводов о поэтике того или иного автора, не всегда, впрочем, убедительных. Однако, используя такого рода источник, исследователь оказывается в ситуации ограниченности своей оптики. Обозревая предмет имманентно, он лишен возможности оценить, насколько системообразующими являются фиксируемые им закономерности, проявляет себя в них авторская индивидуальность или реальность языка. В ситуации, когда в распоряжении у лингвиста имеются сравнительно большие текстовые коллекции, а компьютерная лингвистика накопила достаточный опыт в автоматической обработке текстовой информации, позволяющий избежать «детских болезней» подсчетов, можно констатировать, что созданы благоприятные условия для сопоставительно-контрастивного изучения словарей авторов, призванного дополнить

традиционный имманентный подход. О методах контрастивной лингвистики см. [3].

В этой статье будут представлены некоторые предварительные результаты контрастивного исследования лексики признанных русских прозаиков XIX века. Предмет поисков будут составлять такие слова и сочетания слов, которые часто употребляются в текстах одного автора и редко появляются в произведениях, созданных другими авторами того же периода. Подчеркнем, что речь идет не о частотных единицах в привычном нам смысле: лексика, представленная ниже, может быть редкой. Интересующая нас особенность этих единиц в том, что у других авторов эти слова встречаются еще реже или не встречается совсем. Таким образом, с помощью количественных методов мы находим неочевидные даже при медленном чтении «любимые» слова и выражения писателей, характерные именно для их стиля, что в конечном счете может быть полезно для практических задач филологического анализа, сложных случаев установления авторства, а также для теоретической проблемы описания идиостиля.

МАТЕРИАЛ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили тексты, входящие в Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru/>). С одной стороны, это произведения И. С. Тургенева (846 тыс.

слов), Ф. М. Достоевского (1 млн 960 тыс. слов), И. А. Гончарова (950 тыс. слов), Н. С. Лескова (1 млн 254 тыс. слов); с другой стороны, это случайные тексты XIX века общим объемом 27 млн словоупотреблений, не принадлежащие названным авторам. Из выборки были исключены драматические и стихотворные произведения¹.

Все слова в текстах приведены к своей начальной форме при помощи программы *Mystem*² (грамматическая омонимия разрешена с помощью встроженного алгоритма программы), единицы служебных частей речи удалены.

Дальнейшие подсчеты производились с использованием меры TF-IDF (term frequency-inverse document frequency), назначение которой в том, чтобы понизить рейтинг слов, которые частотны в любом тексте, и повысить рейтинг слов, которые редко встречаются в других текстах, кроме анализируемого. Последовательность вычислений такая: сначала а) делим частотность слова в тексте на длину текста, затем б) берем логарифм от общего числа текстов, деленный на число текстов, в которых встречается интересующее нас слово, наконец, перемножаем а) и б).

Полученные значения комбинируются с абсолютными показателями частотности слов и числом текстов, содержащих интересующее нас слово. Аналогичным образом подсчитаны и сочетания слов, так называемые триграммы, то есть последовательности из трех идущих подряд слов. В большинстве случаев такая оптика позволяет выявить именно низкочастотные слова, которые при этом встречаются у других авторов еще реже или не встречаются вовсе. Речь идет о настолько малых величинах (несколько раз на сотни тысяч словоупотреблений), что человеческой интуиции иметь с ними дело трудно, а количественные методики позволяют находить их и делать зримыми в рамках исследования. Результаты таких подсчетов неизбежно должны корректироваться с расширением выборки. Не все полученные значения могут подтвердиться после пересчета распределений в более богатой текстовой коллекции. Однако некоторые предварительные наблюдения все же можно принять к сведению.

РЕЗУЛЬТАТЫ

И. С. Тургенев

Уникальное (то есть более не встретившееся в корпусе) слово **полузавядший** («Вешние воды», «Бригадир», «Три встречи») кажется очень подходящим для sentimentalного стиля Тургенева:

«Потом он брал брошенную ему розу – и казалось ему, что от ее полузавядших лепестков веяло другим, еще более тонким запахом, чем обычный запах роз...»

Та же характеристика может быть дана прилагательному **предрассветный** («Дворянское гнездо», «Бежин луг», «Стихотворения в прозе»): «В саду пел соловей свою последнюю, передрассветную песню».

Особый интерес писатель питал к слову **лоснистый**, которое не употребляет никто, кроме

него, а у Тургенева оно появляется в «Нови», «Вешних водах», «Дворянском гнезде», «Трех встречах»: «...вся ее фигура, от лоснистых волос до кончика едва выставленной ботинки, была так изящна...»

Тургенев, очевидно, питал интерес к слову **хохотанье**, которое повторял в «Первой любви», «Дворянском гнезде» и «Рудине». Других употреблений в XIX веке не зафиксировано.

«Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками».

У Тургенева мы так же, как и у Достоевского (см. ниже), находим уникальное прилагательное с суффиксом **-еньк-**. Достоевский обычно, употребляя такие прилагательные однажды, к ним не возвращался, а Тургенев использует **мякенький** три раза («Отрывки из воспоминаний своих и чужих», «Дым», «Отцы и дети»):

«Ты славный малый; но ты все-таки мякенький, либеральный барич – э волату, как выражается мой родитель».

Не прижившаяся в языке, но понравившаяся Тургеневу форма: **шапонька**, не фигурирующая в текстах других авторов («Собака», «Бежин луг», «Однودворец Овсянников», «Отрывки из воспоминаний своих и чужих», «Стихотворения в прозе»):

«Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, – глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывет».

Не уникальное, но редкое и нравящееся Тургеневу больше, чем другим (Салтыков-Щедрин, Станюкович, Эртель), слово **повиливать** («Муму», «Рудин», «Вешние воды», «Стихотворения в прозе»): «Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повиливая хвостиком». Аналогично распределены в корпусе слова **злюка** («История лейтенанта Ергунова», «Степной король Лир», «Пунин и Бабурин», «Стихотворения в прозе»): «Да, думалось мне, эта злюка – это новый тип...» и **заробеть** («Однودворец Овсянников», «Петр Петрович Каратаев», «Смерть», «Месяц в деревне», «Первая любовь», «Конец Чертопханова», «Стучит!», «Клара Милич»): «Заробел так, что пересказать невозможно».

Редкие слова, которых нет почти ни у кого, кроме Тургенева: **улицезреть** («Конец Чертопханова», «Клара Милич», «Отрывки из воспоминаний своих и чужих», «Новь»): «Со всем тем вернуться к ней он не желал нисколько – и свет, часть которого он улицезрел у нее в доме, отталкивал его больше чем когда-либо»; **прошелесть** («Стучит!», «Призраки фантазия», «Отцы и дети»): «Ветер то прошелестит в кустах, закает ветки, то совсем замрет»; **брюхач** («Ермолай и мельничиха», «Контора», «Однودворец Овсянников»): «Не поеду я к этому брюхачу. Рыбу даст сотенную, а масло положит тухлое».

В прозе Тургенева мы также находим несколько уникальных оборотов, не встречающихся в текстах других авторов XIX века:

Голос изменил ей («Несчастливая», «Дым», «Отцы и дети», «Накануне»): «Она внезапно схватила мою руку своими застывшими пальцами, но голос изменил ей».

С небольшой запинкой («Первая любовь», «Дворянское гнездо», «Рудин», «Фауст»): «Я читала... историю крестовых походов, — проговорила Наталья с небольшой запинкой».

Начал он неверным голосом («Новь», «Вешние воды», «Дворянское гнездо», «Рудин»): «Пожалуйста, — начал он неверным голосом, — не шутите так надо мною».

После небольшого молчания («Бирюк», «История лейтенанта Ергунова», «Свидание», «Ермолай и мельничиха», «Петр Петрович Каратаев»): «Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу». Есть также в драматическом произведении Тургенева «Нахлебник».

Сквозь частую сетку («Странная история», «Дым», «Свидание», «Контора»): «Глаза ее блеснули странным блеском, а щеки и губы мертвенно белели сквозь частую сетку вуаля».

Словно на цыпочках («Новь», «Отцы и дети», «Странная история», Чертопханов и Недопоскин»): «Но Базаров отвечал ему нехотя и небрежно и однажды, заметив, что отец в разговоре понемножку подо что-то подбирается, с досадой сказал ему: “Что ты все около меня словно на цыпочках ходишь?”»

Ф. М. Достоевский

Лингвисты давно отмечали особое пристрастие Достоевского к производству диминутивов:

«В речи следователя Порфирия Петровича из “Преступления и наказания” Ф. М. Достоевского уменьшительные формы создают язвительно-насмешливый тон речи под маской “дружественного участия”, например: “я знаю, он моя жертвочка...”; “он у меня психологически не убежит, хе-хе, каково выраженьице-то...”; “говори, а у самого зубки во рту один о другой колотятся...”; “Губка-то, как и тогда, вздрагивает”, — пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович” и т. п.» [2: 95–96].

Действительно, форма **жертвочка**, которая однажды возникает до Достоевского у Бестужева-Марлинского, но Достоевским используется много раз («Дневник писателя», «Подросток», «Игрок», «Преступление и наказание», «Слабое сердце»): «Он ужасно был уверен, что я не вырвусь; он обнимал и придерживал меня с наслаждением, как жертвочку». Кроме существительных со значением уменьшительности, Достоевский эксплуатирует эту семантику и при образовании прилагательных с суффиксом -еньк-: **вороватенький** («Бесы», «Бедные люди»), **горденький** («Дневник писателя»), **щекотливенький** («Преступление и наказание»):

«Я уж и к двери, да он-то вошел — так себе, седенький, глазки такие вороватенькие, в халате засаленном и веревкой подпоясан»; «Я, дескать, сам люблю горденьких»; «На всякий случай есть у меня и еще к вам просьбица, — прибавил он, понизив голос, — щекотливенькая она, а важная».

Если эта форма прилагательных сконструирована так, чтобы уменьшить выраженность признака, то усиливает признак в идиолекте писателя приставка пре-: **прекомический** («Пре-

ступление и наказание», «Записки из Мертвого дома», «Бедные люди»): «Прекомические иногда случаи случаются в этом роде-с». Это слово, кроме текстов Достоевского, встречается не часто: только у С. Т. Аксакова и Д. А. Смирнова. **Предосадный** («Игрок», «Дядюшкин сон», «Маленький герой», «Братья Карамазовы»): «Это даже сбивало меня несколько с толку, и в игорные залы я вошел с предосадным чувством». Кроме Достоевского слово по разу также употребляют Фет, Лесков, Греч, Салтыков-Щедрин.

Характерное для писателя слово — **всеприимение** (несколько раз в «Девнике писателя», «Подросток»):

«О, не беспокойся, я знаю, что это было “логично”, и слишком понимаю неотразимость текущей идеи, но, как носитель высшей русской культурной мысли, я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всеприимение идей».

Еще одно слово, будто бы служащее для самохарактеристики стиля Достоевского: **порывчатость**, не встречающееся более ни у кого, зато самим Достоевским употребленное несколько раз в «Идиоте», по разу в «Хозяйке», «Неточке Незвановой» и «Записках из Мертвого дома»:

«Он ясно увидел, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпение — не что иное, как бессознательное отчаяние при воспоминании о пропавшем таланте».

Запоминающееся для читателя «Записок из Мертвого дома» слово **фартикульяпность** ‘внутренность’ есть у Достоевского и в «Записных книжках»: «Остолоп! Никакой фартикульяпности нет. Прогорел, — разживусь!» — и это уникальные употребления во всем корпусе.

Слово **фраппировать** ‘ошеломлять’ появляется у Достоевского в «Дневнике писателя», «Дядюшкином сне» и «Бесах». И хотя оно эпизодически встречается и у других авторов, писателю слово явно нравилось: «Знал бы только, что это вас так фраппирует, так я бы совсем и не начал-с...»

Несколько раз в «Дневнике писателя» повторено слово **единительный**:

«В самом деле, в наше, столь народное, столь единительное и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русских, ждешь русских, желаешь и требуешь русских».

А до Достоевского его употребляет только Ломоносов в своей «Грамматике», имея в виду характеристику знака препинания.

Уникальное для Достоевского слово **подсочиненный**, появляющееся в «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании»:

«Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, книжная, что я сам не выдержал даже минуты, — сначала отскочил в угол, чтоб не видеть, а потом со стыдом и отчаянием бросился вслед за Лизой».

Исключительно у Достоевского мы находим глагол **замертветь**, встречающийся в «Дневнике писателя», «Идиоте» и «Хозяйке»:

«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет».

Хорошо заметно любопытство Достоевского к уникальному слову **намечтать** («Записные книжки», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Подросток», «Преступление и наказание»): «Намечтать можно самое веселое, а жить скука».

Любопытна история редкого слова **скорлупчатый**, появляющегося в «Идиоте»:

«Я его очень хорошо разглядел: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающийся гад, длиной вершка в четыре, у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста толщиной не больше десятой доли вершка».

За четыре года до публикации романа это слово возникает в очерке П. А. Кропоткина «Поездка в Окинский караул»:

«Тут графит имеет строение несколько скорлупчатое, заставившее меня даже задуматься, не есть ли это отпечаток растения; к сожалению, при несовершенстве моих инструментов мне не удалось выломать нужного куска из твердейшей горной породы».

Нельзя исключать, что именно там Достоевский и почерпнул это слово, тем более, что больше нигде в XIX веке оно не встречается. При этом, как пишут специалисты по творчеству Достоевского, «имя Петра Алексеевича Кропоткина в наследии Достоевского, в том числе и эпистолярном, не упоминается» [4: 168]. У нас есть только документальные свидетельства знакомства Кропоткина с произведениями Достоевского, но нет доказательных фактов, что Достоевский мог читать тексты Кропоткина. Однако слово «скорлупчатый» может служить своего рода историко-филологической уликой возможного знакомства Достоевского с произведениями Кропоткина.

Почти все найденные обороты (кроме специально оговоренного) в текстах Достоевского уникальны, и у других авторов XIX века не фигурируют:

Я говорю лишь про («Записные книжки», «Дневник писателя», «Бесы»): «Нет, я говорю лишь про сволочь».

Похолодев от испуга («Братья Карамазовы», «Идиот», «Неточка Незванова», «Слабое сердце»): «И он созерцал это чудище действительно в испуге, похолодев от испуга».

Я вас давеча («Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Идиот», «Село Степанчиково и его обитатели»): «Нет, видите ли, я вас давеча несколько изучал».

И вот(,) верите ли («Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Бесы», «Записки из Мертвого дома»): «Пришел в сумерки в казарму, лег на койку и вот, верите ли, Александр Петрович, как заплачу». Есть также в воспоминаниях А. А. Фета.

А почти как («Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Бесы», «Идиот»): «Она говорила со мной не то что как с ровным, а почти как с своим».

И. А. Гончаров

У Гончарова заметное число специфических слов, которых нет больше ни у кого, это морские термины, упоминающиеся во «Фрегате “Палла-

да”», например, **марсофал** ‘канат, часть корабельной снасти’. Там же появляется единственный раз и в творчестве Гончарова, и в Национальном корпусе вообще прилагательное **оголландившийся**: «Оба эти места населены голландцами, оголландившимися французами и отчасти англичанами».

Гончаров любил не очень популярное в XIX веке, зато позже подхваченное в первой половине XX века С. Н. Сергеевым-Ценским слово **расстановисто**: оно есть и в «Обрыве», и в «Обломове», и в «Палладе», но больше ни у кого из авторов XIX столетия: «Поди сюда! – расстановисто и настойчиво произнес Обломов».

Не уникально для XIX века (оно есть у С. М. Соловьева, В. В. Крестовского, В. М. Гаршина, но встречается у них единично), но любимо Гончаровым слово **непривилегированный**, которое есть и в «Обрыве», и в «Обломове», и в «Обыкновенной истории», и в «Пепиньерке»:

«Да там при одном слове “объяснение” побледнеют, кажется, самые стены; при звуке непривилегированного поцелуя потрясутся своды, а слово “люблю”, как страшное заклинание, колеблющее ад и вызывающее духов, вызовет целый сонм смущенных начальниц, которые испуганной вереницей принесутся из всех углов, коридоров обширной обители, с зловещим шумом налетят на преступную чету, произнесшую заповедное слово, и поразят ее проклятием».

В том же статусе глагол **скакнуть**. Он есть и у Достоевского, и у Загоскина, и у Лескова, но только у Гончарова сразу во всех трех его романах, а также во «Фрегате “Паллада”»:

«Он хлестнул пристяжных разом одну за другой, они скакнули, вытянулись, и тройка ринулась по дороге в лес».

Гончаров больше других (Гоголя, Дружинина, Писемского) использовал глагол **пропекать** («Обломов», «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”», письма): «...на палубе и в верхних каютах пропекает насквозь тропическое солнце, а внизу духота».

Заметен особый интерес Гончарова к слову **притворщица**, которое упоминается и в «Обрыве», и в «Обыкновенной истории», и в «Счастливой ошибке», и в письмах:

«Вы – притворщица, Вы – только самолюбивы, и в привязанностях Ваших не лежит серьезного основания, то есть теплого и сердечного».

Очевидно, что занимал воображение Гончарова и образ **архимедова рычага** («Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв», «Заметки о личности Белинского»): «О газетах потише – это Архимедов рычаг: они ворочают миром...» Есть он и у Бестужева-Марлинского, и у Лажечникова, и даже в «Рудине» у Тургенева, а позднее и у Куприна, но только Гончаров обращался к нему несколько раз.

Нравилось Гончарову слово **кадочка** («Иван Савич Поджабрин», в «Обыкновенной истории» даже два раза, «Обломов», «Фрегат “Паллада”»):

«Экономка чиновника, Фекла Андревна, набожная женщина, оставалась у окна до тех пор, пока Авдей внес

последнюю утварь — кадочку с песком, корзинку с пустыми бутылками, две сапожные щетки и кирпич.

Не такое уж редкое слово из церковно-религиозного лексикона **отверзаться**, тем не менее не столь часто последовательно появляется в разных текстах одного автора, но у Гончарова встречается регулярно («Лихая болезнь», «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»):

«Притом здесь на каждом шагу, перед лицом природы, душа его отверзалась мирным, успокоительным впечатлением».

Глагол **вникнуть** употребляют разные авторы XIX века: Гоголь, Белинский, Достоевский. Но только Гончаров бережно переносит его из одного текста в другой («Обыкновенная история», «Письма столичного друга к провинциальному жениху», «Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв», «Письма великому князю Константину Константиновичу»): «Да ты вникнул ли хорошенько, что значит переехать — а? Верно, не вникнул? — И так не вникнул!»

Н. С. Лесков

Только Лесков употребляет затейливый глагол **избредаться** («Житие одной бабы», письмо Л. Н. Толстому):

«Правда ли, не правда ли, что он торговал и овсом, и водкой, и господскими жеребцами, бог его знает, потому что в маленьком хуторе все один другого поедом ели, избредались, несли друг на друга всякую всячину, — а только деньги у него были».

Слово из церковного языка **требоисправление** 'совершение заказанной прихожанами службы' попало в корпус только благодаря текстам Лескова («Епархиальный суд», «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения»): «Нужно изменить только способ взимания с прихода за обязательные требоисправления».

Глагол **отпырхиваться** 'совершать неречевое действие, похожее на фыркание' не встречается ни у кого, кроме Лескова («Детские годы», «Кувырков»):

«Лев Яковлевич был до того самообольщен, что он даже не говорил по-человечески, а только как-то отпырхивался и отдувался, напоминая то свинью, то лошадь».

Несколько раз Лесков употребляет уникальный глагол **благочинствовать** 'служить священником' («Чающие движения воды», «Божедомы»): «Я пока уже третий год благочинствую, схоронив отца Николая».

Уникальны и слова **авторствовать** («Чающие движения воды», «Божедомы», «Борьба за преобладание») и **нотаточка** («Чающие движения воды», «Божедомы»). Последнее учтено в «Словаре новообразований Н. С. Лескова», отмечено как авторское [1: 332]. Кажется, что предложенный в настоящей статье метод дает возможность для дополнительной проверки словариков таких дескриптивных трудов и уточнения статуса новообразований.

«Это была последняя запись между теми, которые Савелий прочитал, сидя над своею синею книгою; затем была чистая страница, которая манила его руку “занотовать” еще одну “нотаточку”, но протоиерей не решался авторствовать».

Лесков единственный употребляет уменьшительную форму от лоб **лобчек** («Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «Некуда»):

«Змиевидная тонина у нас тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была из себя понедристей и с пазушкой, потому оно хотя это и не так фигурно, да зато материнство в ней обозначается, лобочки в нашей настоящей чисто русской женской породе хоть потейнее, помяснее, а зато в этом мягком лобочке веселости и приветов больше».

Еще одна непривычная форма диминутива от распространенного слова — **дедуня** («Божедомы», «Чающие движения воды», «Сим воспрещается»): «Спасибо тебе, бедный дедуня!»

Никто, кроме Лескова, не замечен в употреблении глагола **кропотаться** 'браниться', фигурирующего в нескольких текстах («Захудалый род», «Божедомы», «Некуда»): «Кропотаясь на прислугу, она с серьезной физиономией снимала с вешалки теплое пальто Лизы».

Один из любопытных неологизмов Лескова, используемый им в разных текстах, **негилисты** («На ножках», «Божедомы»), специально противопоставленные нигилистам: «Они идеалисты нигилизма, а мы... которые настоящую суть вещей понимаем, мы не нигилисты, а негилисты мы!».

Еще одно уникальное слово — **разбрыляться** 'растрепаться' («Некуда», «Житие одной бабы»): «Шляпа с него слетела, волосы разбрылялись, и в них застряли клочки белой кисточки».

Несколько раз у Лескова («Котин доилец и Платонида», «Очарованный странник», «Чающие движения воды») и по разу у двух других авторов XIX века появляется форма **голубятки**: «Стал я их, этих голубят, разглядывать».

Сходно по своей судьбе слово **мычаться** — проигравшее конкуренцию форме мыкаться, но именно его предпочитал Лесков («Захудалый род», «Божедомы», «Воительница», «Некуда»):

«...мычась, мычась по всем, да выслушивай, что сам сто раз лучше их знаешь, и возвращайся опять домой, с одним открытием, что “просо-хлеб”...»

В творчестве Лескова отмечены обороты, не встречающиеся в корпусе у других авторов:

Будто как он («Заячий ремиз», «Леди Макбет Мценского уезда», «Некуда», «Кувырков»): «Будто как он и внимания не обратил на то, что сейчас было».

Не про господ, а про свой расход («Железная воля», «На ножках», «Некуда», «Житие одной бабы»): «Как истый немец, он содержал ее не про господ, а про свой расход, и нимало не стеснялся ее несоответствием среде, в которую она попала»

Она немедленно же («Дама и феефа», «Детские годы», «Захудалый род», «Некуда»): «Женщины и самый Прорвич удивительно обрадовались мысли, выраженной Белоярцевым насчет Райнера, и пристали к Лизе, чтобы она немедленно же уговорила его переходить в Дом».

Не к масти («Владычный суд», «Захудалый род», «На ножах», «Бесстыдник»): «Бабушка моя, княгиня Варвара Никаноровна, говорила о нем, что «он, по тогдашнему времени, был не к масти козырь, презирал искательства и слишком любил добродетель».

Сквозь крепкий сон («Котин доилец и Платонида», «На ножах», «Чающие движения воды», «Лади Макбет Мценского уезда»): «Старому приказчику, спавшему в сарае, сквозь крепкий сон стал слышаться в ночной тишине то шепот с тихим смехом, будто где шаловливые дети советуются, как злее над хилою старостью посмеяться; то хохот звонкий и веселый, словно кого озерные русалки щекочут».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мера TF-IDF на больших текстовых коллекциях позволяет находить характерные слова и обо-

роты. Выявленная лексика интересна не только сама по себе, но и дает дополнительный материал для историко-филологических разысканий. Так, некоторые лексические единицы очередной раз указывают на литературное наследование Достоевским гоголевской линии русской прозы, а также дают повод заподозрить не зафиксированное в других источниках знакомство писателя с трудами П. А. Кропоткина. Представляется, что аналогичное обследование необходимо провести на материале других ключевых авторов русской прозы и поэзии с привлечением более широкого текстового материала и сопоставления с данными «Словаря языка Достоевского», «Словаря языка И. С. Тургенева», «Словаря новообразований Н. С. Лескова».

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17-29-09154).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа велась с электронной коллекцией текстов Национального корпуса русского языка, так что ссылок на бумажные издания в тексте не приводится.

² Морфологический анализатор Mystem от компании Yandex [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://company.yandex.ru/technology/mystem> (дата обращения 24.03.19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: Флинта: Наука, 2017. 704 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
3. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. М.: Прогресс, 1989. С. 5–17.
4. Твардовская В. А. «Двух голосов переключка»: Достоевский и Кропоткин в поисках общественного идеала // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13: К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. СПб.: Наука, 1996. С. 168–188.
5. Шаулов С. С. «Гоголевский след» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский: Дополнения к комментарию / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. С. 575–580.
6. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Boris V. Orekhov, PhD in Philology, National Research University
Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

SPECIFIC WORDS AND PHRASES OF RUSSIAN CLASSIC WRITERS OF THE XIX CENTURY: AN ESSAY ON A CONTRASTIVE CORPUS STUDY*

The paper presents the results of a quantitative study that identifies characteristic and specific low-frequency words for the prose of Russian classic writers of the XIX century. TF-IDF measure and a large collection of the XIX century texts by Turgenev, Goncharov, Leskov and Dostoevsky were used to identify words and phrases that are rarely found or not found in other authors' works, but appear several times in the prose of the classic writers. This contrastive approach is able to complement the traditional author's lexicography, to identify the specific features of a particular author's style against the background of the contemporary language. Writer-specific words and phrases have foreign language origin or come from the reality contemporary to the writer. Words identified for Turgenev, Leskov and Dostoevsky correlate well with the stylistic peculiarities of these writers. At the same time, the revealed vocabulary of Dostoevsky once again underlines his historical and literary connection with Gogol and provides new data for philological analysis, which can lead to finding evidence that the author of the "Great Pentateuch" was familiar with Pyotr Kropotkin's works.

Key words: author's dictionary, lexicography, lexis, prose, quantitative methods, corpus, Dostoevsky, Turgenev, Goncharov, Leskov

* This study was supported by grant from the Russian Foundation for Basic Research (Grant No 17-29-09154).

Cite this article as: Orekhov B. V. Specific words and phrases of Russian classic writers of the XIX century: an essay on a contrastive corpus study. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.354

REFERENCES

1. Aleshina L. V. The vocabulary of Nikolai Leskov's neologisms. Moscow, 2017. 704 p. (In Russ.)
2. Vinogradov V. V. The Russian language. Moscow, 1972. 614 p. (In Russ.)
3. Gak V. G. Contrastive linguistics. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Issue 25. Moscow, 1989. P. 5–17. (In Russ.)
4. Tvardovskaya V. A. "Two voices calling to one another": Dostoevsky and Kropotkin in search of the social ideal. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 1996. P. 168–188. (In Russ.)
5. Shaurov S. S. Gogol's footprint in Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. *Dostoevskiy: Dopolneniya k kommentariyu*. (T. A. Kasatkina, Ed.). Moscow, 2005. P. 575–580. (In Russ.)
6. Shestakova L. L. Russian author's lexicography: Theory, history, current state. Moscow, 2011. 464 p. (In Russ.)

Received: 1 April, 2019

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА СКУРИДИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
saskuridina@yandex.ru

АНТРОПОНИМИКОН ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ДЯДЮШКИН СОН»

Исследуется антропонимическая система малоизученной повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон». Отмечается, что топоним *Мордасов* выступает в роли организующего элемента для антропонимикона повести. Анализ материала позволяет заключить, что Достоевский использовал семантически маркированные ономастические единицы, раскрытие которых обусловлено не только контекстом повести, но и контекстом изображаемой эпохи. Систематически включаемые в провинциальный хронотоп повести «Дядюшкин сон» и соотносимые в творческой лаборатории писателя с образами созданных им героев антропонимы становятся емкими и лаконичными референциями, понимание которых способствует более глубокому прочтению художественного произведения. Для героев Достоевского характерно стремление к осознанию собственного имени, о чем свидетельствуют многочисленные примеры их размышлений о влиянии имени на жизнь и судьбу. Некоторые ономастические единицы повести автобиографичны, например топоним *Мордасов*, антропоним *Каллист Станиславович*. При номинации персонажей Достоевский использует такие приемы, как введение в текст социально значимых онимов (*Бородуев*), экспрессивно окрашенных онимов (*Москалева*, *Мозгляков*), а также прием языковой игры (зарифмованные имена кучеров князя К. *Лаврентий-Терентий*).

Ключевые слова: литературная ономастика, топоним, антропоним, Воронежская ономастическая школа, Ф. М. Достоевский, автобиографизм, «Дядюшкин сон», Мордасов, Москалева

Для цитирования: Скуридина С. А. Антропонимикон повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 76–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.355

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отмечается повышенный интерес к изучению ономастики, в том числе литературной ономастики. Художественное произведение представляет собой особую сферу функционирования имен собственных: здесь слова соотносятся не только с реальной, но и с созданной действительностью, не только с современным дискурсом, но и с языком литературного произведения. В художественном тексте ономастические единицы, вступая в ассоциативные связи, переосмысливаются сначала автором, а потом читателем, поэтому имена собственные являются важнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности. Как указывает Г. Ф. Ковалев, основоположник Воронежской ономастической школы, в художественной литературе выбор имени собственного может быть обусловлен следующими факторами: авторским сознанием, системностью имени и хронотопа, а также социальной системой имен [8: 10–11].

Значимость ономастической лексики в творчестве Достоевского подтверждается текстами его произведений, на страницах которых герои размышляют о значении своих имен и фамилий:

«Ну, что за фамилия Видоплясов? <...> Просмеют за одну только фамилию...» (2: 104, 105); «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко?» (8: 80); «...я, может

быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, – почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, – почему это?» (10: 111).

В творческой лаборатории Достоевского использование семантически маркированных ономастических единиц является одним из основных приемов, который применяется не только для создания художественного образа. Собственные имена каждого произведения писателя представляют систему, обусловленную как идейным содержанием, так и хронотопом, в формировании которого активно участвуют топонимы, что можно наблюдать уже в повести «Дядюшкин сон», воспринимаемой исследователями как проба пера после возвращения Достоевского с каторги. По мнению Р. Я. Клейман, повесть «Дядюшкин сон» является «своеобразным нервным центром “сквозных мотивов”» [7: 95], а Р. С. Семькина считает, что в тексте повести Достоевский впервые «дает комические наброски крупных трагических характеров позднего творчества» [12: 9].

Антропонимы повести Достоевского «Дядюшкин сон» системно организуются вымышленным топонимом *Мордасов*, мотивированным лексемой *мордасы* – мн. число от ‘морда, рыло, рожа, сысалы’ (Даль. 2: 346)². Топоним *Мордасов*

вводит в текст повести характерный для всего творчества Достоевского мотив ряженья: морда – маска ‘личина’, ‘накладная рожа, для потехи’ (Даль. 2: 346). Название города предопределяет систему антропонимов мордасовских обитателей. Ряженные герои, такие же куклы, как и князь К., управляются в повести опытным кукловодом [7: 76] – первой дамой в Мордасове – Марьей Александровной Москалевой, которую «сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном» (2: 296, 297). Интересно, что, по мнению повествователя, Марья Александровна Москалева в фокусах «перещеголяет самого Пинетти» (2: 296). Фамилия *Пинетти*, принадлежавшая превосходному фокуснику и изобретательному артисту XVIII века, способному манипулировать человеческим сознанием, возвращает читателя к мотиву иллюзорности происходящего, заявленному уже в названии повести «Дядюшкин сон», и настраивает на восприятие Москалевой как человека, способного прибегнуть к хитроумным уловкам, фокусам ради достижения собственных целей. Эмблематично, что фамилия Марьи Александровны – *Москалева* – восходит к глаголу *москалить* ‘мошенничать, обманывать в торговле’ (Даль. 2: 349), синонимичному глаголу *фокусничать* в переносном значении ‘хитрить, мудрить, лукавить, морочить, обманывать’ (Даль. 4: 536). Маска «первой дамы» позволяет безнаказанно разносить сплетни, строить козни, распоряжаться судьбами других людей:

«Она, например, умеет убить, растерзать, уничтожить каким-нибудь одним словом соперницу, чему мы свидетели; а между тем покажет вид, что и не заметила, как выговорила это слово» (2: 296–297).

С. А. Кибальник усматривает в фамилии *Москалева* акцентологическую связь с Кочкаревой из гоголевской «Женитьбы» [5].

Прокурорша Анна Николаевна, названная в тексте повести врагом Марьи Александровны, носит фамилию *Антипова*, сочетание первых четырех звуков которой омонимично префиксу *анти-* со значением противопоставления чему-либо. Так с помощью антропонимов писатель обозначил антагонистические отношения между двумя известными жительницами города Мордасова. К тому же, патронимическая фамилия *Антипова* восходит к личному мужскому имени *Антип*, в просторечии *Антипка*, которым в калужских говорах называют черта или другую нечистую силу³. На наш взгляд, уместно предположить, что фамилия прокурорши Анны Николаевны автобиографична. Во-первых, фамилию Антипова носила вторая жена деда Достоевского, о чем вспоминает младший брат писателя:

«После смерти бабки моей Варвары Михайловны в 1813 году дед мой Федор Тимофеевич женился вторым браком на девице Ольге Яковлевне Антиповой в 1814 году»⁴.

Во-вторых, данный антропоним мог возникнуть в связи с часто звучащим отчеством барнаульского врача Ивана Антиповича Преображенского, диагностировавшего, в соответствии с архивными разысканиями Е. Ю. Сафроновой, у Достоевского эпилепсию [11: 131]. Москалева, говоря об Анне Николаевне, упоминает, что «к ней ездит Сушилов с своими бакенбардами и утром, и вечером, и чуть ли не ночью» (2: 310). Фамилия *Сушилов*, восходя к переносному значению глагола *сушить* ‘приворожить кого к кому, томить невольной любовью’ (Даль. 4: 367), способствует снижению образа Антиповой, о которой Москалева замечает, что ей «бог не дал вкусу» (2: 310).

В качестве помощницы Анны Николаевны Антиповой упоминается Наталья Дмитриевна с говорящей фамилией *Паскудина*: бранное слово *паскуда*, от которого образован антропоним, синонимично апеллятивам *скверность*, *гадость*, *пакость*, *порча* и *убыток*, а также служит для обозначения никуда негодного человека, мерзавца и пакостника (Даль. 3: 22).

Полковница Софья Петровна Фарпухина в других изданиях фигурирует под фамилией *Карпухина*⁵, что более соответствует провинциальному хронотопу повести. Фамилия *Карпухин* восходит к производному от имени *Карп* – *Карпуха*. Возможно, данное имя было у Достоевского на слуху, так как впоследствии в романе «Братья Карамазовы» упоминается в качестве предполагаемого отца Смердякова некий Карп с винтом, «один известный тогда городу страшный арестант, к тому времени бежавший из губернского острога и в нашем городе тайком проживавший» (14: 92). Возможно, в основе фамилии лежит название рыбы *карп* семейства карповых, но, на наш взгляд, уместно предположить, что фамилия образована от основы глагола *каркать* (в переносном значении) с заменой последнего звука основы *к* на *п*, чем и объясняется раскрытие образа персонажа через птичью символику. Комизм образа Софьи Петровны заключается в сочетании несочетаемых орнитоморфных черт (к такому приему Достоевский будет обращаться в своем творчестве неоднократно) [13]: она «нравственно походила на сороку», а «физически она скорее походила на воробья» (2: 328). Орнитоморфизм Карпухиной обнаруживается во всем: тело ее держалось на «крепких воробьиных ножках», «она очень часто дралась и царапала ему лицо», вместо человеческой речи – птичий щебет: «защебетала она» (2: 328–329). Фарпухина, подобно сороке, приносит новости Москалевой, причем новости плохие, что связано с поверьем: «...стрекочущая возле дома сорока может быть предвестием не каких-либо, а именно плохих вестей» [4: 562] (ср. с *каркать* (иноск.) брюзжать, браниться, предсказывать неудачу, бѣду (намеки на зловѣщаго ворона)⁶). В народных представлениях

сорока и ворона сближаются, что обусловлено их общей зловещей символикой, связанной с предсказанием несчастья [4: 564]. Интересно, что в описании внешности Фарпухиной Достоевский упоминает о веснушках, напрямую связанных с символикой сороки [4: 567], что укладывается в систему орнитоморфных мотивов, характерных для всего творчества писателя [13]. Москалева, рассказывая о неблагозвучном танце дочери Фарпухиной Соньки и воспитанницы Машки, называет их *сороками* и *пигалицами* и отмечает птичий стиль их одежды: «на голову им надели какие-то красные шапочки с перьями» (2: 329). Птичья символика напрямую связана со свадебным обрядом, где иногда невеста называется сорокой (народноэтимологическое осмысление лексем *сорока* и *сорочка*) [4: 566], а указание на красную шапочку соотносится с надеванием *сорочки* – головного убора, который разрешалось носить после замужества. Князь же в данном эпизоде предстает в образе жениха – кота, готового схватить птичку: «сидит, как мокрый кот», «в лорнетку на них смотрит» (2: 329).

Повесть «Дядюшкин сон» – средоточие женских имен и фамилий, являющих негативные черты человеческого характера. Примечательно, что орнитоморфной символикой сопровождается представление всех мордасовских дам, например, для описания их бесед Достоевский использует глагол *щебетать* и сравнение с ласточками: «защебетала Марья Александровна» (2: 332); «гости выпрыгнули на крыльцо и защебетали, как ласточки» (2: 362); «щебетала Анна Николаевна» (2: 369), для описания движения – глагол *лететь* и его формы: Москалева «героиня летела по мордасовским улицам» (2: 337).

Именник женского общества определяется провинциальным хронотопом: Прасковья Ильинична, Луиза Карловна, Катерина Петровна, Фелисата Михайловна, графиня Залихватская – все они являются олицетворением Мордасова.

Потенциальный жених Зинаиды Москалевой – Павел Александрович Мозгляков, фамилия которого восходит к апеллативу *мозгляк*. Негативная семантика лексемы *мозгляк* была знакома Достоевскому, употребившему ее в «Честном воре»: «Как собачонка привяжется, ты туда – и он за тобой; а всего один раз только виделся, мозгляк такой!» (2: 85). Мозглякова воспринимают как человека, у которого «в голове не все дома» (2: 299). Мозгляков – «вертопрах, болтун, с какими-то новейшими идеями!» (2: 299). Антропоним *Мозгляков* восходит к апеллативу *мозгляк* ‘слабый, хилый, хворый, безвременно одряхлевший’ человек (Даль. 2: 339). Несомненно, что читатель в фамилии *Мозгляков* мог увидеть и намек на другую семантику существительного: *мозгляк/мозгаль* ‘гниль, дряблина, прель’ (Даль. 2: 339), а также на значение глагола *мозгнуть* ‘гнить, плесневеть, портиться’⁷. Фамилия *Мозгляков* позволила До-

стоевскому емко и лаконично обозначить человека с «испорченным мозгом», вследствие чего – со слабым умом, о чем нередко упоминается в тексте повести: «в голове не все дома», «в затмении ума своего» (2: 299, 388).

Крестный Мозглякова носит фамилию *Бородуев*, что обусловлено его характеристикой, данной Москалевой и озвученной Мозгляковым: «Ведь вы же говорили, что он мужик, борода, в родне с кабаками, с подвальными да поверенными?» (2: 339). Как видим, наличие бороды – примета русского мужика, поэтому неслучайны слова Москалевой о Бородуеве: «Я и всегда, впрочем, любила в нем все это старинное русское, неподдельное...» (2: 339). Но оказывается, что борода не может выступать в качестве достоверного признака мужика с неподдельной русской душой: кучеру князя К. сбрили настоящую бороду, которая была размером «с немецкое государство», и наклеили искусственную, полученную из-за границы (2: 318). Отсутствие окладистой бороды – признак, на основе которого в повести определяется принадлежность к высшей аристократии: князь К. «носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку – все, до последнего волоска, накладное и великолепное черного цвета» (2: 300).

У Москалевых проживает «в качестве дальней родственницы» Настасья Петровна Зяблова, сравнивающая себя с мадам Грибусье (2: 303). Замещающая номинация *Грибусье*, возможно, восходя к французскому существительному *gribouille* ‘замарашка’ (*gribouiller* ‘пачкать’), иллюстрирует неухоженность госпожи Зябловой:

«Да уж я и без вас знаю, что сегодня совсем замарашка <...> Совсем опустила, давно не мечтаю. Вот и выехала такая мадам Грибусье... А что, в самом деле, я кухаркой кажусь?» (2: 317).

Марья Александровна Москалева называет Зяблову «чумичка Настасья», также отмечая ее нечистоплотность: *чумичка* ‘замарашка, грязнушка, чумазка’ (Даль. 4: 614). Показательной в качестве определения социального положения, а также в качестве отношения к ней персонажей повести является и разговорная форма имени Зябловой – *Настасья*. Фамилия *Зяблова* восходит к адъективу *зяблый*, характеризующему замерзшего человека или животное (Даль. 4: 698). Вероятно, Достоевский связывал данный антропоним с глаголом *прозябать* ‘жить в бездействии – без духовной жизни’⁸, встречающимся в данном значении в художественных текстах писателя, например в «Неточке Незвановой»:

«Это я мог чувствовать, затем что и на последнюю былинку проливается свет божией денницы и пригревает и нежит ее так же, как и роскошный цветок, возле которого смиренно прозябает она» (2: 241).

С другой стороны, фамилия *Зяблова* перекликается в некотором смысле с фамилией *Мозгляков*: *зяблина* ‘гниль в дереве, снаружи от трещины’ (Даль. 1: 699).

Доктор Каллист Станиславович, фамилия которого не упоминается в тексте повести «Дядюшкин сон», является одним из созданных Достоевским образов малокомпетентных и странноватых врачей, подобных Крестьяну Ивановичу Рутеншицу в повести «Двойник» и многочисленным врачам, впоследствии представленным в монологе Черта в романе «Братья Карамазовы».

Е. Ю. Сафронова указывает в качестве прототипа Каллиста Станиславовича уважаемого барнаульского доктора Ивана Антиповича Преображенского [11: 131]. Отсутствие фамилии у доктора Каллиста Станиславовича – важная деталь, свидетельствующая о том, что он уважаем и узнаваем в городе Мордасове по имени-отчеству. В несколько искусственном именовании *Каллист Станиславович* (*Каллист* ‘прекраснейший’, *Станиславович* от *Станислав* ‘становиться славным’⁹) заключена писательская ирония относительно квалификации мордасовского эскулапа, диагностировавшего у князя К. странную болезнь – «воспаление в желудке, как-то перешедшее (вероятно, по дороге) в голову» (2: 395). Подобным ироническим отношением впоследствии будут сопровождаться и другие образы врачей. Кроме того, как верно замечает Е. Ю. Сафронова, в отчестве можно усмотреть связь с биографией прототипа Каллиста Станиславовича: барнаульский доктор И. А. Преображенский был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени за полгода до припадка Достоевского [11: 135]. По наблюдению В. Бирон, «в произведениях Достоевского очень много лично им пережитого, автобиографического» [2: 7], поэтому И. А. Преображенский вполне мог послужить прототипом доктора в повести «Дядюшкин сон».

Фамилия князя, выступающего в повести в качестве жениха, «цензурована» (термин Э. Кормана) до одной буквы *К.*, по мнению Э. Кормана, по двум причинам: «во-первых, потому, что он не живет в Мордасове (он приезжий); а во-вторых, потому что он эксцентричен» [10]. За буквой *К.* может скрываться не фамилия князя, а его характеристика – князь Кукла, в связи с тем, что образ князя К., составленный из искусственных элементов – из парика, накладных бакенбардов и усов, корсета, пружинок для разглаживания морщин, пробочной ноги, стеклянного глаза и вставных зубов, – восходит к традициями балагана, с которыми писатель был знаком с детства, так как дед В. М. Котельницкий водил братьев Достоевских гулять в праздничные дни:

«...ежели мы редко бывали в театрах, то зато в балаганах московских (у так называемых Петрушек) бывали по праздникам и на масленицу с дедушкой Василием Ивановичем Котельницким»¹⁰.

Интересно, что в тексте повести упоминается театр, в котором даже князю К. предназначается роль:

«<...> мы и князя-то хотим завлечь в наш театр. <...> Может быть, даже и роль возьмет». – «Конечно,

возьмут роль-с. Ведь их можно заставить всякую роль разыгрывать-с» (2: 370).

В повести князь К. играет роль молодящегося жениха, придуманную для него кукловодом Москалевой. По-видимому, наименование *князь Гаврила*, используемое Мозгляковым, аллюзивно соотносится с произведением В. Т. Нарезного «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», известного Достоевскому и читателям его повести.

Комичный образ князя К. является объектом для разысканий прототипов, к числу которых относят драматурга и директора Московского театра Ф. Ф. Кокошкина [1: 33], мужа крестной Достоевского Д. Н. Козловского [3: 250], пушкинского графа Нулина [1: 34], болгаринского Фирюлькина [9].

Любопытно – в виде переплетения зооморфных и орнитоморфных характеристик – обыгрывается в тексте повести именник прислуги князя К.:

«Вот у меня Те-рен-тий есть. <...> Глуп феноменально! смотрит как баран на воду! Но какая сновитость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! <...> такой важный вид! – одним словом, настоящий немецкий философ Кант или, еще вернее, откормленный жирный индюк» (2: 313).

Кучер, какого князь К. оставил дома, носит имя, рифмующееся с именем Терентий, – Лаврентий, что также способствует созданию комического эффекта.

Из всего представленного в повести именника выделяются два антропонима, принадлежащие романтическим персонажам, – влюбленным Зине и Васе:

«Зинаида Афанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романтического характера. Не знаем, от того ли, как уверяла сама Марья Александровна, что слишком читалась “этого дурака” Шекспира с “своим учительской”» (2: 384).

А. Н. Плещееву, к которому Достоевский обратился с просьбой дать «откровенный отзыв»¹¹ на новую повесть, образ Зинаиды Москалевой представился искусственным: «Зиночка – лицо несимпатическое – и вообще есть что-то в ней сочиненное, ненатуральное»¹². По мнению советского литературоведа В. Я. Кирпотина, «на заднем плане “Дядюшкина сна” проходят образы, являющиеся как бы рудиментами героев <...> Достоевского сороковых годов». Таков Вася, «мечтатель» со «слабым сердцем», любящий Зину и любимый ею [6: 512].

Имя *Зинаида* могло возникнуть в ономастической лаборатории писателя под влиянием образа Зинаиды Александровны Волконской, в салоне которой на Тверской собирался цвет российской культуры 1820-х годов: Пушкин, Мицкевич, Баратынский, Веневитинов. Из дома З. А. Волконской уезжала М. Н. Волконская (Раевская) в ссылку к мужу-декабристу. Интересно, что после переезда в Иркутск дом Марии Николаевны

и Сергея Григорьевича Волконских становится первым салоном, где собирается образованное общество. Как известно, Достоевскому жена декабриста Фонвизина при встрече перед отправкой в Омский острог подарила Евангелие. Достоевский в дальнейшем долгое время переписывался с Н. Д. Фонвизиной, что могло стать косвенным ономастическим импульсом при выборе имени для героини повести «Дядюшкин сон». Мать Зинаиды, подобно З. А. Волконской, является держательницей салона:

«Мы в доме Марьи Александровны, на Большой улице, в той самой комнате, которую хозяйка, в торжественных случаях, называет своим салоном <...> В этом салоне порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои» (2: 341), «Все торжественные случаи и приемы происходили у Марьи Александровны в этом самом салоне» (2: 341).

Т. Б. Трофимова усматривает близость образа Зинаиды Москалевой не только с образом писавшей записки танцмейстеру Зинаиды Вольской из произведения А. С. Пушкина «Гости съезжались на дачу...», но и с образами Татьяны Лариной и Марии из пушкинской «Полтавы» [14: 298].

Сближение имен *Василий* и *Зинаида* присутствует на уровне их этимологии: *Зинаида* от греч. Ζήναις 'потомок Зевса', *Василий* от греч.

Βασίλειος 'царский, царственный – эпитет Зевса, Посейдона'¹³. По мнению Т. Б. Трофимовой, образ Василия соотносится с образом молодого В. Г. Белинского, биография которого была известна Достоевскому: «Василий – сын дьячка. Белинский – внук дьячка. Оба представители разночинной интеллигенции» [15: 94]. Повесть «Дядюшкин сон» могла стать ответом на пьесу В. Г. Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», где свадьба не состоялась по причине сна, увиденного дядюшкой [15: 96].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим, антропонимикон повести Достоевского «Дядюшкин сон» представляет собой систему, в центре которой находится топоним Мордасов, организующий знаковое пространство провинциального хронотопа повести. Несмотря на то что повесть «Дядюшкин сон» является «пробой пера» писателя, олицетворением его возвращения в литературу после каторги, она демонстрирует весь потенциал ономастической лаборатории писателя, проявившийся впоследствии в его «великом пятикнижии»: стремление к биографичности, использование зооморфной и орнитоморфной символики, введение социально маркированных и экспрессивно окрашенных ономастических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. В тексте в круглых скобках указываются том и через двоеточие страница.
- ² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995. В тексте в круглых скобках указываются Даль, том и через двоеточие страница.
- ³ Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1965. С. 261.
- ⁴ Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 35.
- ⁵ См. первую публикацию повести: Дядюшкин сон (из Мордасовских лѣтописей) Ф. М. Достоевского // Русское слово. Литературно-ученый журнал, издаваемый графомъ Гр. Кушлебовымъ-Безбородко. СПб.: Тип. Рюмина и комп, 1859. № 3. С. 137, а также другие прижизненные издания: Дядюшкин сон (из Мордасовских лѣтописей) // Сочинения Ф. М. Достоевского, т. 2. Издание Н. А. Островского. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1860. С. 123; Дядюшкин сон (из Мордасовских лѣтописей) Ф. М. Достоевского. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1866. С. 138.
- ⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 419.
- ⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. СПб: Азбука: Терра, 1996. 638 с.
- ⁸ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1997. С. 135.
- ⁹ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 203, 302.
- ¹⁰ Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников... С. 65.
- ¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29811. Письмо А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому.
- ¹² Там же.
- ¹³ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен... С. 380, 142–143.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М. С. Двойники «дядюшки» // По вехам имен. Саратов, 1975. С. 32–34.
2. Бирон В. Петербург Достоевского. Л.: Товарищество «Свеча», 1991. 52 с.
3. Бочков В. Н. «Князь К.» и его родня // «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 249–261.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
5. Кибальник С. А. Гоголевские дискурсы в повести Достоевского «Дядюшкин сон» // Десятые Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и его творческое наследие. М., 2010. С. 251–258.
6. Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). М.: Гослитиздат, 1960. 607 с.
7. Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев, 1985. 201 с.

8. Ковалёв Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полигр. центр «Новая книга», 2014. С. 3–27.
9. Ковсан М. Л. Об одной реминисценции в «Дядюшкином сне» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 139–140.
10. Корман Э. Хронотопическое сознание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.club.sunround.com/22/korman.htm> (дата обращения 15.12.2018).
11. Сафронова Е. Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 125–138.
12. Семькина Р. С. Проза Ф. М. Достоевского конца 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели» (комическое: мир и характеры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 17 с.
13. Скуридина С. А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2015. № 1. С. 149–162.
14. Трофимова Т. Б. Достоевский и Пушкин. Литературные параллели в повести «Дядюшкин сон» // Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 295–300.
15. Трофимова Т. Б. Полемический подтекст повести «Дядюшкин сон» // Русская литература. 2011. № 3. С. 92–97.

Поступила в редакцию 18.02.2019

Svetlana A. Skuridina, PhD in Philology, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russian Federation)

ANTHROPONYMIC SYSTEM OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S *UNCLE'S DREAM*

This article deals with the anthroponymic system of a little-studied short novel *Uncle's Dream* by Fyodor Dostoevsky. The author points out that the toponym *Mordasov* acts as an organizing element for the anthroponymicon of the story. Analysis of the material leads to the conclusion that Dostoevsky used semantically marked units, the disclosure of which is due not only to the context of the novel but also to the context of the epoch depicted by the writer. The anthroponyms systematically included in the provincial chronotope of the novel *Uncle's Dream* and correlated in the writer's creative laboratory with the images of the characters created by him become capacious and laconic characteristics, the understanding of which contributes to a deeper reading of this piece of imaginative writing. Dostoevsky's characters strive to become conscious of their own names, as evidenced by numerous examples of their reflections on the influence of a name on life and destiny. Some onomastic units of the story are autobiographical, for example, the toponym *Mordasov* and the anthroponym *Kallist Stanislavovich*. When naming his characters, Dostoevsky uses such methods as introducing into the text socially significant names (*Boroduev*) and expressively marked names (*Moskaleva*, *Mozglyakov*), as well as the language game (*Lavrenty-Terenty*).

Key words: literary onomastics, toponym, anthroponym, Voronezh onomastic school, Dostoevsky, autobiography, *Uncle's Dream*, *Mordasov*, *Moskaleva*

Cite this article as: Skuridina S. A. Anthroponymic system of Fyodor Dostoevsky's *Uncle's Dream*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 76–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.355

REFERENCES

1. Altman M. S. Twins of "Uncle". *Along the milestones of names*. Saratov, 1975. P. 32–34. (In Russ.)
2. Biron V. Dostoevsky's Petersburg. Leningrad, 1991. 52 p. (In Russ.)
3. Bochkov V. N. "Prince K." and his relatives. "But tell me, which one was Tatiana?": *Images and prototypes in Russian literature*. Moscow, 1990. P. 249–261. (In Russ.)
4. Gura A. V. Animal symbolism in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
5. Kibalnik S. A. Gogol's discourses in Dostoevsky's short novel *Uncle's Dream*. *The Tenth Gogol Readings: N. V. Gogol and his creative heritage*. Moscow, 2010. P. 251–258. (In Russ.)
6. Kirpotin V. Ya. F. M. Dostoevsky. Creative path (1821–1859). Moscow, 1960. 607 p. (In Russ.)
7. Kleiman R. Ya. Common motifs of Dostoevsky's works from historical and cultural perspective. Chisinau, 1985. 201 p. (In Russ.)
8. Kovalyov G. F. Aspects of studying proper names in fiction books. *Selected works. Literary onomastics*. Voronezh, 2014. P. 3–27. (In Russ.)
9. Kovsan M. L. One reminiscence in *Uncle's Dream*. *Dostoevsky. Materials and research*. Vol. 10. St. Petersburg, 1992. P. 139–140. (In Russ.)
10. Korman E. Chronotopical consciousness. Available at: <http://www.club.sunround.com/22/korman.htm> (accessed 15.12.2018). (In Russ.)
11. Safronova E. Yu. Archival researches on the Barnaul doctor of F. M. Dostoevsky. *Culture and Text*. 2017. No 3 (30). P. 125–138. (In Russ.)
12. Semykina R. S. Dostoevsky's prose of the late 1850s: *Uncle's Dream*, *The Village of Stepanchikovo* (the comic: world and characters): Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Ekaterinburg, 1992. 17 p. (In Russ.)
13. Skuridina S. A. "What kind of bird are you?": the specifics of some names of Dostoevsky's "Great Pentateuch". *Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research*. 2015. No 1 (8). P. 119–130. (In Russ.)
14. Trofimova T. B. Dostoevsky and Pushkin. Literary parallels in the short novel *Uncle's Dream*. *Dostoevsky. Materials and research*. St. Petersburg, 2010. Vol. 19. P. 295–300. (In Russ.)
15. Trofimova T. B. The subtext of the short novel *Uncle's Dream*. *Russian Literature*. 2011. No 3. P. 92–97. (In Russ.)

Received: 18 February, 2019

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА СОЛОВЬЕВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа Гуманитарного института
Череповецкий государственный университет (Череповец,
Российская Федерация)
ssa_doc@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ РЯД И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (на материале прозы Б. Пастернака)

Анализируются особенности функционирования структур сочинительного ряда в прозаическом тексте Б. Пастернака. Рассмотрение данных конструкций в аспекте текстообразования затрагивает вопросы, связанные с понятием однородности, порядком следования компонентов, обусловленностью, принципами сочетаемости. Цель статьи – выявить когнитивные мотивировки и текстовые параметры синтаксической структуры сочинительного ряда. Опираясь на текстоцентрический и когнитивный методы анализа, сочинительные конструкции рассматриваются с точки зрения текстообразования. Предметом анализа стали фрагменты текста романа «Доктор Живаго», основным структурным элементом которых является сочинительный ряд, основанный на различных типах однородности. Широкое понимание термина «однородность» основывается на лексико-семантической, функциональной и коммуникативной близости компонентов сочинительного ряда и позволяет включать в состав конструкций не только структуры простого предложения с однородными членами, но и ряды простых предложений. Увеличение структуры ряда усиливает его коммуникативную значимость и формирует установку на передачу внутреннего монолога, потока сознания. Интеграция компонентов сочинительного ряда часто основывается на субъективной, прагматико-эмотивной синонимии, прагматическом уравнивании компонентов. Порядок компонентов в структуре базируется на основе вероятностных предпочтений, окказиональных иерархий. Анализируемые синтаксические конструкции участвуют в формировании сентенционного типа повествования, а отношения соположения, возникающие в структуре сочинительного ряда, становятся дополнительным условием формирования принципа монтажности.

Ключевые слова: сочинительный синтаксический ряд, текстообразование, структура ряда, соположение, монтаж, интеграция компонентов ряда

Для цитирования: Соловьева С. А. Синтаксический сочинительный ряд и его функциональные возможности (на материале прозы Б. Пастернака) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 82–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.356

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы сочинительной связи неоднократно становились объектом научного анализа. Однако, когда речь идет об интерпретации сочинительных структур в аспекте текстопорождения, возникает ряд вопросов, связанных с понятиями однородности компонентов, порядком следования, обусловленностью, принципами сочетаемости. Сочинительные конструкции, по мнению К. Я. Сигала, представляют когнитивный эталон и дают возможность интерпретировать некоторые ситуации как равноправные компоненты высказывания. Они основываются на прагматической мотивации и соотносятся с мотивом, замыслом текста [14: 86]. Сложности изучения сочинения определяются немаркированностью некоторых структур средствами синтаксической связи. Анализ данных конструкций требует комментария, обосновывающего возможность включения в их перечень не только структур простого предложения, осложненного однородными членами, но и рядов простых предложений, входя-

щих в структуру сложного предложения. Основанием для этого является широкое понимание термина «однородность», включающего лексико-семантическую, функциональную и коммуникативную близость компонентов сочинительного ряда. Опираясь на текстоцентрический и когнитивный методы анализа, мы рассматриваем сочинительные конструкции с точки зрения текстообразования.

Цель статьи – выявить когнитивные мотивировки и текстовые параметры синтаксической структуры сочинительного ряда в прозе Б. Пастернака. Предметом анализа стали фрагменты текста романа «Доктор Живаго», основным структурным элементом которых является сочинительный ряд, основанный на различных типах однородности [13: 111]. В структуре фрагментов компоненты сочинительных рядов характеризуются различными способами выражения, каждый из которых влияет на характер текстовых категорий таксиса, локативности, дейксиса. Частотность функционирования в романе фрагментов

с несколькими сочинительными рядами является одним из способов организации принципа монтажности в тексте актуализирующего типа (термин Н. Д. Арутюновой) [1].

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЧИНИТЕЛЬНОГО РЯДА

Особенностью синтаксиса прозаических произведений Б. Пастернака является частотное использование сочинительных структур с отношениями ряда (термин А. Ф. Прияткиной). Интерес к ним связан не только с частотностью их употребления, но и с тем, что в тексте они участвуют в формировании фрагментов сентенционного типа и являются одним из актуальных способов конструирования внутренней речи. Система текстообразующих факторов, влияющих на характер сочинительной конструкции и структуру ряда, включает несколько основных моментов: выбор компонентов, порядок их расположения, систему средств связи. Вопросы коммуникативной обусловленности сочинительной связи речевых отрезков в тексте затрагивались еще в трудах А. М. Пешковского, который доказал, что они должны «соединяться мыслью как однородные в каком-либо отношении, как сходные между собой» [11: 396]. «Сознание однородности» создает условия для их объединения в целостную конструкцию. Рассматривая сочинение в соотношении с другими синтаксическими процессами, А. Ф. Прияткина вводит понятие внутрирядных семантико-синтаксических отношений, которые формируются между членами ряда [12: 166]. С точки зрения когнитивного подхода отношения ряда могут быть классифицированы как определенная мыслительная классификация, в которой Б. Ю. Норман видит не «жестко детерминированный, а вероятностный процесс», определяющий потенциальную сочинимость компонентов. Сознание не просто классифицирует явления окружающей действительности, но и определенным образом их ранжирует, «сортирует» по важности и делает это с помощью сочинительной связи, которая функционирует на уровне синтагматики и парадигматики. Чтобы в сознании говорящего сформировался сочинительный ряд, соблюдение всех условий однородности необязательно. Остается достаточным лишь наличие общей семы, смысловой общности, позволяющей объединить компоненты в ряд [9: 181]. Использование синтаксического сочинительного ряда основывается на глубинных схемах, которые либо существуют в его сознании, либо возникают в процессе порождения текста.

Одной из причин частотного использования анализируемых конструкций в прозе Б. Пастернака является simultaneity, формирующая особую монтажную структуру прозаического текста [3]. Художественный монтаж в концепции Ю. М. Лотмана рассматривается как набор отношений, который строится как

«сложная структура взаимопересекающихся подструктур с многократными вхождениями одного и того же элемента в различные конструктивные контексты» [7: 101].

Структура сочинительного ряда в прозе Б. Пастернака строится по принципам монтажности, соположения часто разнородных компонентов ряда в одной синтаксической позиции. В результате в его структуре возникают дополнительные смыслы, показывающие противоречивость окружающего мира и сложность его восприятия и осмысления. Поэтому применительно к художественной прозе поэта логичнее говорить не о семантической однородности, а о семантической общности представлений прагматической структуры сочинительного ряда. Его компоненты часто размещаются в структуре ряда на основе вероятностных предпочтений, когда сознание ранжирует явления, а сочинительная связь усиливает парадигматическую общность компонентов ряда. При этом слово, начинающее ряд, обладает некоторым семантическим приоритетом, а сам ряд – свойством необратимости [9: 178].

Количество общих признаков (структурных и семантических) у компонентов ряда может быть различным. В свою очередь отсутствие жестких механизмов классификации компонентов ряда способствует процессам обобщения и аппроксимации (приближения) [9: 194]. Рассмотрим несколько фрагментов текста романа «Доктор Живаго»:

«Николай Николаевич глядел в переулок и вспоминал прошлогоднюю петербургскую зиму, Гапона, Горького, посещение Витте, модных современных писателей. Из этой кутерьмы он удрал сюда, в тишь да гладь Первопрестольной, писать задуманную им книгу. Куда там! Он попал из огня да в полымя. Каждый день лекции и доклады, не дадут опомниться. То на Высших женских, то в Религиозно-философском, то на Красный Крест, то в Фонд стачечного комитета. Забраться бы в Швейцарию, в глушь лесного кантона. Мир и ясность над озером, небо и горы, и звучный, всему вторящий, настороженный воздух (жирный шрифт здесь и далее наш. – С. С.)» (43)¹.

Структурно значимыми в данном фрагменте являются несколько рядов однородных членов: прошлогодняя петербургская зима, Гапон, Горький, посещение Витте, модные современные писатели. Перед нами прагматический ряд, основывающийся на группе представлений. Их сходство обеспечивается способностью субъекта предсказать им одни и те же свойства в данный момент. Ряд строится по принципу категоризации и вычленения частных и значимых для говорящего единиц. Часть компонентов ряда формально объединена общим значением лица (Гапон, Горький, посещение Витте, модные современные писатели). Возникает внутренняя иерархия. Первый компонент ряда (прошлогодняя петербургская зима) объединяет общей темпорально-локативной семантикой все последующие компоненты

ряда. В результате между ними возникает парадигматическая общность. Другой обобщающий компонент, находящийся в инициальной позиции последующего предложения (эта кутерьма), усиливает субъективную оценочность происходящего, отражает симультанность сознания. Отбор компонентов ряда обусловлен их концептуальной значимостью для говорящего. В однородном ряду за каждым конкретным объектом скрывается совокупность определенных обстоятельств, значимых событий. В приводимом фрагменте соединяются две временные оси (прошедшее, настоящее) и две модальности (объективная и гипотетическая: забраться бы). Возникающий в структуре парцеллированной конструкции сочинительный ряд, в состав которого входят еще более разнородные компоненты (То на Высших женских, то в Религиозно-философском, то на Красный Крест, то в Фонд стачечного комитета), не только усиливает семантику обобщающего компонента (кутерма), но и актуализирует модус желаемого (забраться бы). В результате попарного соединения компонентов ряда меняется ритм повествования, замедляется его темп. В сознании читателя складывается конкретное представление, картинка, все компоненты которой являются взаимообусловленными. Процесс структурирования соотносится с когнитивной обработкой человеческим сознанием объективной действительности. В результате чего происходит актуализация такого прагматического фактора, как фокус эмпатии, а ситуация передается с точки зрения героя, осмысляющего ее [15: 278].

Интеграция компонентов сочинительного ряда в прозе Б. Пастернака часто основывается на субъективной, прагматико-эмотивной синонимии, когда синонимизации сопутствует обращение когнитивного знания и значения в область эмоционально-оценочного содержания [8: 452]. Действие этого механизма можно проследить на следующем примере:

«Внешний мир обступал Юру со всех сторон, **осязательный, непроходимый и бесспорный**, как лес, и оттого-то был Юра так потрясен маминой смертью, что он с ней **заблудился** в этом лесу и вдруг **остался** в нем один, без нее. **Этот лес** составляли все вещи на свете – **облака, городские вывески, и шары** на пожарных каланчах, и скакавшие верхом перед каретой с божьей Матерью **служки** с наушниками вместо шапок на обнаженных в присутствии святых головах. **Этот лес** составляли **витрины** магазинов в пассажах и недосыгаемо высокое ночное **небо со звездами, боженькой и святыми**» (95).

В структуре сочинительного ряда происходит прагматическое уравнивание имен, референты которых вызывают у говорящего сходные эмоциональные реакции. Мотивировка выбора компонентов ряда определяется потребностью героя осмыслить и оценить происходящее. Это синонимия «для себя». Она формируется на основе единства эмоционального и субъективно-

семантического значения слов в языковом сознании говорящего. При этом именно структура сочинительного ряда становится коммуникативно значимой, а его наполнение – относительно свободным, проницаемым для референтно нетождественной лексики. В субъективно-синотимических сочинительных рядах оказываются компоненты, отнесенные к полюсу «плохо» на оценочной шкале «хорошо – плохо» (Внешний мир – лес – все вещи на свете). Соположение в тексте нескольких сочинительных рядов с референтно нетождественной лексикой усиливает ощущение хаоса и внутреннего беспокойства.

Подобные модели встречаются в романе довольно часто. Аналогичным образом происходит семантическая аккомодация компонентов в следующем фрагменте текста:

«**Три года перемен, неизвестности, переходов, война, революция, потрясения, обстрелы, сцены гибели, сцены смерти, взорванные мосты, разрушения, пожары** – все это вдруг превратилось в огромное пустое место, лишенное содержания. Первым истинным событием после долгого перерыва было это головокружительное приближение в поезде к дому, который цел и есть еще на свете, и где дорог каждый камушек. **Вот что было жизнью, вот что было переживанием, вот за чем гонялись искатели приключений, вот что имело в виду искусство – приезд к родным, возвращение к себе, возобновление существования**» (180).

Компоненты сочиненных рядов объединяются на основе внутренних семантических связей, которые формируются на основе парадигматики и семантической комбинаторики внутри сочинительного ряда. На основе референтного переключения и контекстной синонимии происходит смысловое уподобление сочиненных компонентов разных синтаксических уровней (однородных членов и предложений в структуре БСП).

Текстообразующая функция сочинительных рядов усиливается их внутренней оппозицией (пустое место, лишенное содержания, – вот что было жизнью). Семантико-синтаксическая особенность рассматриваемых конструкций заключается в том, что выбор лексических компонентов опосредуется их лексико-семантической парадигматикой. Это формирует возможность выражения сопоставительных отношений как внутри ряда, так и между рядами в структуре текстового фрагмента.

С точки зрения синтаксической организации сочинительных рядов интересен тот факт, что первый сочинительный ряд представлен однородными подлежащими с обобщающим словом **все это**, выражающим единую концептуально-грамматическую сущность. Второй ряд – простыми предложениями с параллельным порядком слов. Здесь конкретным содержанием наполняются абстрактные понятия: жизнь, переживание, искусство; в то время как конкретные (война, революция, обстрелы, сцены гибели, сцены смерти, взорванные мосты, разрушения, пожары)

его теряют и обесцениваются. Одновременно за счет увеличения структуры компонентов сочинительного ряда усиливается коммуникативная значимость данной сентенции (переоценки происходящего в определенном эмоциональном состоянии). Сочинительный ряд формирует установку на передачу внутреннего монолога, потока сознания. Это важно, так как, во-первых, механизм внутренней речи психофизиологически схож с монтажом. Во-вторых, сочинительный ряд, не имея жесткой структуры и внутренней причинно-следственной обусловленности, строится на основе вероятностных связей.

Линейность ряда и его взаимообусловленность внешними факторами текстообразования приводят к тому, что ряд не может быть обратимым. Каждый компонент занимает в нем свою коммуникативно обусловленную позицию.

«Всё кругом **бродило, росло и всходило** на волшебных дорожках существования. Восхищение жизнью, как тихий вечер, широкой волной шло не разбирая куда **по земле и городу, через стены и заборы, через древесину и тело**, охватывая трепетом все по дороге. Чтобы заглушить действие этого **тока**, доктор пошел на плац послушать разговоры на митинге» (154).

Однородность сказуемых, выраженных глаголами несовершенного вида, при местоименном подлежащем **всё** формирует семантику восторга, круговорота, нарастания, проникновения в пространство, всеобщности. Заданная динамика продолжается в следующем ряду однородных членов (бродило – шло не разбирая куда по земле и городу; росло и всходило – через стены и заборы, через древесину и тело). Всеобщность и неотвратимость происходящего усиливается использованием предложно-падежных форм с предлогом **через**, как преодоления преграды и проникновения внутрь. Появление в тексте СПП с препозитивным придаточным цели становится границей между переживаемым состоянием и реальностью, показателем осознанного регулирования героем своих мыслей и чувств. Важно, что в качестве объектного актанта в придаточном используется дейктическое сочетание **действие этого тока**. Оно не только формирует связность фрагмента, но и создает семантическую общность всех сочиненных компонентов на уровне парадигматики и синтагматики. Возникающая семантическая аккомодация основывается на контекстной синонимии. Аналогичные процессы мы видим в следующем фрагменте текста:

«Пахло **началом** городской зимы, топтанным **листом** клена, талым **снегом**, паровозной **гарью** и теплым ржаным **хлебом**, который **выпекали** в подвале вокзального буфета и только что **вынули** из печи. **Приходили и отходили** поезда. Их **составляли и разбирали**. На все лады заливались **рожки** сторожей, карманные **свистки** сцепщиков и басистые **гудки** паровозов» (30).

Употребление ряда в составе безличного предложения имеет свои особенности. Здесь личного

субъекта имплицитно семантика чувственного восприятия, формируемого безличным предикатом **пахло** [10: 38]. Он сообщает о распространении агента в направлении к воспринимающему лицу, формируя семантику творительного как внутреннее содержание действия. Общая семантика фрагмента может быть определена как состояние, вызванное восприятием. Семантическая общность сочиненных компонентов устанавливается на уровне семантической комбинаторики внутри ряда в результате семантической аккомодации компонентов ряда (началом городской зимы, топтанным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом). Соединительный союз перед последним компонентом закрывает ряд, указывает на смену модуса восприятия с обонятельного на зрительный и слуховой. Особенность фрагмента состоит в том, что безличное осложненное предложение задает его дальнейшую структуру. Причем речь идет не только о ритме и темпе, но прежде всего о способе конструирования процесса восприятия и отражения действительности через призму сознания автора и героя. Сочинительный ряд становится структурообразующим в данном фрагменте. Причем выражается он лексическими антонимами: приходили и отходили, составляли и разбирали, свернутыми и развернутыми. Регулярность и двуактность действий выражает ритмичность, повторяемость, инертность и вместе с тем отстраненность наблюдателя от происходящего. Последовательность компонентов ряда отражает процесс восприятия объектов и ничем не ограничивается. Происходит угнетение реального субъекта и выдвижение субъекта неодушевленного (столбы, паровозы), выдвижение фона. Внешняя ситуация становится основным фактором влияния на психологическое состояние героя, который пытается его контролировать (Чтобы заглушить действие этого **тока**, доктор пошел на плац послушать разговоры на митинге). Антиномия внешнего и внутреннего аналогичным образом конструируется и в следующем фрагменте текста.

«В вагоне **чуть-чуть несло** из уборных... и **пахло** жареными курами с легким душком... В нем по-прежнему **пудрились, обтирали** платком ладони и **разговаривали** грудными скрипучими голосами седеющие дамы из Петербурга... Когда они проходили мимо Гордоновского купе, кутая углы плеч в накидки и превращая тесноту коридора в источник нового кокетства, Мише казалось, **что они шипят** или... **должны шипеть**: “Ах, скажите, пожалуйста, какая чувствительность! Мы особенные! Мы интеллигенты! Мы не можем!”» (17).

Личный субъект имплицитно семантикой чувственного восприятия безличных предикатов **пахло** и **несло**. По мнению В. М. Павлова, в подобных структурах происходит «подавление субъекта» [10: 35]. Сема субъекта дополняется семами инициатора, каузатора действия. Однако семантика состояния, формируемая легким

неприятием среды (чуть-чуть, с легким душком), становится определяющей в данном текстовом фрагменте. Это то, как воспринимает среду герой. Поэтому, в отличие от предыдущего фрагмента, угнетения реального субъекта не происходит. Растет внутреннее противоречие между средой и субъектом, ее воспринимающим, выражающееся в ироничности предложения с прямой речью («Ах, скажите, пожалуйста, какая чувствительность!»). Усиливается отстраненность субъекта от среды, основанная на семе «другой, чужой», ранее обозначенной в тексте романа, актуализируется фокус эмпатии.

Порядок следования компонентов ряда может мотивироваться окказиональными иерархиями, особыми когнитивными образованиями, отражающими порядок подчинения элементов в иерархических множествах [2: 62]. Окказиональные иерархии ориентированы на отражение индивидуального опыта говорящего и его шкалы ценностей. Они создаются для конкретного речевого высказывания, реализуются в соответствующем упорядочивании сочиненных компонентов и поддерживаются другими средствами текстовой интеграции (последние выполняют метаязыковую функцию). Ср.:

«Настала зима, какую именно предсказывали. Она еще не так пугала, как две наступившие вслед за нею, но была уже из их породы, темная, голодная и холодная, вся в ломке привычного и перестройке всех основ существования, вся в нечеловеческих усилиях уцепиться за ускользающую жизнь... Старая жизнь и молодой порядок еще не совпадали...» (215)

Сочинительный ряд включает разнородные элементы с точки зрения грамматического выражения. Повторение грамматических структур внутри ряда (все в ломке, перестройке, усилиях) организует ритм повествования, актуализиру-

ет прагматическую значимость повторяющегося компонента. Создаваемый эффект эмоционального нагнетания усиливается еще и тем, что в структуре фрагмента возникает несколько синтаксически параллельных структур с сочинительными рядами, каждый компонент которых, находясь в отношениях соположения с предыдущим, не только не продолжает вносимую им семантику, но иногда и противоречит ей. Возникает ощущение случайности, спонтанности выбора. Прагматический фактор фокуса эмпатии в данном случае становится средством формирования дейктического модуса текста: указания на субъекта речи и интерпретацию им состояния среды. Порядок компонентов и способ их выражения мотивируются когнитивным опытом говорящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ сочинительных конструкций раскрывает их текстообразующие возможности. Многообразие анализируемых структур с точки зрения лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов ряда, порядка их расположения позволяет говорить об особом типе коммуникативно-прагматической однородности компонентов сочинительного ряда. Способ выражения компонентов сочинительного ряда обуславливает особенности таксисных отношений в тексте, способствует выдвиганию фона, формированию пространственно-временного дейксиса, создает установку на передачу внутреннего монолога. Наличие в одном фрагменте нескольких сочинительных рядов задает особый ритм повествования. Отношения соположения, возникающие между рядами в структуре фрагмента, являются условием формирования принципа монтажности в прозаическом тексте Б. Пастернака.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Здесь и далее цитаты из произведения Б. Пастернака «Доктор Живаго» приводятся по изданию: Пастернак Б. Доктор Живаго. СПб., 2010. 604 с. В круглых скобках указывается номер страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. О синтаксических разновидностях прозы // Сб. науч. трудов. Вып. 73. М.: МГПИИЯ им. Мориса Тереза, 1973. С. 183–188.
2. Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. 176 с.
3. Грудева Е. В., Соловьева С. А. Синтаксический повтор как средство монтажного принципа организации текста // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 12–15.
4. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999. 282 с.
5. Дымарский М. Я. К типологии синтаксической связи // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. М., 2013. С. 57–92.
6. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014. 320 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 2016. 288 с.
8. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 819 с.
9. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М., 2013. 252 с.
10. Павлов В. М. Противоречие семантической структуры безличных предложений в русском языке. СПб., 1998. 186 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. 452 с.
12. Русская грамматика. М., 1980. Т. I. 783 с.; Т. II. 709 с.
13. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. 624 с.
14. Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования: На материале простого предложения. М., 2004. 390 с.

15. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. 581 с.
16. Paratexts: Thresholds of Interpretation (Literature, Culture, Theory). Cambridge University Press, 1997. 456 p.
17. Fauconnier G., Turner M. Mental Spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / Edited by Dirk Geeraerts. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.

Поступила в редакцию 16.04.2019

Svetlana A. Solovyova, PhD in Philology, Cherepovets State University
(Cherepovets, Russian Federation)

PARATAXIS AND ITS FUNCTIONALITY (in the prose of Pasternak)

The article analyzes the parataxis structure functioning features in Boris Pasternak's prose. Analysis of parataxis structures in terms of text formation raises questions of homogeneity, the order of components, conditionality and compatibility principles. The article aims to identify the cognitive motivation and text parameters of parataxis syntactic structure. Parataxis is studied from the perspective of text formation, mainly with the help of text-centered and cognitive methods of analysis. The subjects of analysis were the fragments of the novel *Doctor Zhivago*, with their main structural element being paratactic series based on different types of homogeneity. The term "homogeneity", in our broad understanding, is based on the lexico-semantic, functional and communicative proximity of the series components. This enables to include into such constructions not only simple sentence structures with homogeneous parts of the sentence but also the sequences of simple sentences. The expansion of the series structure enhances its communicative importance and forms the setting for the transfer of the internal monologue or the stream of consciousness. Integration of parataxis components is often based on subjective pragmatic and emotive synonymy, as well as the pragmatic equalization of components. The order of components in a series structure is often based on probabilistic preferences and occasional hierarchies. The analyzed syntactic constructions are involved in the formation of sententious type of narration. The juxtaposition relationships within coordinate syntactic sequences become an additional condition for the formation of the montage principle.

Key words: coordinate syntactic sequence, text formation, sequence structure, juxtaposition, montage, sequence component integration

Cite this article as: Solovyova S. A. Parataxis and its functionality (in the prose of Pasternak). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 82–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.356

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Syntactic varieties of prose. *Collection of research papers*. Issue 73. Moscow, 1973. P. 183–188. (In Russ.)
2. Bergelson M. B., Kibrik A. E. Pragmatic principle of priority and its reflection in the grammar of language. *Modeling language activity in intellectual systems*. Moscow, 1987. 176 p. (In Russ.)
3. Grudeva E. V., Solovyova S. A. Syntactic repetition as a means of text montage structure. *Tomsk State University Journal*. 2017. No 424. P. 12–15. (In Russ.)
4. Dymarsky M. Ya. Problems of text formation and literary text. St. Petersburg, 1999. 282 p. (In Russ.)
5. Dymarsky M. Ya. The study of the syntactic relations typology. *Problems of functional grammar. The principle of natural classification*. Moscow, 2013. P. 57–92. (In Russ.)
6. Iriskhanova O. K. Focus games in the language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow, 2014. 320 p. (In Russ.)
7. Lotman Yu. M. Structure of the literary text. Moscow, 2016. 288 p. (In Russ.)
8. Nikitin M. V. Course of linguistic semantics. St. Petersburg, 1996. 819 p. (In Russ.)
9. Norman B. Yu. Cognitive syntax of the Russian language. Moscow, 2013. 252 p. (In Russ.)
10. Pavlov V. M. Contradiction of the semantic structure of impersonal sentences in the Russian language. St. Petersburg, 1998. 186 p. (In Russ.)
11. Peshkovsky A. M. Russian syntax from the scientific perspective. Moscow, 1938. 452 p. (In Russ.)
12. Russian grammar. Moscow, 1980. Vol. I. 783 p.; Vol. II. 709 p. (In Russ.)
13. Sannikov V. Z. Russian syntax in the semantic and pragmatic space. Moscow, 2008. 624 p. (In Russ.)
14. Sigal K. Ya. Coordinate constructions in the text: a theoretical and experimental study of simple sentences. Moscow, 2004. 390 p. (In Russ.)
15. Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *The new in foreign linguistics*. Issue XI. Moscow, 1982. 581 p. (In Russ.)
16. Paratexts: Thresholds of Interpretation (Literature, Culture, Theory). Cambridge University Press, 1997. 456 p.
17. Fauconnier G., Turner M. Mental Spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings* (Dirk Geeraerts, Ed.). Berlin, 2006. P. 303–371.

Received: 16 April, 2019

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВЦЕВА

аспирант кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olga_danilova90@mail.ru

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XI–XIII ВЕКОВ*

Производится анализ атрибутивных словосочетаний в десяти текстах древнерусского красноречия, посланиях и «Слове о полку Игореве». Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью многих проблем исторического синтаксиса древнерусской эпохи в целом и вопросов, связанных с факторами, влияющими на порядок расположения компонентов атрибутивного словосочетания в памятниках начального периода становления грамматического строя русского языка. Целью работы является определение особенностей и выявление принципов расположения компонентов атрибутивных словосочетаний в указанных текстах. Используя метод сплошной выборки, мы получили 2481 атрибутивные конструкции. Проанализировав полученные словосочетания с применением структурно-функционального, описательно-сопоставительного и семантико-стилистического методов, мы пришли к выводу, что уже в начальный период развития языка проявилась тенденция к преобладанию препозитивного положения атрибута как в двучленных, так и в многочленных словосочетаниях. На расположение компонентов атрибутивного словосочетания свое влияние оказывает не только частеречная принадлежность атрибута, но и одушевленность определяемого им слова, наличие предлога и лексическое значение компонентов атрибутивного ряда.

Ключевые слова: древнерусский язык, порядок слов, субстантивно-атрибутивное словосочетание, поучения, послания, «Слово о полку Игореве»

Для цитирования: Казаковцева О. С. Расположение компонентов атрибутивных конструкций в древнерусских памятниках XI–XIII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 88–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.357

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи не раз отмечали, что расположение слов в древнерусском языке имело отличие от словоупотребления в современном его состоянии [1]. В частности, отличным был и порядок компонентов атрибутивного ряда. Если в современном русском языке при нейтральном порядке слов атрибут располагается перед определяемым словом, то в древнерусском языке он мог занимать как препозицию, так и постпозицию [13: 174]. На расположение древнерусского атрибута, по мнению ученых, могла влиять его частеречная принадлежность [13], [15], лексическое значение [2], [3], [7], [9], [12], падеж и даже одушевленность определяемого им слова [10: 210], [16: 540]. Отметим, что в период создания анализируемых памятников формально выраженная категория одушевленности отсутствовала, хотя семантическое различие имен, называющих «живые» и «неживые» предметы, несомненно, проявлялось в языковом сознании человека [6]. Поэтому в данной статье под словосочетаниями «одушевленное существительное» и «неодушевленное существительное» понимаем семантическую (не получившую на тот момент последовательного морфологического выражения) одушевленность / неодушевленность.

Целью исследования, положенного в основу данной статьи, является выявление факторов,

влияющих на порядок расположения компонентов субстантивно-атрибутивного ряда в древнерусских текстах выбранных жанров.

Материалом нашей работы послужили тексты древнерусского красноречия XI–XIII веков («Почтения и молитва Феодосия Печерского» (ПФП), «Почтение к простой чади» (ППЧ), «Слова и поучения Серапиона Владимирского», (СлСВ), «Слова и поучения Кирилла Туровского» (СлКТ), «Слово о законе и благодати митрополита Илариона» (СлИл)), тексты эпистолярного жанра XI–XIII веков («Послание Климента Смолятича» (ПослКС), «Послание Якова-чернорица к князю Дмитрию Борисовичу» (ПослЯк), «Послание Феодосия Печерского великому князю Изяславу Ярославичу» (ПослФП), «Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху» (ПослДан)) и «Слово о полку Игореве» (СПИ)¹. Выбор источников аргументирован желанием охватить разные по жанровой принадлежности памятники и сравнить в них расположение компонентов атрибутивного ряда. Выбранные тексты посланий и поучений ранее к такому анализу исследователями не привлекались.

Анализу подверглись 2481 конструкции с атрибутом, выраженным именем прилагательным, местоимением, порядковым числительным, причастием и существительным (приложением). Помимо согласованных атрибутов, были привлечены

и несогласованные определения, выраженные местоимениями *его, ее, их*. Несогласованные атрибуты, представленные существительным в родительном падеже (типа *дом из камня*), к анализу не привлекались.

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ ДВУЧЛЕННЫХ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

По результатам проведенного исследования можно заключить, что во всех анализируемых текстах, кроме «Слов и поучений Серапиона Владимирского», «Послания Якова-чернориза к князю Дмитрию Борисовичу», «Слова о законе и благодати митрополита Илариона», в контактных двучленных атрибутивных словосочетаниях наблюдается превосходство препозитивного положения над постпозитивным (табл. 1).

Таблица 1

Количественные данные двучленных препозитивных и постпозитивных атрибутивных конструкций

Тексты	Препозиция	Постпозиция
ПФП	152 (58 %)	108 (42 %)
ППЧ	41 (72 %)	16 (28 %)
СлКТ	421 (62 %)	263 (38 %)
СлСВ	78 (44 %)	98 (56 %)
СлИл	220 (47 %)	246 (53 %)
СПИ	164 (67 %)	83 (33 %)
ПослКС	126 (72 %)	48 (28 %)
ПослЯк	34 (50 %)	34 (50 %)
ПослФП	70 (85 %)	12 (15 %)
ПослДан	25 (54 %)	21 (46 %)

Одним из факторов, влияющих на расположение компонентов атрибутивного ряда, является морфологическое выражение атрибута. Как в текстах эпистолярного жанра, так и в текстах древнерусских поучений и в «Слове о полку Игореве» наблюдаем преобладание в препозитивном положении членных имен прилагательных

(процент употребления подобных форм в разных текстах – от 53 до 73 %). Например: *на твердьмъ камени* (СлКТ, 88). Именные формы прилагательного (*суха древа* (СлКТ, 202)) не нашли широкого применения ни в препозитивном, ни в постпозитивном положении, тем самым наши данные подтверждают мнение исследователей о спаде употребительности кратких форм в атрибутивной функции уже в древнерусский период [5] (табл. 2).

Произведя анализ расположения прилагательных с точки зрения их лексико-грамматических разрядов, заключаем, что в текстах всех жанров качественные прилагательные (*благымъ Духомъ* (ПослКС, 136), *новааго учения* (СлИл, 38), *храбрыя плъкы* (СПИ, 52)) тяготеют к препозиции (поучения – 76 %, СПИ – 88 %, послания – 87 %), относительные прилагательные (*морская птица* (ПослКС, 138), *ангельская воинства* (ППЧ, 286)), кроме «Слова о полку Игореве», также в большинстве своем препозитивны (поучения – 77 %, СПИ – 48 %, послания – 93 %), тогда как притяжательные прилагательные (*силы Божья* (ПослЯк, 392), *сынъ рабыни* (СлИл, 30)) преобладают после определяемого слова (поучения – 67 %, СПИ – 75 %, послания – 62 %).

Вторыми по частоте морфологического выражения атрибута стали местоимения. И здесь, так же как и в случае с именами прилагательными, на их расположение влияет лексико-грамматический разряд. Определительные местоимения (*по вся дни* (СПИ, 53), *всѣмъ оутѣшеньемъ* (СлСВ, 372), *от всякого зла* (ПослДан, 56)) в большей мере препозитивны (поучения – 96 %, СПИ – 100 %, эпистолярный жанр – 100 %). Преобладание препозиции демонстрируют нам и указательные местоимения (поучения – 66 %, СПИ – 83 %, послания – 80 %), например: *сего брата* (ПослКС, 126), *въ семь миръ* (СлИл, 30). Притяжательные местоимения (*уст моих* (СлКТ, 196), *покаянье свое* (ПослЯк, 386), *грозы твоя* (СПИ, 60)), наоборот, являют нам численное превосходство постпозитивного положения (поучения – 73 %, СПИ – 67 %, послания – 70 %) (табл. 3).

Таблица 2

Количественная характеристика употребления полных и кратких форм имен прилагательных

Тексты	Препозиция полные формы – краткие формы	Постпозиция полные формы – краткие формы
ПФП	91 (97 %) – 3 (3 %)	51 (93 %) – 4 (7 %)
ППЧ	26 (100 %) – 0	5 (72 %) – 2 (28 %)
СлКТ	259 (90 %) – 30 (10 %)	61 (54 %) – 52 (46 %)
СлСВ	42 (100 %) – 0	34 (89 %) – 4 (11 %)
СлИл	10 (92 %) – 118 (8 %)	67 (75 %) – 22 (35 %)
СПИ	104 (76 %) – 32 (24 %)	48 (79 %) – 13 (21 %)
ПослКС	92 (96 %) – 4 (4 %)	13 (87 %) – 2 (13 %)
ПослЯк	18 (90 %) – 2 (10 %)	7 (70 %) – 3 (30 %)
ПослФП	42 (98 %) – 1 (2 %)	9 (100 %) – 0
ПослДан	18 (95 %) – 1 (5 %)	8 (89 %) – 1 (11 %)

Таблица 3

Морфологическое выражение атрибута в двучленных атрибутивных конструкциях

	Препозиция			Постпозиция		
	Поучения	СПИ	Послания	Поучения	СПИ	Послания
Качественное прилагательное	76 %	88 %	87 %	24 %	12 %	13 %
Относительное прилагательное	77 %	48 %	93 %	23 %	52 %	7 %
Притяжательное прилагательное	33 %	25 %	38 %	67 %	75 %	62 %
Определительное местоимение	96 %	100 %	100 %	4 %	–	–
Притяжательное местоимение	27 %	33 %	30 %	73 %	67 %	70 %
Указательное местоимение	66 %	83 %	80 %	34 %	17 %	20 %

Но не только морфологическая принадлежность атрибута влияла на его позицию внутри словосочетания. На расположение компонентов свое влияние оказывает и лексическое значение слов. Так, особого внимания заслуживают традиционные устойчивые словосочетания (термин О. В. Творогова [14]). Так, в устойчивых словосочетаниях с качественным именем прилагательным самыми употребительными лексемами были слова, связанные с обозначением религиозных понятий: *святый, блаженный*. Лексическим наполнением от устойчивых словосочетаний в текстах посланий и поучений отличаются устойчивые атрибутивные конструкции типа *красная девица, вещей Боянь, храбрая дружина*, в которых можно усмотреть влияние живого народного языка [14]. Однако, несмотря на лексико-семантические отличия в подобных конструкциях, атрибут, выраженный качественным именем прилагательным, во всех текстах в 80 % находится в препозитивном положении. Устойчивых словосочетаний с относительными прилагательными меньше, чем конструкций с качественными прилагательными. В текстах посланий и поучений они представлены словосочетаниями с прилагательным *небесный, божественный*, обозначающими религиозные понятия (*небесное царство, небесного цесаря, божественное писание*), а в тексте «Слова о полку Игореве» они выражены

двумя лексемами, обозначающими две противоположающиеся стороны (*на землю Рускую – земли Половецкыи*). Примечательно, что в текстах посланий и поучений данные устойчивые словосочетания в 63 % находятся в препозиции, тогда как в «Слове о полку Игореве» они абсолютно постпозитивны. Устойчивые словосочетания с притяжательными прилагательными обнаружены нами только в текстах посланий и поучений, где постпозитивный атрибут в большинстве случаев представлен лексемами *Божий, Христовъ, Господень (закон Божия* (СлСВ, 384), *тѣло Христово* (СлКС, 164), *Духъ Господень* (ПослЯк, 388)). Хотя тексты древнерусского красноречия и эпистолярного жанра не являются собственно религиозными произведениями, но, исходя из частотности употребления данных прилагательных, можно заключить, что сакральный компонент занимает в них значительное место.

На позицию атрибута, по мнению Д. Ворта [16] и Ф. Р. Минлоса [11], также оказывает влияние предлог, который «перетягивает» атрибут в препозитивное положение. Так, в текстах древнерусских поучений и в текстах эпистолярного жанра данная гипотеза влияния предлога нашла свое подтверждение на примере качественных и относительных прилагательных, в «Слове о полку Игореве» – только на примере качественных прилагательных (табл. 4).

Таблица 4

Влияние предлога на расположение атрибута, выраженного именем прилагательным

Поучения	Препозиция	Постпозиция
Предложные СС с качеств. прилагательным	78 (67 %)	39 (33 %)
Предложные СС с относит. прилагательным	32 (54 %)	27 (46 %)
Предложные СС с притяжат. прилагательным	8 (33 %)	16 (67 %)
Послания	Препозиция	Постпозиция
Предложные СС с качеств. прилагательным	33 (89 %)	4 (11 %)
Предложные СС с относит. прилагательным	8 (89 %)	1 (11 %)
Предложные СС с притяжат. прилагательным	30 (45 %)	36 (55 %)
СПИ	Препозиция	Постпозиция
Предложные СС с качеств. прилагательным	27 (84 %)	5 (16 %)
Предложные СС с относит. прилагательным	12 (36 %)	21 (64 %)
Предложные СС с притяжат. прилагательным	1 (9 %)	10 (91 %)

Нами было замечено, что чаще в предложных словосочетаниях определяемое слово является неодушевленным существительным.

Еще один фактор, влияющий на положение атрибута, выраженного притяжательным местоимением, – одушевленность определяемого существительного [11], [16]. Данное предположение также подтвердилось во всех анализируемых нами текстах (при одушевленном существительном в текстах поучений и посланий атрибут располагается в постпозиции в 79 и 72 % соответственно, в тексте «Слова о полку Игореве» – в 100 %).

Как и в современном русском языке, в древнерусском в качестве определения в атрибутивном словосочетании могло выступать и согласованное имя существительное. Такое определение принято называть приложением. В текстах поучений приложение, относящееся к имени собственному, находится в препозиции в 75 % случаев (*богоотець Давыд* (СлКТ, 178)), в «Слове о полку Игореве» – в 67 % (*князю Ростиславу* (СПИ, 67)), а в текстах посланий – в 92 % (*учителя Григория* (ПослКС, 134)).

Кроме контактного расположения древнерусское атрибутивное словосочетание знало и дистантное расположение компонентов. По словам В. З. Санникова,

«разница между древним и современным состоянием заключается, видимо, не в наличии или отсутствии дистантного расположения согласованного определения, а в распространении такого расположения...» [13: 183].

Анализируя полученные данные, мы отмечаем тяготение оторванного определения к положению перед определяемым словом. Морфологическое выражение разрывающего компонента разнообразно: предлог (*Авраама ради възлюбленнаго* (СлКТ, 174)), глагол (*в злыхъ пребываютъ дѣлѣхъ* (СлКТ, 150)), местоимение (*духовна нам красота* (СлКТ, 158)). Но стоит отметить, что вне зависимости от частеречной принадлежности разрывающего элемента, атрибут в большей мере находится в препозиции (в 90 % случаев при разрывающем компоненте, выраженном самостоятельной частью речи, и в 67 % случаев при разрывающем компоненте, представленном служебной частью речи).

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ МНОГОЧЛЕННЫХ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Кроме двучленных атрибутивных словосочетаний, в древнерусском языке встретились и многочленные конструкции. По мнению Р. А. Евстифеевой, трехчленные конструкции являются искусственно созданными и не свойственны древнерусскому языку [4: 191]. В современном русском языке при нейтральном порядке слов в многокомпонентном атрибутивном словосочетании имеется следующее словорасполо-

жение: *указательное или определительное местоимение + притяжательное местоимение + прилагательное + определяемое слово* [8: 71]. По заключению Ф. Р. Минлоса, такое же расположение является «базовым словопорядком» и в древнерусском языке [11: 287]. Во всех анализируемых нами текстах препозитивные многочленные атрибутивные конструкции преобладают над постпозитивными (табл. 5).

Таблица 5

Количественные данные вариантов расположения трехчленных атрибутивных конструкций

Расположение атрибутов	Почения	СПИ	Послания
Препозиция	63 %	85 %	67 %
Постпозиция	11 %	0 %	13 %
Обмыкание	26 %	15 %	20 %

Самой распространенной препозитивной вариацией расположения компонентов в текстах поучений (43 % от общего числа препозитивных конструкций) и в «Слове о полку Игореве» (66 % от общего числа препозитивных конструкций) является сочетание *местоимение + прилагательное + существительное (того старого Владимира* (СПИ, 64), *всѣхъ правовѣрныхъ крестьянъ* (ПФП, 454)). В текстах посланий частотна (43 % от общего числа препозитивных словосочетаний) конструкция *прилагательное + местоимение + существительное (великое твое смотрение* (ПослКС, 140)).

Среди постпозитивных многочленных конструкций в текстах поучений частотна (46 % от общего числа постпозитивных конструкций) комбинация *существительное + существительное (приложение) + прилагательное / местоимение (Феодоса игмена Печерскаго* (СлКТ, 180)), а в текстах посланий (57 % от общего числа постпозитивных конструкций) – *существительное + существительное (приложение) + местоимение (Христу Богу нашему* (ПФП, 168)). Примечательно, что в тексте «Слова о полку Игореве» постпозитивных трехчленных конструкций не встретилось вообще.

Рамочные (обмыкающие) конструкции общей тенденции расположения компонентов не представляют. Так, в текстах поучений частотной композицией, составляющей 31 % от общего числа обрамляющих конструкций, представлено сочетание *местоимение + существительное + местоимение (весь животъ нашъ* (СлИл, 40)). В тексте «Слова о полку Игореве» наиболее распространенным (60 % от общего числа обрамляющих конструкций) оказалось сочетание *прилагательное + существительное + прилагательное (поганья полкы половецкыя* (СПИ, 58)), а в памятниках эпистолярного жанра (45 % от общего числа обрамляющих конструкций) – *прилагательное + существительное + местоимение (единоароднаго сына твоего* (ПФП, 485)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведя анализ атрибутивных конструкций в древнерусских текстах XI–XIII веков, заключаем, что уже в начальный период развития русского языка определяется тенденция к преобладанию препозитивного положения атрибута. Мы выявили, что не только частеречная принадлежность атрибута, но и наличие предлога и одушевленность определяемого им слова оказывают влияние на словорасположение внутри атрибутивной конструкции. Устойчивые словосочетания также испытывают воздействие

вышеуказанных факторов, однако словорасположение внутри данных конструкций зависит, скорее, от лексико-семантического выражения их компонентов. Так, в древнерусских текстах посланий и поучений можно увидеть значительное влияние религиозной лексики и ее почти полное отсутствие в тексте «Слова о полку Игореве», в связи с чем в последнем устойчивые атрибутивные словосочетания с относительным прилагательным демонстрируют абсолютно постпозитивное положение атрибута, а конструкций с притяжательным прилагательным нет вообще.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Тексты цитируются по изданиям: 1. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 118–140. 2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриевой, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 5: XIII век. С. 386–394. 3. Слово о полку Игореве / Реконструкц. древнерус. текста и пер. Д. С. Лихачева. Л.: Сов. писатель, 1990. 339 с. 4. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. С. 49–58. 5. Красноречие Древней Руси (XI–XVII века) / Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов Т. В. Черторицкой. М., 1987. С. 5–30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов: Издание Львовского гос. ун-та, 1949. 389 с.
2. Георгиева В. Л. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Институт языкознания Академии наук СССР, 1952. 22 с.
3. Древнерусская грамматика XII–XIII веков / В. В. Иванов и др. М.: Наука, 1995. 520 с.
4. Евстифеева Р. А. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской I летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 161–204.
5. Жихарева Н. Д. Прилагательные в московских грамотах XV в. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1966. С. 35–41.
6. Ильченко О. А. Семантика грамматики: Оппозиция одушевленности-неодушевленности в синхроническом и диахроническом аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 28 с.
7. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Академия, 2009. 672 с.
8. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Либроком, 2009. 176 с.
9. Лаптева О. А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного // Славянское языкознание. IV Международный съезд славистов. М., 1959. С. 98–112.
10. Минлос Ф. Р. Князь великий или великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Ф. И. Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 209–217.
11. Минлос Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. III. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 279–290.
12. Руднев А. Г. О генезисе обособленных членов предложения как синтаксической категории в русском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1952. 32 с.
13. Санников В. З. Согласованное определение // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. С. 148–186.
14. Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1964. С. 29–40.
15. Уржумова А. А. Особенности употребления членных и нечленных имен с суффиксом -ьн- в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов) // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 101–111.
16. Worth D. Animacy and adjective order: the case of новгородськъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31/32. P. 533–554.

Поступила в редакцию 17.05.2019

Olga S. Kazakovceva, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

THE ORDER OF ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS COMPONENTS IN THE OLD RUSSIAN TEXTS FROM THE PERIOD BETWEEN THE XI AND THE XIII CENTURIES*

This article analyzes the attributive collocations in ten Old Russian texts from the period between the XI and the XIII centuries, including precepts, epistles and *The Tale of Igor's Campaign*. The relevance of the study is due to the insufficient knowledge of many problems of historical syntax associated with the factors influencing the word order in the selected texts from the initial period of the

formation of the Russian language grammatical structure. The purpose of this article is to find the principles of the arrangement of substantive-attributive collocations. With the help of continuous sampling method 2481 attributive constructions were extracted. For the analysis of the collocations we used structural-functional, descriptive-comparative and semantic-stylistic methods, and eventually came to the conclusion that in the Old Russian language attributes were usually placed before the main word both in two-word and multi-word collocations. The location of the attributive phrase components is influenced not only by the attribute's part of speech, but also by the animacy of the defined word, the presence or the absence of a preposition, and the lexical meanings of the components of the attributive series.

Key words: Old Russian language, word order, substantive-attributive collocation, precept, epistle, *The Tale of Igor's Campaign*

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 17-04-00168 "Syntactic dictionary of the XIX century Russian poetry").

Cite this article as: Kazakovceva O. S. The order of attributive collocations components in the Old Russian texts from the period between the XI and the XIII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 88–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.357

REFERENCES

1. Borkovskiy V. I. Syntax of the Old Russian letters (simple sentence). Lviv, 1949. 389 p. (In Russ.)
2. Georgieva V. L. Syntactic functions of adjectives in the Old Russian language: Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Leningrad, 1952. 22 p. (In Russ.)
3. The Old Russian grammar of the XII and the XIII centuries. Moscow, 1995. 520 p. (In Russ.)
4. Yevstifeyeva R. A. The word order in the attributive phrases in the Novgorod First Chronicle. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2008. No 1. P. 161–204. (In Russ.)
5. Zhikhareva N. D. Adjectives in the Moscow letters of the XV century. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu*. Voronezh, 1966. P. 35–41. (In Russ.)
6. Il'chenko O. A. Grammar semantics: "animacy-inanimacy" opposition in synchronic and diachronic aspects: Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Krasnodar, 2004. 28 p. (In Russ.)
7. Kolesov V. V. Historical grammar of the Russian language. Moscow, 2009. 672 p. (In Russ.)
8. Krylova O. A. Communicative syntax of the Russian language. Moscow, 2009. 176 p. (In Russ.)
9. Lapteva O. A. The place of a single adjective in the Old Russian language. *Slavyanskoe yazykoznanie. IV Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov*. Moscow, 1959. P. 98–112. (In Russ.)
10. Minlos F. R. Prince Grand or Grand Prince: variation parameters. *Slova. Kontsepty. Mify. K 60-letiyu F. I. Zhuravleva*. Moscow, 2011. P. 209–217. (In Russ.)
11. Minlos F. R. What attracts possessive pronouns? Or the linear position of attributes. *Voprosy russkogo yazykoznanija: Sbornik. Vyp. III. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee: k 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti Sofii Konstantinovny Pozharitskoy*. Moscow, 2010. P. 279–290. (In Russ.)
12. Rudnev A. G. The genesis of isolated parts of sentences as a syntactic category in the Russian literary language: Diss. Dr. Sci. Abstr. (Philology). Leningrad, 1952. 32 p. (In Russ.)
13. Sannikov V. Z. Agreed definition. *Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentence*. Moscow, 1978. P. 148–186. (In Russ.)
14. Tvorogov O. V. Problems of studying the stable literary formulas of ancient Russia. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 20: Aktual'nye zadachi izucheniya russkoy literatury XI–XVII vekov*. Moscow, Leningrad, 1964. P. 29–40. (In Russ.)
15. Urzhumova A. A. Peculiarities of using brief and full names with -ън- suffix in the Old Russian language (on the basis of annalistic and gospel texts). *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2013. No 1 (25). P. 101–111. (In Russ.)
16. Worth D. Animacy and adjective order: the case of новгородскѣ. An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985. Vol. 31/32. P. 533–554.

Received: 17 May, 2019

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ РОЗОВ

аспирант кафедры арабской филологии Восточного факультета, лаборант-исследователь Научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vladirozov@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РИФМЫ КОРАНА*

Описываются и сравниваются два подхода к изучению рифмы Корана. Во-первых, это широко распространенный в арабистике подход, многое заимствовавший из традиционной арабской филологии. В рамках этого подхода рифма Корана рассматривается как повторение конечных согласных фонем в финальных словах аятов. Второй подход предполагает учет особенностей морфологии арабского языка, в частности и применение современных литературоведческих и лингвистических понятий к исследованию рифмы Корана. В этом случае основным компонентом коранической рифмы становится ассонанс, вызванный единством морфологических словообразовательных и словоизменительных моделей рифмующихся слов. Автором приводятся примеры, указывающие на лучшую способность второго подхода объяснить рифму аятов Корана, в том числе в случаях, при которых традиционный подход оказывается малоэффективен, при этом в качестве материала для сравнения привлекаются суры раннего мекканского периода. Сравнение двух этих подходов указывает на важность учета особенностей морфологии арабского языка при изучении художественного стиля Корана и других памятников арабской словесности, содержащих рифмованную прозу (садж).

Ключевые слова: Коран, рифма, ассонанс, морфология, арабский язык

Для цитирования: Розов В. А. Традиционный и морфологически ориентированный подходы к изучению рифмы Корана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.358

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы стилистики и особенностей языка Корана неоднократно становились объектом пристального внимания со стороны как средневековых арабских ученых, так и современных западных востоковедов. Литература, посвященная тем или иным особенностям языка Корана, его композиции, риторическим фигурам и приемам, крайне обширна. При этом исследования Корана именно в качестве литературного памятника проводятся пока в недостаточном объеме [13: 221]. Это в полной мере касается изучения рифмы и ритмической структуры коранического текста. В литературе, имеющейся в распоряжении исследователя в настоящий момент, наиболее полно вопросы рифмы и ритма в Коране исследованы в труде Д. Дж. Стюарта «Садж в Коране: просодия и структура» [10]. В этой значительной по объему статье затрагиваются самые разнообразные аспекты, а в приложении к ней приводятся результаты подсчета доли рифмующихся аятов по сурам и список самых часто встречающихся рифм. Отличительной чертой статьи является постоянное обращение к средневековой арабско-мусульманской филологической традиции.

Этот вышедший без малого тридцать лет назад труд, однако, не лишен некоторых спорных моментов, которые, впрочем, являются продолжением достоинств избранного автором подхода,

то есть опоры на традиционную арабскую филологическую традицию. В первую очередь речь идет об определении понятия «рифма» применительно к арабскому языку Корана. Д. Дж. Стюарт, вслед за арабскими теоретиками стихосложения, рассматривает в качестве основы рифмы согласную фонему (*ḥarf* мн. *ḥurūf* в терминах арабской лингвистической традиции), на которую заканчивается слово, а также предшествующий ей гласный (как долгий, так и краткий). Тем не менее он специально оговаривает то, что в рамках европейской поэтики рифма Корана осмыслялась бы скорее в терминах слога, а не звука / буквы (*ḥarf*) [10: 109–111]. (Арабская лингвистическая традиция смешивает произношение и написание; в силу этого термин *ḥarf* может означать как звук, так и букву, а также имеет еще ряд значений.) При таком взгляде на рифму, согласно подсчетам Д. Дж. Стюарта, в Коране рифмуется 89,5 % аятов, при этом 33 суры рифмуются полностью, а 2 суры (106 «Курайш» и 111 «Пальмовые волокна») вообще лишены рифмы [10: 108].

Разумеется, при исследовании такого памятника арабской словесности, как Коран, неизбежно обращение к арабской филологической традиции, а также взгляд на особенности рифмы Корана через призму более знакомых западному исследователю традиций. Однако постоянное обращение к ставшим классическими интерпретациям

в рамках упомянутых выше традиций может вывести из поля зрения исследователя значимые факты, находящиеся как бы в тени привычных описаний. Это тем более справедливо в силу того, что

«рифма – явление историческое, изменчивое, поэтому в разные времена содержание этого понятия в известных пределах менялось» [5: 86],

что не могло не сказаться и на используемых для ее описания инструментах. В силу этого представляется оправданным поиск иного подхода к изучению особенностей поэтики Корана, причем наиболее адекватным был бы такой, в рамках которого рифма и ритм Корана были бы описаны в универсальных литературоведческих и лингвистических терминах. Привлечение лингвистических данных в подобном исследовании неизбежно, поскольку

«существо поэтической техники состоит в периодических возвратах, и это проявляется на каждом уровне языка. Фонемы и последовательности фонем, морфологические, лексические, синтаксические и фразеологические единицы, оказываясь в метрически или строфически аналогичных позициях, неизбежно ставят в нашем сознании или подсознании вопросы, а именно: являются ли взаимоподобными, в каких отношениях и в какой степени, эти сущности, находящиеся в аналогичных позициях» [5: 99].

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РИФМЫ КОРАНА

Подход к изучению рифмы Корана должен учитывать своеобразие морфологической системы арабского языка, отличительной особенностью которого является «разрывное» строение консонантного корня. Аффиксы, как словообразовательные, так и словоизменительные, как бы «вклиниваются» между согласными арабского корня, несущими лексическое значение, а также могут располагаться по обеим сторонам от них. Можно с некоторой долей упрощения сказать, что существует ограниченный набор словообразовательных моделей, который дает носителям арабского языка как бы «матрицу» форм, в «пустые места» которых необходимо подставить те или иные корневые согласные подходящего корня, чтобы получить нужное значение. Неизменная морфологическая модель словообразовательных аффиксов дискретна, как и корень, между согласными которого располагаются ее элементы. Такое строение арабской морфологической системы подталкивает к рассмотрению рифмы не через призму финальных слогов и отдельных звуков на конце рифмующихся слов, а через призму повторяющихся от аята к аяту дискретных сочетаний гласных и согласных звуков. Решению этой задачи в немалой степени может способствовать обращение к наследию русского формализма, ставшего предтечей и фундаментом структурного подхода в литературове-

дении. В первую очередь необходимо обратиться к определению рифмы, возникшему в рамках формальной школы и сформулированному В. М. Жирмунским: рифма – это «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» [1: 246]. Заключительное слово этого определения ни в коей мере не должно вводить исследователя в заблуждение относительно возможности применить его к Корану. Использование инструментов из инвентаря поэтики для его описания представляется оправданным, поскольку характерная для ранних мекканских сур рифмованная проза (*sadj'*, садж) может рассматриваться в качестве архаической формы арабского стиха [2: 71–72]. Садж наделен рифмой и ритмом, организующими его в строки, и противопоставлен собственно прозе (*nat'r mantūr*). Суры более позднего периода, а именно – позднемекканские и мединские, «уже вряд ли кто-то мог бы назвать саджем... ибо они представляют собой раннюю прозу, все менее и менее ритмизированную» [3: 332].

Главное достоинство приведенного выше определения рифмы состоит в его универсальности. Оно не включает исследователя в рамки какой-либо частной поэтической традиции и не вменяет ему обязанность считать ключевыми для изучения рифмы какие-либо одни языковые единицы (будь то фонемы, гласные или согласные, слоги или же целые слова), пренебрегая при этом другими. Это дает «возможность изучения рифмы со смысловой (семантической) точки зрения», что касается и «вопроса о тех морфологических категориях (корень, суффикс, флексия), которые участвуют в образовании созвучия» [1: 254]. Более того, характерное для других подходов имплицитное представление о том, что образующий рифму звуковой повтор обязательно должен представлять собой неразрывное сочетание звуков, также не является обязательным в рамках этого определения. Это позволяет считать элементами рифмы дискретно расположенные гласные звуки, в том числе образующие словообразовательную модель или являющиеся ее частью. Этот подход перекликается с подходом Р. Белла, еще в середине прошлого века писавшего: «...структура арабского языка способствует созданию такого рода ассонанса» [8: 68]. Под ассонансом здесь понимается рифма, построенная на повторении гласных в рифмующихся словах. Это могут быть как отдельные гласные, повторяющиеся от одного рифмующегося слова к другому (например, в суре 38), так и целые группы дискретно расположенных звуков. Такой ассонанс часто является следствием общности грамматических моделей, по которым образованы финальные слова аятов, а его сознательное использование в художественных целях не вызывает сомнений [8: 69].

Арабские филологи также обращали внимание на важность общности морфологических моделей (*wazn*) для создания рифмы в садже Корана. Садж, в котором финальные слова оканчивались

на один и тот же согласный и были построены по одной и той же морфологической модели (*sadj' mutawāzī*), считался более красивым и правильным, чем тот, в котором их морфологические модели не совпадали. Такой садж назывался «кривобоком» (*sadj' mutarraḥ*) [11]. При этом, однако, арабские филологи не связывали эту общность с рифмой, поскольку осмысливали последнюю как сходство финальных согласных. Однако в свете приведенного выше определения рифмы, а также наблюдения Р. Белла относительно ассонансного характера рифмы в Коране звуковые повторы, возникающие за счет единства морфологических моделей, было бы правильно отнести именно к области рифмы.

Таким образом, при изучении рифмы Корана возможно следование двум подходам. В рамках первого из них (его условно можно назвать традиционным) основным образующим рифму элементом считается созвучие финальных согласных аятов и предшествующих им гласных. Второй способ рассматривать кораническую рифму подразумевает концентрацию внимания на звуковых повторах, образованных сходством морфологических моделей рифмующихся слов. Часто такого рода звуковые повторы обусловлены одной и той же схемой расположения гласных звуков в финальных словах аятов, и в этом случае можно говорить об ассонансной рифме. Такой подход к рассмотрению рифмы Корана можно условно назвать морфологически ориентированным. В чем же его преимущества перед традиционным подходом? Для ответа на этот вопрос необходимо продемонстрировать такие примеры коранической рифмы, для которых объяснение их природы с помощью морфологически ориентированного подхода выглядит более убедительным или же единственно возможным.

ПРИМЕРЫ КОРАНИЧЕСКОЙ РИФМЫ В СВЕТЕ СРАВНЕНИЯ ПОДХОДОВ

Сура 86 «Идущий ночью»

Рассмотрим начало суры 86 «Идущий ночью» (непроизносимые в паузальной позиции краткие гласные опущены; за исключением некоторых внесенных автором изменений использован перевод И. Ю. Крачковского):

- (1) wa-s-samā' i wa-t-tāriq
- (2) wa-mā 'adrāka mā t-tāriq
- (3) an-nadjmu t-tāqib
- (4) 'inna kullu nafsin lammā 'alayhā ḥāfiz
- (5) fa-l-yanzuri l-'insānu mimma ḥuliq
- (6) ḥuliqa min mā'in dāfiq
- (7) yaḥrudju min bayni š-ṣulbi wa-t-tarā'ib
- (8) 'innahu 'alā radj'ihī la-qādir
- (9) yawma tublā s-sarā'ir

- (1) Клянусь небом и идущим ночью!
- (2) А что даст тебе знать, что такое идущий ночью?
- (3) Звезда пронизывающая.
- (4) Поистине, над всякой душой есть хранитель.
- (5) Пусть же посмотрит человек, из чего он создан!

- (6) Создан из воды изливающейся.
- (7) Выходит она из хребта и грудных костей.
- (8) Поистине, Он в силах вернуть его снова,
- (9) в тот день, как будут испытуеты души¹.

Если рассматривать приведенный выше фрагмент с позиции традиционного подхода к коранической рифме, то есть считая основой рифмы конечные согласные, то невозможно не заметить то, что «рифма, как это иногда бывает в садже, неточная» [4: 503]. В частности, это справедливо относительно аятов (2–3): *tāriq – tāqib*. При этом аят (4) (оканчивающийся на *ḥāfiz*) «в отношении рифмы примыкает» к аятам (1–3), а фрагмент суры, состоящий из аятов (5–7), «единой рифмы по сути дела не имеет, хотя и производит впечатление откровения, данного сразу, а не по частям» [4: 503]. Нельзя не согласиться с тем, что рифму на *q – b – z* в аятах (1–4) следует признать довольно вольной: в качестве общего свойства этих фонем может выступать только характер артикуляции. Однако как будет выглядеть рифма в этом фрагменте суры, если, не фокусируя внимания на характере конечных согласных, попробовать найти в нем «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию»? Бросается в глаза то, что первые четыре аята суры заканчиваются на слово, образованное по модели причастия действительного залога от глагола I породы (словообразовательной модели), форму которой можно представить следующим образом: *CāCiC*, где *C* – согласные фонемы, в данном случае – дискретного трехчленного корня. И именно гласные элементы этой морфологической модели образуют ассонанс *ā–i* (*tāriq – tāqib – ḥāfiz*), объединяющий рассматриваемый фрагмент. При этом роль довольно разнородных согласных, на которые оканчиваются слова, как бы отходит на второй план.

Теперь приступим к рассмотрению рифмы аятов (5–7). Финальное слово аята (5) *ḥuliq* рифмуется с последним словом следующего аята *dāfiq*, при этом окончание следующего аята, как кажется на первый взгляд, не имеет ничего общего с предыдущими. Это слово *tarā'ib*, являющееся формой так называемого ломаного или неправильного множественного числа от существительного *tarība* («грудная кость»). Мусульманская традиция знает и ряд иных толкований этого слова [4: 514–515], однако в рамках настоящей статьи гораздо больше интереса вызывает формальная сторона этой лексемы, в частности модель ее формы множественного числа, относящейся к числу довольно часто встречающихся в арабском языке. Эта модель образована по схеме *CaCāCiC*, при этом ее финальная часть (подчеркнута) повторяет упомянутую выше модель причастия действительного залога от глагола I породы, что позволяет объединить концовки (6) и (7) аятов уже знакомым ассонансом *ā–i* (*dāfiq – tarā'ib*), невзирая на отсутствие сходства конечных согласных. Рифма следующих двух аятов,

бесспорно, включает в себя общий компонент *-ir*, однако стоит пристальнее присмотреться к их грамматическим формам. Финальное слово аята (8) *qādir* относится к числу причастий действительного залога от глагола I породы и образовано по соответствующей модели, в то время как следующий аят завершается словом *sarā'ir*, формой множественного числа, образованного по модели *CaCāCiC*. Таким образом, помимо согласного окончания, эти два слова также объединены звуковым повтором *ā-i* (*qādir* – *sarā'ir*).

Итак, рассмотрим весь взятый в качестве примера фрагмент суры целиком. Если, руководствуясь традиционными воззрениями на характер коранической рифмы, видеть ее в повторении финальных согласных и предшествующих им гласных слов, то вряд ли можно считать аяты (86: 1–9) образцом точной рифмы. Список рифм выглядит следующим образом: (1) *-iq*; (2) *-iq*; (3) *-ib*; (4) *-iz*; (5) *-iq*; (6) *-iq*; (7) *-ib*; (8) *-ir*; (9) *-ir*. Тем не менее все финальные слова этого фрагмента (за исключением аята (5)) объединены ассонансом *ā-i*. Вероятно, было бы более логичным считать фундаментом рифмы в анализируемом кораническом фрагменте именно его, в то время как сходство конечных согласных фонем служит дополнительным инструментом, еще больше скрепляющим образованное повторяющимися гласными единство. Этот же звуковой повтор создает повторяющийся ритмический контур рассматриваемого фрагмента. Более того, обращает на себя внимание то, что он образован при помощи довольно скромного набора морфологических средств: в шести аятах из девяти финальное слово – причастие действительного залога от глагола I породы, образованное по модели *CāCiC*. Из оставшихся трех слов два (в (7) и (9) аятах) также перекликаются между собой, поскольку оба являются формами множественного числа имени существительного и образованы по модели *CaCāCiC*.

Сура 110 «Помощь»

Важно отметить, что с помощью морфологически ориентированного подхода можно лучше объяснить природу рифмы в Коране и, в частности, дать объяснение тем фрагментам коранического текста, рифма которых оказалась неочевидной для вооруженных традиционным подходом исследователей. Так, например, Д. Дж. Стюарт упоминает две суры Корана, 106 «Курайшиты» и 110 «Помощь», не имеющие, с его точки зрения, вообще никакой рифмы [10: 108]. Рассмотрим вторую из перечисленных сур, одну из самых коротких в Коране – она состоит из всего лишь трех аятов (окончания винительного падежа неопределенного состояния *-an* здесь и далее приведены на концах аятов в соответствии с правилами чтения в паузальной форме как *-ā* [9: 697]):

- (1) 'id ā djā'a naṣru l-lāhi wa-l-faḥ
- (2) wa-ra'ayta n-nāsa yadhū ulūna fī d-dīni 'afwādja

(3) fa-sabbih bi-ḥamdi rabbika wa-stagfirhu 'innahu kāna tawwābā

- (1) Когда пришла помощь Аллаха и победа,
- (2) и ты увидел, как люди входят в религию Аллаха толпами,
- (3) то восслав хвалой Господа своего и проси у Него прощения! Поистине, Он – обращающийся!²

Первый аят этой суры, клятвенный зачин, характерный для мекканских сур, выпадает из общей картины рифмы. Следующие же за ним два аята оканчиваются на слова *'afwādja* и *tawwābā*, которые принадлежат к разным грамматическим формам (так называемое имя деятеля в первом случае и иррегулярная форма мн. ч. имени существительного – во втором). Однако они построены по одной модели *CaCCāC-ā*, заключительный фрагмент которой (*-ā*) возникает за счет того, что оба слова использованы в форме винительного падежа неопределенного состояния. Оба корня, от которых образованы эти имена (*f-w-j* и *t-w-b*), относятся к типу корней, за которыми в арабистике закрепилось название «пустых». Второй корневой согласный у них один и тот же и относится к типу так называемых слабых согласных или полугласных (*w* и *y*), что создает дополнительное созвучие. Звуковой повтор, образующий рифму, в этом случае выглядит следующим образом: *a-wā-ā*: *'afwādja* – *tawwābā*.

Сура 106 «Курайшиты»

Сура 106 «Курайшиты» сложнее для анализа. В ней четыре аята:

- (1) li-'ilāfi qurayš
- (2) 'ilāfihim riḥlata š-šitā'i wa-ṣ-ṣayf
- (3) fa-l-ya'budū rabba l-bayt
- (4) 'alladī 'aṭ'amahum min djaw'in wa-'āmanahum min ḥawf

- (1) За союз курайшитов,
- (2) союз их в путешествии зимой и летом...
- (3) Пусть же они поклоняются Господу этого дома,
- (4) который накормил их от голода и обезопасил от страха³.

Аяты (1–3) рифмуются благодаря наличию в их заключительных словах компонента *-au-* (в арабистике за таким сочетанием закрепился термин «дифтонг»): *qurayš* – *ṣayf* – *bayt*. Этот тип рифмы И. Ю. Крачковский в комментариях к переводу Корана охарактеризовал как «созвучие», отметив, что после аята (3), заканчивающегося на слово *bayt*, рифма прерывается⁴. Однако заключительный аят суры выбивается из общего ряда не только тем, что на нем прерывается рифма, но и своим размером – он заметно длиннее остальных аятов. В нем можно выделить два фрагмента, в построении которых явно виден характерный синтаксический параллелизм: *'alladī 'aṭ'amahum min djaw'in / wa-'āmanahum min ḥawf*, причем каждый из них заканчивается на слово, содержащее компонент *-aw-*, что также создает рифму. Все это позволяет с определенной степенью осторожности предположить, что эти два фрагмента изначально могли рассматриваться в качестве

отдельных аятов. Эти аяты были объединены, во-первых, характерным для мекканских сур синтаксическим параллелизмом и, во-вторых, общей рифмой на *-aw-*. Даже если подвергнуть это утверждение сомнению, нельзя не согласиться с тем, что заключительные слова аятов суры объединены не только рифмой *-ay-* / *-aw-*, но и общностью модели *CaWC* / *CaYC*. Эта общность достигается за счет того, что все конечные слова аятов образованы от уже упомянутого выше типа «пустых» корней, причем с чередованием *-ay-* / *-aw-* как бы соотносится другое чередование *-ī-* / *-ū-*, которое, как было отмечено выше, в рамках традиционного арабского подхода к рифме считалось допустимой поэтической вольностью. Таким образом, если рассмотреть суру 106 «Курайш» с точки зрения морфологически ориентированного подхода, то окажется, что она объединена рифмой, незаметной для исследователя, скованного рамками традиционного подхода.

Сура 79 «Вырывающие»

Рассмотрим также начальный фрагмент суры 79 «Вырывающие». Зачин суры – «серия клятв, имеющих свою рифму (ритмико-просодическую без наличия единого опорного согласного)» [4: 98]:

- (1) wa-n-nāzi'āti garqā
- (2) wa-n-nāṣiṭāti naṣṭā
- (3) wa-s-sābiḥāti sabḥā
- (4) fa-s-sābiqāti sabqā
- (5) fa-l-mudabbirāti 'amrā

- (1) Клянусь вырывающими с силой,
- (2) извлекающими стремительно,
- (3) плавающими плавно,
- (4) опережающими быстро
- (5) и распространяющими решительное дело!⁵

Что же служит источником «ритмико-просодической рифмы»? Очевидно, это последовательный повтор гласных *-a-ā*, который стал возможным благодаря тому, что все заключительные слова аятов построены по схеме *CaCC*. Кроме того, они использованы в форме винительного падежа неопределенного состояния, маркером которого является конечная флексия *-an*, в паузальной позиции произносимая как *-ā*. Все вместе это дает схему *CaCC-ā*, состоящую из двух элементов, один из которых зависит от словообразовательной модели использованных слов, а второй – от словоизменительной (падежная флексия). Именно за счет общности морфологической модели и, как следствие, повтора гласных строится рифма клятвенного зачина суры, лишенная каких-либо сходных по произнесению согласных.

В следующем смысловом фрагменте суры (аяты (6–14)) заключительные слова рифмуются с помощью повторения финальных согласных: *rādjifa – rādifa – wādjifa – ḥāṣi'a – ḥāfira – nah'ira – ḥāsira – wāhida – sāhira*. Как отмечает Д. В. Фролов, они, в отличие от рифмующихся слов зачина суры,

«образованы совсем по другой модели – *fā'ila*... Однако эта вторая часть делится далее на фрагменты: (6–9), где доминанта – опорный согласный *f*, и (10–14), где доминанта – опорный гласный *r*... При этом в обоих фрагментах рифмующееся слово выпадает, не имея этого опорного согласного» [4: 98].

Бесспорно, сходство конечных согласных задает рифму рассмотренного фрагмента. Однако схема рифмующихся слов (*CaCiCa* или, согласно принятой в арабистике практике описания моделей слов, *fā'ila*), дает дополнительный звуковой повтор *ā-i-a*, объединяющий аяты (6–14), то есть обе перечисленные выше группы аятов. Исключением является только аят (11), оканчивающийся на *nah'ira*, однако известен ряд традиций чтения Корана, в которых первый гласный этого слова произносится долго. Единство схемы рифмующихся слов обуславливается единством их морфологической характеристики: все они образованы по форме активного причастия от глагола I породы (словообразовательной модели) в форме женского рода [4: 98]. Таким образом, в приведенном фрагменте, помимо рифмы на конечные согласные, можно выделить и ассонансную рифму, объединяющую весь фрагмент и вызванную единством морфологической модели рифмующихся слов.

Сура 88 «Покрывающее»

В качестве заключительного примера чрезвычайно значимой роли, которую играет единство морфологических моделей в создании рифмы Корана, обратимся к описанию райских кущ, приведенному в аятах (13–16) суры 88 «Покрывающее»:

- (13) fīhā sururun marfū'a
- (14) wa 'akwābun mawḏū'a
- (15) wa namāriqu maṣfūfa
- (16) wa zarābiyu mabṭū'a

- (13) там седалища воздвигнуты,
- (14) и чаши поставлены,
- (15) и подушки разложены,
- (16) и ковры разостланы⁶.

Финальные слова каждого из этих аятов построены по одной и той же модели страдательного причастия *maCCūC*. Обращает на себя внимание, что, за исключением первых двух аятов, созвучие образовано не рифмующимися согласными на конце слов, а повторением одной и той же звуковой схемы, обусловленной единством морфологической модели. В дополнение к этому, в последней паре аятов схожим и функционально тождественным (модель множественного числа) схемам *CaCaCiC* и *CaCāCiC* также следуют и начальные слова.

Сура 78 «Весть»

Необходимо, однако, отметить, что важность единства морфологических моделей в создании коранической рифмы ни в коем случае не позволяет пренебречь рифмой на конечный согласный или долгий гласный звук, находящейся в фокусе внимания традиционного подхода. Приведенные

выше примеры подчеркивали важность морфологически обусловленного ассонанса при слабости иных способов создать необходимое созвучие финальных слов аятов. Тем не менее часто ассонансная и концевая рифмы используются параллельно, дополняя и усиливая друг друга. К тому же концевая рифма может быть обусловлена единством морфологических показателей, в том числе словоизменительных. Ярким примером этого утверждения служит сура 78 «Весть», все аяты которой, за исключением зачина (1–5), представляют собой монорим, объединенный повтором *-ā-ā*, где вторая долгая фонема *-ā* является показателем винительного падежа в неопределенном состоянии. При этом единство морфологической словообразовательной модели не является ключевым фактором создания рифмы, несмотря на то что отдельные пары слов, входящих в этот монорим, могут характеризоваться единством морфологических моделей. Например, в аятах (18–19) (*'afwādjā* – *'abwābā*) ассонанс, объединяющий рифмующиеся слова, вызван, помимо единства падежных окончаний, сходством модели множественного числа имени *'aCCāC*. При этом финальные слова предшествующего (17) и последующего (20) аятов (*mīqātā* и *sarābā* соответственно), рифмуясь друг с другом на *-ā-ā*, принадлежат разным словообразовательным моделям.

Какова удельная доля аятов в этой суре, объединенных единством словообразовательных моделей? Как уже было сказано, за исключением зачина (аяты (1–5)), 35 аятов суры объединены единой рифмой на *-ā-ā*, в которой второй компонент обусловлен единством падежной формы. При этом первый компонент рифмы во многом обусловлен единством словообразовательных моделей. Из 35 оставшихся аятов суры в девяти случаях заключительные слова объединены уже упоминавшейся ранее общей формой множественного числа *'aCCāC*. Четыре финальных слова построены по модели имени места и времени действия *maCāC*, еще два слова следуют моделям так называемого имени орудия (отглагольного имени, обозначающего то, с помощью чего совершается называемое глаголом действие) *mīCCāC*

и *mīCāC*. Наконец, в пяти случаях финальное слово является именем действия (масдаром) III глагольной породы (словообразовательной модели) и следует схеме *CiCāC*. Таким образом, в половине аятов суры финальные слова дополнительно объединены сходством словообразовательных моделей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, при рассмотрении особенностей рифмы Корана необходимо учитывать два компонента, ее образующих. Эти два компонента оказываются в фокусе двух различных подходов к изучению коранической рифмы. Во-первых, существует укоренившийся взгляд, согласно которому созвучие финальных согласных и предшествующих им гласных звуков и есть существо коранической рифмы. Такого взгляда придерживались средневековые арабские филологи, активно используется он и сейчас. Второй подход, условно названный в статье морфологически ориентированным, предполагает рассмотрение дискретных звуковых повторов (часто ассонансных), возникающих на концах аятов из-за сходства морфологических моделей их заключительных слов. Морфологически ориентированный подход позволяет выявить природу скрепляющего аяты звукового повтора в тех случаях, когда традиционный подход оказывается бессильным объяснить рифму Корана. Тем не менее плодотворным видится не противопоставление, а синтез этих двух подходов, который позволит максимально адекватно описать рифму Корана, используя универсальные термины. Такой синтез позволит учесть все составляющие коранической рифмы, редко сводящейся к какой-либо одной модели, будь то ассонансная рифма, вызванная единством словообразовательных морфологических моделей или же более привычная европейскому исследователю концевая рифма. При этом словоизменительные морфемы также играют большую роль в создании концевой рифмы, что обуславливает необходимость учета особенностей арабской морфологии при изучении рифмы Корана в рамках любого из подходов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00849.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 496.
- ² Там же. С. 510.
- ³ Там же. С. 508.
- ⁴ Там же. С. 653.
- ⁵ Там же. С. 487.
- ⁶ Там же. С. 497.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1975. 664 с.
2. Фролов Д. В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 359 с.

3. Фролов Д. В. Арабская филология: грамматика, стихосложение, корановедение: Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.
4. Фролов Д. В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 1. Суры 78–87. М.: Восточная книга, 2011. 592 с.
5. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: русское стихосложение: Учеб. пособие для студ. филол. факультетов вузов. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
6. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
7. Baqillani Abi Bakr Muhammad b. al-Tayyib. Idjaz al-Quran. Cairo: Dar al-Maarif bi Misr, 1997. 549 p.
8. Bell R. Introduction to the Quran. Edinburgh University Press, 1953. 190 p.
9. Putten van M. The Feminine Ending -at as a Diptote in the Qur'anic Consonantal Text and Its Implications for Proto-Arabic and Proto-Semitic // *Arabica*. 2017. No 64. P. 695–705.
10. Stewart D. J. Saj' in the "Qur'ān": Prosody and Structure // *Journal of Arabic Literature*. 1990. Vol. 21. No 2. P. 101–139.
11. Stewart D. J. Rhymed Prose. Encyclopaedia of the Quran, General Editor: Jane Dammen McAuliffe, Georgetown University, Washington DC. Available at: http://proxy.library.spbu.ru:2141/10.1163/1875-3922_q3_EQSIM_00359 (accessed 01.10.2018).
12. Tahanawi Muhammad Ali. Kaṣṣaf Istilahat al-Funun wa al-Ulum. Beirut: Maktabat Lubnan, 1996. 2134 p.
13. Toorawa Sh. M. Hapless Hapaxes and Luckless Rhymes: the Quran as Literature // *Religion & Literature*. 2009. Vol. 41. No 2. P. 221–227.

Поступила в редакцию 29.10.2018

Vladimir A. Rozov, Postgraduate Student, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

TRADITIONAL AND MORPHOLOGY-ORIENTED APPROACHES TOWARD THE QURANIC RHYME*

The article describes and compares two approaches toward the study of rhymes in the Quran. The first approach borrows a lot from traditional Arabic philology and is widespread in Arabic studies. This approach considers the Quranic rhyme the repetition of final consonant phonemes in final words of the verses (ayat). The second approach implies taking into account the features of the Arabic language morphology, as well as the application of modern literary and linguistic concepts. In this case, assonance caused by the unity of morphological derivational and inflectional models of rhyming words is to be considered the main component of the Quranic rhyme. The author indicates that the second approach is more capable of explaining the rhymes of the Quranic verses, especially in cases where the traditional approach is ineffective. Surahs of the early Meccan period are used as the material for the comparison which points to the importance of taking into account the features of the Arabic language morphology when studying the artistic style of the Quran and other Arabic texts written in rhymed prose (saj').

Key words: Quran, rhyme, assonance, morphology, Arabic language

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project 18-012-00849.

Cite this article as: Rozov V. A. Traditional and morphology-oriented approaches toward the Quranic rhyme. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.358

REFERENCES

1. Zhirmunsky V. M. Theoretical poetics. Leningrad, 1975. 664 p. (In Russ.)
2. Frolov D. V. Classical Arabic verse. History and theory of 'Arud. Moscow, 1991. 359 p. (In Russ.)
3. Frolov D. V. Arabic philology: grammar, metrics, Quranic studies. Moscow, 2006. 440 p. (In Russ.)
4. Frolov D. V. Commentary of the Quran. The 30th Juz'. Vol. 1. Surahs 78–87. Moscow, 2011. 592 p. (In Russ.)
5. Holshevnikov V. E. Basics of poetry: Russian versification. St. Petersburg, Moscow, 2004. 208 p. (In Russ.)
6. Jakobson R. O. Studies of poetics: Translations. (M. L. Gasparov, Ed.). Moscow, 1987. 464 p. (In Russ.)
7. Baqillani Abi Bakr Muhammad b. al-Tayyib. Idjaz al-Quran. Cairo, 1997. 549 p.
8. Bell R. Introduction to the Quran. Edinburgh University Press, 1953. 190 p.
9. Putten, van M. The Feminine Ending -at as a Diptote in the Qur'anic Consonantal Text and Its Implications for Proto-Arabic and Proto-Semitic. *Arabica*. 2017. No 64. P. 695–705.
10. Stewart D. J. Saj' in the "Qur'ān": Prosody and Structure. *Journal of Arabic Literature*. 1990. Vol. 21. No 2. P. 101–139.
11. Stewart D. J. Rhymed Prose. Encyclopaedia of the Quran, General Editor: Jane Dammen McAuliffe, Georgetown University, Washington DC. Available at: http://proxy.library.spbu.ru:2141/10.1163/1875-3922_q3_EQSIM_00359 (accessed 01.10.2018).
12. Tahanawi Muhammad Ali. Kaṣṣaf Istilahat al-Funun wa al-Ulum. Beirut, 1996. 2134 p.
13. Toorawa Sh. M. Hapless Hapaxes and Luckless Rhymes: the Quran as Literature. *Religion & Literature*. 2009. Vol. 41. No 2. P. 221–227.

Received: 29 October, 2018

О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ДЕТСКИХ ПОЭТАХ И ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

От редакции. Петрозаводск долгое время был одним из известных центров преподавания и изучения детской литературы: в университете и пединституте читались общие курсы лекций и спецкурсы, выполнялись курсовые и дипломные работы, была аспирантура, защищались кандидатские диссертации, выходили книги, издавался межвузовский сборник научных работ «Проблемы детской литературы и фольклор». К сожалению, большая часть названного ушла в прошлое, оказавшись в русле тех процессов, что происходят сегодня в филологическом образовании. Именно поэтому с большим удовлетворением и радостью была воспринята нами книга М. Яснова «Путешествие в чудетство» (СПб., 2014. 360 с.) – органичный сплав теории и практики детской литературы и детского чтения. В последние два десятилетия заслуживающих внимания книг о детской литературе по существу не было. Периодом расцвета русской детской поэзии и постижения ее, как в целом и детской литературы, были 60–70-е годы прошлого века, когда появилась неординарная книга И. Лупановой «Полвека», книги Б. Сарнова («Страна нашего детства», его же о С. Маршаке, Л. Пантелееве), С. Рассадина («Так начинают жить стихом»), Б. Бегака («Дети смеются»), блистательные книги о К. Чуковском и «Книги нашего детства» М. Петровского. И вот теперь новая книга М. Яснова, вобравшая в себя собственный поэтический опыт (несколько десятков книг), опыт переводчика, критика, литературоведа, редактора. Превосходный знаток сегодняшнего положения дел в детской литературе, он заинтересованно и неукоснительно пропагандирует творчество своих собратьев по перу, что само по себе чрезвычайно редко. И лучшее свидетельство тому – составленный им сборник детской классики первой половины XX века «Лучшие стихи для детей» (СПб., 2005. 672 с.) и два раздела «Путешествия в чудетство»: «Из ближнего круга» – о тех, кто представляет детскую поэзию последние полтора десятилетия, и «Из книг» – о тридцати поэтических событиях, явленных то малоизвестным автором и, что особенно важно, из провинции, то талантливой книгой одного автора. Все это свидетельствует о профессиональном знании и позволяет говорить о том, что есть детская поэзия, об особенностях детского восприятия, о сегодняшнем состоянии и проблемах детской литературы.

Мы благодарим за участие в разговоре о детской литературе, детских поэтах и детском чтении доктора филологических наук Софью Михайловну Лойтер и поэта Михаила Давидовича Яснова. Вопросы задавала кандидат филологических наук Надежда Вилениновна Ровенко.

При том многообразии и разнообразии, что мы видим на книжных полках, есть ли сейчас настоящая детская поэзия, если существует такое понятие? Как сориентироваться? Или это не имеет значения, ребенок же не обладает художественным вкусом или обладает?

Детская поэзия, безусловно, существует – и многообразие на книжных полках тому свидетельство. Вспоминаю четверостишие замечательного петербургского поэта Вячеслава Лейкина, детского и взрослого:

Кричала мама: «Что за безобразие!
Сплошные тройки! Где разнообразие?»
Когда же я принес разнообразие,
Она опять кричала: «Безобразие!»

Разнообразие – вещь хорошая, и то, что у нас сейчас издается море разлитое детской литературы, свидетельствует в пользу того, что она воспринята общей культурой как ее неразрывная часть. Кому только не приписываемая фраза о том, что для детей надо писать, как для взрослых, только лучше, мне кажется несколько уничижительной для детского писателя: это такое похлопывание сверху – мол, и ты можешь, если

захочешь. В последние годы к детской литературе обратились чуть ли не все издатели нашей страны, детская книга стала «паровозом», который вытягивает издательский товарняк и ставит его на нужные рельсы. Детскую литературу знают, любят, она объединяет поколения, она с нашего младенчества объясняет нам, кто мы такие, она куда более устремлена в будущее, нежели писание для взрослых, она претендует на главную роль в нашем семейном воспитании, а ведь это все качества, присущие национальной идее, способной объединить всех от мала до велика. Это детская литература и, в частности, детская поэзия. На одних и тех же произведениях воспитывались все, кто сегодня представляет нашу страну в политике и промышленности, бизнесе и культуре. Неспроста же именно детской литературе оказалось по силам пробуждать объединяющие всех чувства – любви, гордости, сострадания, то есть чувства понимания и удовольствия, которые так необходимы детям в общении друг с другом и со взрослыми. Могу предположить, что нигде в мире нет такой приверженности к детской литературе и, в частности, такой необходимости в поэзии для маленьких, как у нас. Традиции,

ментальность, политическое и нравственное состояние общества – все работало и работает на признание за детской литературой необходимого учительства и того эстетического удовольствия, которое закрепляет в душе высокие этические нормы. Советская эпоха (то есть практически весь прошлый век) выработала замечательный тип писателя-эмигранта, вытесненного в детскую литературу из взрослой, где он не мог реализоваться, прежде всего по идеологическим причинам. Русская детская литература XX века чрезвычайно богата талантами, писавшими не «благодаря», а «вопреки»; так было особенно в эпохи гонений на культуру – в тридцатые, сороковые, семидесятые годы.

Сегодняшняя детская литература, особенно поэзия для детей, – правопреемница этих традиций. Подспудно созревая в девяностые годы, выплеснувшаяся в нулевые и окрепшая в нынешние десятилетия, эта литература являет нам приверженность молодых прозаиков острой проблематике, а молодых поэтов – чистоте звучания и лирической фантазии, что заставляет говорить о буме в детской литературе начала XXI столетия. В нее идут не из меркантильных соображений (какие уж там гонорары!), а по любви и энтузиазму. Большую роль играют премии, семинары, фестивали. В этом году мы проводим, например, юбилейный, десятый фестиваль молодых детских писателей вокруг «Детгиза» – «Как хорошо уметь писать!» и подсчитали, что за это десятилетие через фестиваль прошло свыше ста талантливых участников. А поскольку почти у каждого из них уже вышли книжки, да не одна, вот и складываются те книжные полки, перед которыми теряется читатель. Увы, в отсутствии централизованной информации (хотя многое можно почерпнуть из Интернета) приходится уповать на вкусы и знания взрослых. Поэтому в многочисленных поездках по стране я всегда прошу устраивать встречи не только с детьми, но со всеми желающими родителями и педагогами – их нужно просвещать в первую очередь. Что до эстетических вкусов ребенка, то дети – разные. Некоторые обладают природным даром воспринимать прекрасное, другие в том же возрасте двух слов связать не могут. Ключ – в семье. Все зависит от семейного климата и желания помочь ребенку. Один из самых насущных вопросов – как приучить ребенка к чтению. Но это отдельная и далеко не простая тема.

Кто из детских поэтов уходящего времени остается современником нынешних компьютерных детишек? Наиболее заслуженные из них? И незаслуженно забытые?

Современники – те, чьи стихи входят в учебники и хрестоматии. Это в равной степени и Пушкин (который, как известно, ни одного сти-

хотворения для детей не написал), и Маршак, и любой из нынешних поэтов, отобранный составителем. Современник – тот, чьи стихи тебе по душе, и ты их понимаешь. Я прихожу в класс и читаю моего любимого Маршака:

Дети нашего двора,
Вы – его хозяева.
Во дворе идет игра
В конницу Чапаева...
Дети нашего двора,
Чкаловского дома...

И вижу, что никто ничего не понимает. Кто такой Чапаев? Что такое Чкаловский дом? В одной школе меня спросили: «А что, дети нашего двора – это дети местных бандитов?» А потом я читаю того же Маршака:

Ослик был сегодня зол.
Он узнал, что он осел.

И все радуются – свое, понятное. Так что, Маршак – современник? Я часто говорю молодым детским поэтам: «Хотите, чтобы стихи ваши жили долго – избегайте сиюминутных реалий и деталей, которые завтра исчезнут из обихода. Работайте внутри языка. Язык изменяется медленней окружающей жизни, поэтому никуда не исчезают, например, словесные игры. И вообще, родной язык – это наше главное поэтическое богатство». Поэтому я избегаю писать стихи с упоминанием всякого рода гаджетов – завтра их не будет, а вместе с ними и текстов. Вообще, говоря о современниках, нужно прежде всего говорить о тех, кто был до тебя. И знать их, чтобы не изобретать велосипедов. А до нас были многие и многие годы существования детской поэзии, если учесть, что первые стихи для детей, написанные на русском языке, – это была лицевая, то есть с картинками, азбука Василия Бурцева – появились в 1634 году. Чтобы по-настоящему узнать (и вспомнить забытые имена!) русскую детскую поэзию, рекомендую прочитать сначала однотомное, затем двухтомник, а теперь уже трехтомное собрание текстов «Четыре века русской поэзии детям», подготовленные крупнейшим специалистом по ее истории Е. О. Путиловой (СПб., 1997). Мы получили уникальный сплав «количества» и «качества», удивительный по отбору, объему, богатству поэтический «текст» – целую антологию русской детской поэзии, охватывающую помимо фольклора огромную эпоху отечественной литературы – с 30-х годов XVII века до детских стихов наших современников, многие из которых вошли в литературу в последней четверти предыдущего столетия. Выясняется, как много выдающихся поэтов писали и посвящали стихи детям. Безусловная, выдающаяся (!) роль антологий – в окончательном утверждении поэзии для детей как значительного явления русской литературы и культуры в целом.

Кто Вас влюбил в детскую поэзию? А нужна она? Может, комиксы и игры заменяют ее? И мы с Вами бесконечно устарели?!

Если позволите, в виде ответа на этот вопрос приведу пару фрагментов из моей книги «Путешествие в детство»:

«...Одно из самых ранних воспоминаний: сижу на высоком деревянном стульчике перед столом. На груди повязан слюнявчик. На столе передо мной стоит тарелка с отвратительной кашей. Вижу, как алюминиевая ложка зачерпывает кашу и плывет к моему рту. И слышу мамин голос:

Ехали медведи
На...
— ложка отправляется в рот —
...велосипеде.
А за ними кот
Задом на...
— вторая ложка отправляется туда же —
...перёд!

Так уже в младенчестве в меня входило рифменное ожидание, и связано оно было чуть ли не с физиологией: ложка каши проглатывалась «под рифму». Потом я понял, что именно так образуются в душе зачатки вкуса, меры и такта, что воспитанная подобным образом любовь к поэзии подразумевает (по крайней мере, должна подразумевать) богатство чувств. И это главное, к чему может привести поэтическое воспитание, о котором ныне снова так часто приходится говорить.

И еще один отрывок:

«...Вся наша семья — мама, папа, сестра, я и кот Вася — собиралась на кухне вокруг большого обеденного стола, и мы читали по кругу какую-нибудь книжку. Мне больше всего запомнились тоненькие детиздатовские сборнички «Некрасовской библиотеки», еще довоенные, в желто-коричневых переплетах с профилем Некрасова на обложке. Родители знали на память кое-какие фрагменты некрасовских стихов, я не раз слышал, как мама повторяла, стоя у плиты:

Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!

В три года я уже сносно читал и больше всего любил читать именно стихи, далеко не всегда понимая их смысл, но зато веселясь при точной рифме:

Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе...

До сих пор помню, как по спине бегали мурашки от этих чудных звуков.

Комиксы и игры — дело неплохое, но заменить работу непосредственно с языком им не под силу.

Вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор: нужно ли изучать детскую поэзию, шире — детскую литературу в вузах?

Еще как нужно! Наша общая беда — вымывание преподавания детской литературы из вузовских планов. Будущие педагоги и воспитатели

перестают изучать детскую книгу как таковую и начинают работать с детьми, не зная и не понимая специфики литературы, поэзии для детей. Так что при всем оптимизме по отношению к общей сегодняшней ситуации с детской книгой, за ее судьбу тревожно. Тем более, что мы оказались на границе двух цивилизаций — бумажной и электронной, и что там впереди — весьма туманно. Но закончить разговор хочется на веселой ноте. Детская поэзия должна писаться (и пишется!) в состоянии счастья. Это — фундаментальный закон творчества для детей, а тогда, как в сказке, все получается. Об этом — мое недавнее стихотворение:

УРОК БИОЛОГИИ

Вы в пруду видали головастика?
Он вчера икринкой был —
Фантастика!
Приходите завтра на опушку —
Вы уже увидите
Лягушку.
Ну, а через день-другой
Из леса
Выйдет к вам прекрасная принцесса...
Дети! От икринок до принцесс
Долгая дорога, пыль и тряска —
Говоря по-взрослому, прогресс,
Говоря по-детски, просто сказка!

С. М. ЛОЙТЕР:

Познакомившись с ответами Михаила Яснова, я решила присоединиться к разговору и поразмышлять над вопросами, которые мне интересны и волнуют. Отвечая на вопрос, правомерно ли понятие «детская поэзия», что есть детская поэзия, чем она отличается от взрослой и каковы ее собственные черты, продолжу новыми соображениями проблемы книги «Поэтика детского стиха в ее отношении к детской литературе»¹.

Детство как «особый социокультурный феномен» (И. С. Кон) имеет свою словесную культуру. Ее составляет язык детей и художественная словесность, которая объединяет детский фольклор и детскую литературу. Первым художественным словом, которое слышит ребенок, оказывается слово колыбельной или маминой песни. Ее сменяют другие колдовские стихи лирики материнства: «Потягунюшки — порастунюшки», «Ладушки-ладушки», «Сорока-ворона...» — бессмертные шедевры, эти «праобразы искусства». Они застают ребенка на самой ранней поре и без них нет нормального, здорового младенчества. О «третьем годе», когда ребенок «начинает жить стихом» (Б. Пастернак), когда ему является слово, он сам начинает им овладевать, запоминая и исполняя бесконечное множество считалок, дразнилок, разных песенок, загадок и сказок. Детский фольклор — первая составляющая словесной художественной культуры детства и одна из основ, на которой вырастает вторая составляющая — детская литература и детская поэзия прежде

всего. Когда мы говорим «детская поэзия», мы связываем это понятие с малышом, дошкольным и младшим школьным возрастом. И эта поэзия, по словам А. Т. Твардовского, – «труднейший и сложнейший вид искусства, взыскательнейший экзамен для поэзии вообще»².

Размышляя о том, что есть детская поэзия, и памятуя об известных «Заповедях для детских поэтов» К. И. Чуковского, остановлюсь на том, что является объектом изображения детской поэзии, каковы ее экзистенциальные темы. Ключевые, ценностные, аксиологические темы «взрослой» лирики –

«это темы жизни и смерти, смысла жизни, любви, вечности, быстротекущего времени, природы и города, труда, творчества, судьбы и позиции поэта, искусства, культуры, исторического прошлого, общения с Богом, дружбы и одиночества, мечты и разочарования».

Частично эти темы отражает вышедший в Новосибирске Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы³. Внимательное знакомство с ним убеждает, что детская литература, а тем более стихи для детей, за редким исключением (в основном это стихотворения, связанные с мотивами «Рождественское чудо», «елка»), этот словарь не отражает. Исследование особенностей изображения предметного мира в лирике для детей убеждает в ее принципиальном отличии от лирики взрослых. Лексемы поэтического мира детской лирики – конкретные предметы и вещи, преимущественно субстантивы. Они поэтизируются, освобождаясь от злободневности и обыденности, статичности и косности, вовлекаясь в мир стремительных движений и действий (именно поэтому глаголы занимают в них такое важное место), – своеобразный космос, в центре которого ребенок. По словам Л. С. Выготского, для ребенка, живущего в мире предметов и вещей,

«как в силовом поле, постигающего его конкретно и предметно, не бывает равнодушного к ним отношения. <...> Каждая вещь окружающего мира “заряжена”»⁴.

Они, предметы, всегда динамичны, событийны. Детская поэзия, как правило, не признает ничего абстрактного, отвлеченного, она не пользуется метафорой. Это объясняется «неприятием детьми многозначности слова»⁵ и его буквальным пониманием. Для детей не существует переносного значения слова. Бытовые, привычные, обыденные предметы и вещи, определяя особый «персонажный» характер детских стихов, не бывают, подобно «взрослой» лирике, «статическими». Предметный характер детских стихов отражают и их заглавия. В большинстве случаев в заглавие стихотворения выносятся номинация предмета, который оказывается его темой или мотивом (у Берестова – «Гололедица», «Снегопад», «Котенок», «Бычок», «Заяц-барабанщик», «Воробушки», «Петушки», «Больная кукла», «Мяч», «Коза», «Бабушка Катя», «Доктор Лебе-

дев»; у Б. Заходера – «Бочонок собачонок», «Мой лев», «Ежик», «Обезьянки», «Слон», «Филин» и т. д.). Назывная простота вещей сопряжена для ребенка с созданием зрительного ряда, образов восприятия. В стихотворении И. Токмаковой «Десять птичек – стайка» изобразительность усиливается указательным местоимением «это»:

Эта птичка – соловей,
Эта птичка – воробей,
Эта птичка – совушка,
Сонная головушка.
Эта птичка – свистель,
Эта птичка – коростель,
Эта птичка – скворушка,
Серенькое перышко.
Эта зяблик,
Эта – стриж,
Эта развеселый чиж.
Ну, а эта – злой орлан,
Птички, птички – по домам.

Художественная нагрузка указательного местоимения «это» в детской и «взрослой» поэзии тоже разная. «Культивирование указательных местоимений» (И. Анненский) характерно для русской лирики Фета, Блока, Ахматовой, Пастернака, где они выполняют две функции – «указание на действительность и указание на речь», вызывая представление либо о пространстве, либо о каких-то движениях внутренней жизни. У Фета: «Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня и света, / Этот синий свод, / Этот крик и вереницы, / Эти стаи, эти птицы...».

В детской поэзии указание на название предметов, создающих последовательный ряд образов восприятия, соединяется с задачей убедить ребенка в том, «что эти предметы существуют». Такая индуктивная конкретность, самодостаточность, суверенизация отдельного и частного обуславливает особенности изобразительности лирики для детей, которые я определяю, пользуясь термином Л. Я. Гинзбург, как «поэтическая индукция»⁶, которая в отличие от «взрослой» поэзии не предполагает поэтической дедукции. И это лишь одна ипостась существования предмета в лирике для детей.

Остановлюсь еще на одной особенности детского стиха, связанной с художественной функцией грамматической категории – местоимением «Я». Не случайно местоименная поэтика стала предметом целого ряда исследований Р. О. Якобсона, Г. О. Винокура, И. И. Ковтуновой, Б. О. Кормана. Их исследования основаны на «взрослой» лирике и не касаются детского стиха. Между тем частотность употребления личного местоимения «я» в детской поэзии несоизмеримо выше в сравнении со «взрослой» лирикой. И это отнюдь не внешнее обстоятельство. Открытие «Я», развитие в ребенке «чувства Я» И. С. Кон назвал одной из ключевых проблем детства⁷. Она обрела свое развитие в целом ряде исследований «Я-концепции» Э. Эриксона⁸ и Р. Бернса⁹.

Осознанию своей индивидуальности («Я сам! «Я лучше всех!», «Я сильнее всех!»), своей идентичности, собственной ценности, своей самости служит употребление ребенком местоимений «мне», «меня», «ты»... Такое словоупотребление выдающиеся психологи Л. С. Выготский и Ж. Пиаже¹⁰ назвали «эгоцентрической речью», выражаемой повторениями (эхолалиями) или монологами. Художественная функция «эгоцентрического слова» «я» в поэзии состоит в том, что оно является носителем и транслятором детского сознания, чувств ребенка, его мыслей, его модели мира и своего места в нем, иначе, перефразируя слова Л. Я. Гинзбург, «раскрытой точки зрения» детства. Раскрытая точка зрения детства – отражение «совокупности всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой»¹¹, его говорящее лицо. И это не зависит от того, кто его выражает, кто является субъектом речи: автор, «перевплощающийся в героя и говорящий за него», маленький герой или даже предмет, как, например, в «Мойдодыре» К. Чуковского – «Я – великий умывальник».

Раскрытая точка зрения детства и в тех стихах, когда субъект речи – автор не обозначен местоимением «я», но выражает детское восприятие всего сущего, детскую логику, детский строй речи, детское удивление и восторг.

Сосны *до неба* хотят дорасти,
Небо ветвями хотят подмести,
Чтобы в течение года
Ясной стояла погода. (И. Токмакова. Сосны)

Другой распространенный вид «раскрытой точки зрения» в стихах для детей связан с рассказом от первого лица, когда лирическое «я» субъекта речи ребенка тождественно лирическому «я» автора. Это возможно, когда автор обладает даром перевоплощения, способностью вжиться и раствориться в детском романтизме и детском мифотворчестве, оправдании всех сближений и связей, выражающих одно сознание – детское.

У меня уже готов
Для тебя букет котов,
Очень свежие коты!
Они не вянут, как цветы.

<...>

А у меня – букет котов
Изумительной красоты,
И, в отличие от цветов,
Он мяукает в усы.

<...>

Я несусь букет котов,
Дай скорее вазу.
Очень свежие коты –
Это видно сразу. (Ю. Мориц. Букет котов)

Яркий пример отражения «я» в стихотворении-песенке Михаила Яснова «Я» с подзаголовком «Про себя самого»¹²:

Я у мамы!
Я у мамы!

У моей! У этой самой!
Я! Не кто-нибудь другой!
Я! Вот этот! Сам собой!

<...>

Я! Из всех моих друзей!
Я у мамочки моей!
Я родился!
Есть!
И буду!
Вот

какое
в мире
чудо!

Самые фантастические желания и предпочтения в мечтах «я» остаются в границах детского мироощущения и видения жизни:

Когда я стану папою
И будет дел по горло,
Тогда отдам я сыну

Все винтики и свёрла.
Когда я стану голубем
И буду прыгать всюду, –
Я дам себя потрогать
И улетать не буду!

(М. Яснов. «Когда я стану школьником»)

Так, поэтическая функция «я», являясь раскрытой точкой зрения детства, служит самоутверждению и убежденности «в праве быть первым лицом». Такая местоименная поэтика – одна из особенностей детского стиха.

Эти и другие основополагающие принципы поэтики: олицетворение, словотворчество, игра словом и звукообразы, диалогичность и вопросо-ответная форма, детерминированные детством, его психологией, его речью, его экзистенциальным, игровым по преимуществу опытом, делают детскую поэзию лирикой особого свойства, лирикой детства, художественным миром детской неповторимости. Детскую поэзию как особый вид лирики блестяще и убедительно идентифицирует И. Роднянская:

«Кто недостаточно пластичен или по натуре своей слишком далек от возможных в детской поэзии “амплуа”, тот не сможет стать поэтом для детей, даже будучи незаурядно одаренным в общепоэтическом плане»¹³.

Подчеркну, что одни и те же приемы поэтики репрезентируют и во «взрослой» лирике, но в детском стихе они существуют в своем концентрированном, «сгущенном» виде. Не обилие тропов, а особый спектр поэтических приемов, степень их концентрации, то, как они пронизывают все уровни текста по вертикали и горизонтали, являются характерологической и психологической особенностью детской поэзии, отличающей ее от «взрослой». Вот как об этом размышлял Б. Заходер:

«...писать для детей благодатно. Сам остаешься как бы дитятей. А, как известно, сказано: “...если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное”»¹⁴.

Русская детская поэзия как лирика особого свойства, как специфическая область искусства и поэзии, понятие «детский писатель» принадлежат веку XX (до этого существовали книги для детей, но их создание для их авторов носило разовый, эпизодический характер). Именно с этого времени профессиональная детская поэзия обрела свой голос, свой репертуар, свои ключевые экзистенциальные темы, свою предметную образительность, свою графику и ритмику, свой «формальный образ стиха», свой язык, которым говорят уже много поколений детских поэтов.

Убедительную картину существования такой поэзии, целостную картину ее истории представляет трехтомный труд одного из ведущих ученых, посвятивших свою жизнь изучению детской литературы и объединивших в одном лице исследователя, критика, текстолога, комментатора, публикатора и просветителя (недавно почившей в 95 лет), Евгении Оскаровны Путиловой «Четыре века русской поэзии детям»¹⁵. Это издание заставляет вспомнить слова Д. С. Лихачева о том, что «в филологической науке наиболее долговечны факты. <...> Издание памятников, текстологическая работа, выясняющая историю текста тех или иных произведений, это бесспорно необходимая на столетия работа»¹⁶. В течение полувека неустанно, целеустремленно и последовательно Е. О. Путилова воссоздавала историю детской поэзии, отбирая тексты в сотнях старых и новых журналов, многочисленных публикациях разного рода, архивных источниках, даже контактах личного свойства, комментируя их. Ее итоговый уникальный труд, ставший памятником, содержит 2055 текстов 214 авторов. Это стихотворный золотой фонд, в котором наряду с известными поэтами (К. Чуковский, С. Маршак, Е. Тараховская, Е. Благинина, А. Барто, обзриуты) много менее известных (Р. Волженин, Л. Зилов, И. Бельшев, О. Кузнецова и др.); впервые собраны поэты, репрессированные и погибшие в лагерных застенках (Б. Лившиц, Б. Корнилов, С. Третьяков, С. Ауслендар, П. Орешин, В. Князев). Совершенно особый третий том антологии (Б. Заходер, В. Берестов, Я. Аким, Г. Сапгир, А. Шибает, Ю. Кушак, А. Усачев, И. Токмакова, Тим Собакин, Э. Мошковская, М. Бородинская и др.) – 60 послевоенных лет, «живой процесс развития литературы». Впервые детская поэзия представлена в издании академического типа.

Своеобразным продолжением и дополнением труда Путиловой можно считать книгу М. Яснова «Путешествие в чудетство: Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах»¹⁷, хотя содержание и жанрово они существенно отличаются. Автор нескольких десятков стихотворных книжек, талантливый переводчик, литературный критик, просветитель, как уже упоминалось, составитель сборника «Лучшие стихи для

детей» М. Яснов не просто читает, но изучает книги своих собратьев по перу и пишет о них, пропагандирует их творчество. «Путешествие в чудетство» – это новый уровень анализа стихотворений, когда определяется своеобразие, индивидуальное лицо каждого автора (Н. Заболоцкого, В. Берестова, А. Усачева, А. Кушнера, А. Шибает, О. Григорьев, В. Левина и др.). Эти имена – из антологии, которая завершается 2000-м годом и которые комментирует Яснов. Но за те годы, что последовали после завершения работы над третьим томом Путиловой в детской поэзии, появились новые имена (Игорь Шевчук, Олег Бундур из Кандалякши, Галина Дядина из Арзамаса и др.). И М. Яснов, который неукоснительно следит за литературным процессом в детской поэзии, представил в «Путешествии в чудетство» небольшими очерками целый ряд новых книг и их авторов, назвав их поэтическими событиями последнего десятилетия и заключив, что «новый век начался с маленькой победы большой детской поэзии». Все сказанное выше и есть ответ на вопрос, правомерно ли понятие «детская поэзия» и существует ли она сегодня. Совершенно очевидно, что существует богатейшая детская поэзия, которая в лучших своих проявлениях всегда современна и которая готовит ребенка к восприятию взрослой поэзии.

На вопрос, какие стихи современны для сегодняшних детей, прекрасно ответил Михаил Яснов. Я полностью с ним согласна и ничего нового не скажу. Повторюсь: детской поэзии противопоставлена сиюминутность, злободневность, ее художественный мир – опозитизированное, преобразованное фантазией и вымыслом окружающее ребенка пространство как непреходящая ценность. Главный критерий – уровень. Современны все высокохудожественные стихи для детей.

До недавнего времени Россию называли литературоцентричной страной. И эта литературоцентричность начинается в раннем детстве лирикой материнства и продолжающим ее художественным словом, которое ребенок постигает с помощью взрослых. Воздействие стихотворного слова бывает настолько сильным, что ребенок способен слушать и повторять одни и те же стихи бесконечное количество раз. Знала мальчика, который каждый вечер требовал перед сном читать ему одну и ту же книгу – обработку фольклористом Н. П. Колпаковой народной песни «Гусли-самогуды». Сергей Юрский вспоминал, что, однажды услышав в чтении отца стихотворение А. С. Пушкина «Признание», просил читать его бесчисленное количество раз, не понимая содержания. Завораживала музыка стиха. А в многократном повторении сказывалась магия слова, генетическое чувство ритма. Таково чудо детского восприятия. Останется ли ребенок, взрослея, приверженцем чтения, когда он сам научится

читать, во многом зависит от взрослых. Традиция и культура семейного чтения, отношение к книге и ее место в семье – важнейшие условия непрерывного читательского интереса. А формирование художественного вкуса начинается с того, какого уровня стихи или прозу слышат дети с ранних лет, поэтому звучать для них должны образцы художественного слова.

Хорошая книга должна быть прочитанной и пережитой в детстве, когда ребенок обладает особой силой восприятия и чувствования. Не услышанная самими маленькими или не прочитанная вовремя, она оказывается утраченной на всю жизнь. Для многих поколений довоенных и послевоенных российских подростков такие книги, как «Три толстяка» Ю. Олеши, «Чук и Гек» и «Голубая чашка» А. Гайдара, «Кондуит

и Швамбрания» Л. А. Кассиля, сказки и «Два капитана» В. Каверина, «Денискины рассказы» В. Драгунского, «Дикая собака Динго» Р. Фраермана, «Кладовая солнца» М. Пришвина, трилогия о Незнайке Н. Носова, были событиями жизни, страницами собственной биографии. В последние десятилетия эти книги выпали из культурного поля. Сейчас редкий подросток читал эти книги или слышал о них от своих сверстников или даже педагогов. Те же в свою очередь при осуществляемой ликвидации курсов детской литературы в вузах далеко не всегда смогут стать полноценными воспитателями и руководителями чтения. Именно поэтому упразднение курса детской литературы на филологических факультетах университетов и пединститутов губительно для образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору. Петрозаводск, 2005. С. 71–92, 143–167.
- ² Твардовский А. Т. О поэзии Маршака // Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 5. С. 608.
- ³ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромадонская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. I. 241 с.; Вып. II. 243с.
- ⁴ Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 341, 343.
- ⁵ Дети о языке. СПб., 2001. С. 64.
- ⁶ Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л., 1964. С. 5.
- ⁷ Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978. 367 с.
- ⁸ Эриксон Э. Детство и общество / Перевод и науч. ред. А. А. Алексеева. СПб., 1996.
- ⁹ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского, М. А. Ковальчук; Общ. ред. и вступ. ст. В. Я. Пилиповского. М., 1986. 422 с.
- ¹⁰ Выготский Л. С. Проблема речи и мышление ребенка в учении Ж. Пиаже // Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994. С. 403–460.
- ¹¹ Гинзбург Л. Я. О лирике... С. 5.
- ¹² Лучшие стихи для детей / Сост. М. Д. Яснов. СПб., 2005. 672 с. В нем 494 стихотворений, из них в 160 повествование от имени «я», в 46 – первый стих начинается местоимением «я».
- ¹³ Роднянская И. Лирика для маленьких. (О детской поэзии В. Берестова) // Детская литература. М., 1965. С. 158.
- ¹⁴ Заходер Б. «Но летит во тьме вселенной весть» // Вопросы литературы. 2001. Май – июнь. С. 164.
- ¹⁵ Путилова Е. О. Четыре века русской поэзии детям: В 3 т. СПб.: Лики России, 2013. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 720 с.; Т. 3. 672 с.
- ¹⁶ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989. 606 с.
- ¹⁷ Яснов М. Путешествие в чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. СПб.: Союз писателей СПб.: Фонд «Дом детской книги», 2014. 360 с.

Поступила в редакцию 04.06.2018

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

Рец. на кн.: Кунильский А. Е. Тема «жизни» в русской литературе XIX века и у Достоевского (монография). – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019. – 148 с.

Монография А. Е. Кунильского выстроена вокруг одного из важнейших в русской и мировой культуре (конкретно – литературе) концепта «жизнь». Во Введении автор раскрывает историю зарождения собственного исследовательского интереса к данной проблематике: чтение в юношеские годы книги В. В. Вересаева «Живая жизнь», лекции преподавателя-германиста, своего рода кумира многих поколений студентов Петрозаводского университета Л. И. Мальчукова, увлеченность которого Гете и Томасом Манном позволила автору книги уяснить германские корни концепта «жизнь». А. Е. Кунильский оговаривает особо и иные источники генезиса «жизни» (библейская традиция, русские фольклорные сюжеты и мотивы).

При всей актуальности и очевидности *темы жизни в русской литературе XIX века* энциклопедии и словари по творчеству «наших всё», А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, отражают ее крайне мало и скупо или вообще избегают. В последнее десятилетие, что называется, «лед тронулся»: во Введении к монографии приведен исчерпывающий ряд исследований как самого автора, так и литературоведов, осмысляющих в творчестве Достоевского такие явления, как «живая жизнь», концепция «живой жизни», «живая жизнь» против «мертвой жизни», понятие «жизнь», тема жизни.

Очевидно, что в современной филологической науке созрела необходимость осмысления этого сложного, внутренне противоречивого и неоднозначного понятия – «жизнь», понятого не как нечто очевидное, однажды данное и предлагаемое человеку, а как некая витальная сила, действующая в мире и в человеке. А. Е. Кунильский в своей монографии приглашает к такому коллективному разговору исследователей разных гуманитарных направлений, в первую очередь, безусловно, литературоведов. Следует в дальнейшем уточнить в науке «статус» понятия «Жизнь», введя его в определенный терминологический ряд.

В первой главе «Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века» А. Е. Кунильский выявляет как генезис, так и наполняемость *витализма* как явления, встраивая свои размышления в богатейшую библейскую

(ветхо- и новозаветную) традицию, привлекая арсенал русской и западноевропейской философии и литературы, намечая «очертания», аксиологическую значимость, философско-эстетическую наполняемость и особую структуру темы жизни.

Жизнь – это не только сущее (предлежащая действительность), но и сам источник, и духовная сила человека, и первейшая ценность. Истоки этого понятия, как это убедительно представил в первой главе автор монографии, не только связаны (как ожидалось) с немецкой традицией эпохи просвещения (И. В. Гёте) и романтизма (Ф. Шлегель, Новалис), но и уходят глубоко в «седую древность» – к «многовековой библейской традиции» (с. 21). Само создание человека из «праха земного», согласно книге Бытия, завершается наделением его «дыханием жизни». В противовес этому акту творения Богом Адама приведем пример из второй части «Фауста» Гёте, в одной из сцен которого рождение гомункула в колбе ученым становится возможным только при появлении сил тьмы (Мефистофеля).

Согласно размышлениям автора, в традиции французского Просвещения (Вольтер) «жизнь» и «душа» не являются синонимами, более того, даже противопоставлены друг другу. А. Е. Кунильский дает две противоположные по своей сути коннотации слова «жизнь»: «как нечто, связанное с Богом, происходящее от Него, заключенное в Нем, и отрицательную – как нечто тягостное для человека» (с. 130). В этой же главе дана своеобразная переключка голосов поэтов и философов, А. Пушкина, А. Хомякова, М. Лермонтова, И. В. Гёте и Н. И. Надеждина. Диапазон голосов здесь: от «Аполлона-Гёте» (слово Г. Гейне) «что б ни было: жизнь все же хороша» (с. 20) до «я жить хочу, хочу печали» М. Лермонтова. Казалось бы, в своем восприятии жизни вечные антагонисты – Гёте и Лермонтов – обретают в исследовании А. Е. Кунильского точки соприкосновения через мотив «сорванного цветка (= юной девы)».

Обзор первой главы был бы неполным, если бы не прозвучало имя Ф. Ницше, неразрывно связанное с «философией жизни». Философия жизни (Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон) в противовес научному (рассудочно-рациональному)

познанию мира выдвигает органическое и интуитивное миропонимание, которое вынесено в наименование самого направления – «жизнь» (*das Leben*). Жизнь, на языке представителей философии жизни, неморальна, по ту сторону добра и зла. О. Шпенглер дал глубокое понимание этому ставшему на рубеже веков ключевому понятию:

«Жизнь – нечто изначальное и окончательное, не ведающее ни системы, ни программы, ни разумности; она – сама для себя и сама собой осуществляется, и глубокий миропорядок, в коем она себя самую кажет, можно лишь узреть и почувствовать и лишь после этого описать, не разлагая однако на доброе и злое, правильное и ложное, полезное и желанное»¹.

Тематически монография разбита на два блока, объединенных концептуально темой «Живая жизнь». Само сочетание восходит не только к названной уже выше книге В. Вересаева, посвященной Ф. Достоевскому и Л. Толстому, но и, как прочерчивает генезис понятия автор работы, к словам из краткой проповеди: «...воскрес Христос, и жизнь жительствоует» (с. 13).

Первый блок монографии связан с анализом этого явления в творчестве А. С. Пушкина и поэтов русской литературы первой половины XIX века, далее, соединяя «оба блока», следует раздел о витализме Гоголя и Достоевского, второй блок посвящен выявлению данной темы в двух романах Ф. Достоевского («Преступление и наказание» и «Бесы»).

Анализируя тему жизни в поэзии, в романе «Евгений Онегин», в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина, автор монографии приводит яркий, доказательный материал, дает интересные комментарии через призму витальности. Многие сцены (уже ставшие хрестоматийными и слегка «затертыми» в мировой литературоведческой науке) вдруг при таком ракурсе заиграли новыми эвристическими смыслами, что, безусловно, обогатит отечественное пушкиноведение. По-новому заиграли встроенные в новый (витальный) контекст отношения Евгения Онегина и Татьяны и самого автора романа в стихах, мотивы жизнеотрицания и (напротив) принятия жизни дают новые оттенки смыслов при анализе «Моцарта и Сальери» и «Пира во время чумы». Вся палитра смыслов жизни «затаилась» в поэзии А. Пушкина: *и праздник жизни, и тяготы ее*.

Привлекает и стиль, и особый камерный тон автора исследования: строки Пушкина зазвучали при комментировании А. Е. Кунильским по-особому, становясь своего рода камертоном *подлинной живой жизни*, которую мы часто в суете сует упускаем, не имея возможности остановиться, погрузиться в себя и вознестись мыслью к небесам.

Автор исследования приводит множество цитат из произведений русских писателей, поэтов, критиков XIX века, из переписки, статей, воспоминаний, выявляя в каждом конкретном случае новые коннотации (подчас противоречащие друг другу), собирая в одно контрастное и динамическое единство метапонятие – «жизнь». В монографии приведены высказывания Бакунина и Белинского, Жуковского и Одоевского, также главных идеологов славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. «Весь этот хор голосов» позволил выявить национальное своеобразие витализма отечественной словесности.

Второй блок рецензируемой монографии посвящен раскрытию темы витализма русской литературы второй половины XIX века. Тема предстает развитием первого блока, но при анализе произведений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. С. Тургенева автор дает ей новый разворот. Особый интерес представляют разделы, посвященные романам Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы»). Как в случае с анализом творчества А. С. Пушкина, так и здесь: при прицельном угле зрения автора работы – сквозь призму темы «живой жизни» – по-иному зазвучали «реплики» героев Достоевского, они наполнились для читателя монографии добавочными, проясняющими идейный пласт романов смыслами.

Выстраивая цепочку *Достоевский – славянофилы – Шеллинг*, автор монографии увязывает концепт «живой жизни» у русского писателя и с народными и христианскими представлениями. Раскольников, ощущая жизнь как «тупую и тяжелую», вместе с тем, по наблюдениям А. Е. Кунильского, рвется «к высшим формам жизни», при этом «по мере того как карикатурно начинает казаться жизнь в ее “высших”, по представлению героя, формах, все сильнее и сильнее становится голос жизни в ее “низших”, инстинктивных проявлениях» (с. 114).

Показывая духовную метаморфозу Раскольникова и его восприятие жизни подлинной, автор монографии приходит к выводу, что герой «Преступления и наказания» хочет в итоге «испить чашу с людьми, а не без них». Каторга открывает смысл Раскольникову: вместо оторванности и отвлеченности – «бессознательное приятие радости жить» (с. 115).

Книга А. Е. Кунильского содержит глубокий нравственный потенциал и, помимо блестящего филологического анализа и интерпретации, побуждает нас (читателей, исследователей) к разговору с самими собой о важных, предельных, вечных вопросах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Spengler O. Preussentum und Sozialismus. München, 1924. С. 84. Перевод профессора Л. И. Мальчукова.

НЕОНИЛА АРТЕМОВНА КРИНИЧНАЯ

(22.11.1938 – 05.05.2019)

Российский ученый-фольклорист,
доктор филологических наук,
заслуженный деятель науки Республики
Карелия и Российской Федерации

Н. А. Криничная родилась в г. Жлобин Гомельской области (Белорусская ССР). После окончания в 1961 году филологического факультета Ленинградского университета работала учителем русского языка и литературы в средней школе Красногорска. Интерес к фольклору и занятия им в семинаре профессора В. Я. Проппа привели Неонила Артемовну в аспирантуру Петрозаводского государственного университета (1964–1967), где ее руководителем была ученица В. Я. Проппа доктор филологических наук, профессор Ирина Петровна Лупанова. В 1970 году Н. А. Криничная защитила кандидатскую диссертацию «Народные исторические песни Московской Руси начала XVII столетия», которая вскоре вышла отдельной книгой. Большое место в научной работе Криничной более 20 лет занимало собирание фольклора, ее многочисленные записи текстов разных жанров фольклора в Пудожском, Прионежском, Медвежьегорском, Беломорском, Кондопожском районах Карелии, в Петрозаводске, в Архангельской и Вологодской областях составляют отдельные коллекции в научном архиве КарНЦ РАН. Записи 1967–1976 годов Криничной и ее мужа писателя В. И. Пулькина составили первый специальный сборник преданий Карелии – «Северные предания: Беломорско-Обонежский регион» (1978), вошедший в себя и тексты XIX–XX веков из архива; в 1991 году расширенный и дополненный новыми текстами вышел сборник Н. А. Криничной «Предания Русского Севера». В 1991 году Неонила Артемовна защитила докторскую диссертацию на тему «Русская народная и историческая проза: Вопросы генезиса и структуры».

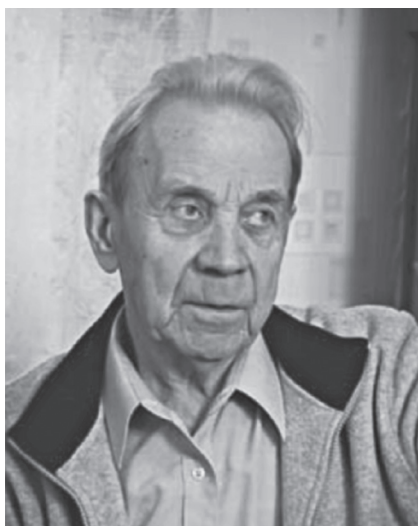
Несказочная проза (быличка, бывальщина, поверье, легенда) стала одним из главных направлений в научных исследованиях Н. А. Криничной. В центре ее изысканий – проблема мифологических истоков фольклорного образа. В 2004 году опубликован фундаментальный труд «Русская мифология: Мир образов фольклора». Мифологические корни народной культуры представлены в монографиях: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии» (2011), «Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии» (2014) и др.

Автор более 220 научных работ, Н. А. Криничная плодотворно использовала междисциплинарный подход, привлекая факты смежных наук: исторические, этнографические, археологические, лингвистические.

Неонила Артемовна была активным просветителем народной культуры. Ее книга о родоначальнике знаменитой сказительской династии Трофиме Григорьевиче Рябинине «Жил в Кижской волости крестьянин...» (1995) хорошо известна учителям и широкому читателю. Нередко она выступала в печати с научно-популярными статьями и очерками о собирательстве, судьбах сказителей, мифологических персонажах, христианских мотивах в фольклоре.

Память о настоящем ученом всегда будет жить в наших сердцах.

*Коллектив Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КРЫЛОВ

(27.01.1922 – 12.05.2019)

Российский ученый-филолог,
доктор филологических наук, профессор

В. П. Крылов родился в г. Пудожье. По окончании пудожской семилетней школы и петрозаводского педучилища работал учителем начальных классов и преподавателем рисования. С августа 1941 года, уйдя на фронт добровольцем, и до 1945 года В. П. Крылов воевал, служил помощником командира взвода, участвовал в снятии Ленинградской блокады, освобождал Псковскую область и Прибалтику. Об этом Владимир Петрович рассказал в военных мемуарах «Годы далекие и близкие» (Петрозаводск, 2007). «Воспоминания В. П. Крылова, прошедшего всю Великую Отечественную войну рядовым солдатом, – воспоминания особенные. В них нет хроникального, последовательно-временного изображения событий, в которых участвовал автор, и не они составляют содержание воспоминаний. Главное в них – война, “как она отстоялась в чувствах и душевных состояниях, порождаемых войной и связанных с войной”. Не события, а чувства и переживания определили названия глав: “Память”, “Страх”, “Стыд”, “Смысл”. Воспоминания Крылова не история войны, а история души человека, пережившего войну», – отмечала С. М. Лойтер.

После войны В. П. Крылов окончил Ленинградский пединститут и дальнейшую жизнь посвятил преподаванию и науке Карелии: работал учителем в Пудожье, инспектором в Школьном управлении Министерства просвещения Карелии, был директором Института усовершенствования учителей, в 1961–2009 годах работал на кафедре литературы Карельского пединститута (КГПА), в 1977–1990 годах был ее заведующим.

В. П. Крылов – автор 70 научных работ, в том числе 6 книг и учебных пособий. Область его научных интересов – русская литература XX века, творчество Л. Леонова, жанрово-стилевое своеобразие новейшей русской прозы, методи-

ка преподавания литературы в школе. В 1977 году В. П. Крылов защитил докторскую диссертацию на тему «Философская проза Леонида Леонова: вопросы поэтики», став основоположником этой темы в леоноведении. Его перу принадлежит ряд значимых работ, посвященных творчеству писателя: «О некоторых сюжетно-композиционных особенностях “Русского леса” Л. Леонова» (Русская литература. 1974. № 3), «Художник-новатор» (Мировое значение творчества Л. Леонова. М., 1979), учебное пособие «Проблемы поэтики Л. Леонова. Композиция философского романа» (Л., 1981), монография «Леонид Леонов – художник» (Петрозаводск, 1984).

В. П. Крылов был членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций по филологии в Петрозаводском государственном университете.

Долгие годы он был членом редколлегии журнала «Север». Благодаря ему увидела свет именно в этом журнале (1966. № 1) повесть Василия Белова «Привычное дело». В эпоху брежневского застоя, когда усилился идеологический прессинг, он написал рецензию, в которой назвал «Привычное дело» «прекрасной вещью», «новым словом в современной литературе». Повесть вошла в русскую литературу и стала ее классикой.

В. П. Крылов имеет почетные звания «Заслуженный деятель науки КАССР» (1982) и «Заслуженный работник высшей школы РФ» (1998). В 2011 году он стал почетным профессором Карельской государственной педагогической академии.

Владимира Петровича Крылова всегда отличали такие качества характера, как скромность, несуетность, спокойствие, внутренняя сосредоточенность и доброжелательное отношение к людям. Таким он и останется в нашей памяти.

Коллектив Института филологии ПетрГУ

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА

(15.01.1940 – 24.05.2019)

Российский ученый-филолог,
доктор филологических наук, профессор,
исследователь античной литературы

Т. Г. Мальчукова родилась в Москве в предвоенном 1940 году.

При поступлении в Ленинградский государственный университет она успешно сдала вступительные экзамены на русское отделение филологического факультета. В приемной комиссии узнала, что есть возможность одновременно учиться и на классическом отделении. Что это такое, было не очень понятно, но понравилось, что можно больше учиться и получить больше знаний. Группа «классиков» была небольшая – 6 человек, а до выпуска дошли трое: сама Татьяна, Майя Кислова, ставшая на всю жизнь соратницей и другом, и Геннадий Шмаков – талантливый молодой человек, полиглот, поэт и переводчик, друг Бродского и Барышникова. Преподавал у «классиков» цвет ленинградской классической филологии: С. В. Полякова (ученица О. Фрейденберг), Я. М. Боровский (известный латинист и переводчик), Б. В. Казанский (ученик Ф. Зелинского). Возглавлял кафедру в то время А. И. Доватур. Параллельно с классическими дисциплинами Татьяна Георгиевна в полном объеме осваивала программу по русской филологии. Среди преподавателей были не менее значительные имена: В. Я. Пропп, Г. П. Макогоненко, Г. А. Бялый... С такими наставниками, в таком окружении и в таком городе ее талант не мог не раскрыться в полной мере. И тогда же окончательно сформировался научный интерес: античная словесная культура и ее рецепция культурой русской.

После окончания университета в 1962 году Т. Г. Мальчукова была распределена в Петрозаводский государственный университет. После возможностей Ленинграда с его богатейшей культурной и научной средой такое распределение можно было воспринять как северную ссылку. Но основанный в 1940 году вуз-ровесник

привлекал возможностями, которые может предоставить молодой университет, – свобода научного творчества, интересный коллектив начинающих и уже состоявшихся ученых (в основном представителей родной ленинградской научной школы). Учебная нагрузка, вмененная молодому специалисту (полный курс античной литературы и фольклорная практика), позволила не только детально проработать содержание дисциплины (свою первую лекцию Татьяна Георгиевна писала три месяца), но и определить межтематические связи, легшие в основание собственных научных исследований: древнегреческие аэды и заонежские сказители пели по-разному и о разном, но магия их поэтического слова производила одинаково сильное впечатление. И отсюда самая важная черта Мальчуковой-ученого и Мальчуковой-преподавателя – научное и методическое погружение в глубины словесности органично соединялось с нескрываемым восхищением гармонией художественного языка и органичностью словесного творчества. Профессионально занимаясь древней литературой и мертвыми языками, Мальчукова вдыхала в них жизнь, вдохновенно цитируя огромные отрывки из гомеровских поэм, при помощи комплексного комментария делая явной и прозрачной их смысловую символику читателю XX века.

Глубина и легкость – вот отличительные черты научного стиля Т. Г. Мальчуковой. Это отмечали такие маститые ученые, как А. Ф. Лосев, с которым Татьяна Георгиевна познакомилась на конференции в Киеве в 1972 году, где молодой филолог из Петрозаводска, к тому времени с успехом защитившая кандидатскую диссертацию на тему «Творчество Лукиллия и античная скоптическая эпиграмма», привлекла внимание своей смелостью и эрудированностью. Завязавшаяся

дружба распространилась и на супругу А. Ф. Лосева – А. А. Тахо-Годи, общение с которой не прерывалось даже в самые сложные времена.

От узко классических тем («К истории насмешливой эпиграммы: (Лукиллий)»; «К проблеме комического в античности»; «Концепция комического у Сенеки»; «Киническая философия и сатирическая литература» и пр.) Т. Г. Мальчукова очень скоро переключается на рецепции античной традиции в русской литературе. В первую очередь объектом исследования становится А. С. Пушкин – непреходящая любовь Татьяны Георгиевны. Через анализ отдельных произведений («О жанровой природе и композиции стихотворения А. С. Пушкина “Пророк”»; «О жанровых традициях в элегии А. С. Пушкина “Воспоминание”»; «О жанровых традициях в “Анфологических эпиграммах” А. С. Пушкина») она постепенно выходит на более концептуальные темы («Жанр послания в лирике А. С. Пушкина», «Античная нравственная философия в поэзии А. С. Пушкина», «Миф в лирике А. С. Пушкина 1820-х годов» и пр.), претворяющиеся в ею открытое научное направление – античность и христианство в творчестве Пушкина («О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х гг.», «Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина»). В русле этой тематики в 1999 году была защищена докторская диссертация.

Помимо Пушкина научный интерес Мальчуковой был обращен к В. Белинскому («Концепция “антологического рода” у В. Г. Белинского»), Ф. Достоевскому («Достоевский и Гомер»), А. Блоку («Античные традиции в творчестве А. Блока»), Н. Гумилеву («Гомеровский эпос в жизни и творчестве Н. С. Гумилева»), Н. Заболоцкому («Античная культура в поэзии Н. А. Заболоцкого»), «Природа и культура в поэзии Николая Заболоцкого»), М. Бахтину («Наследие М. М. Бахтина и изучение античной литературы»), А. Лосеву («А. Ф. Лосев – духовный учитель нашего времени»), «Гомеровские сравнения в истолковании А. Ф. Лосева») и др. Авторов разных стилей и разных эпох в глазах Мальчуковой объединяло одно – неимоверная мощь античности, органично влившейся в русскую культуру настолько давно и настолько сильно, что бывает сложно идентифицировать ее как «не свою». Наиболее явно это воплотилось в одной из последних тем, исследуемых Мальчуковой, – теме Севера в русской литературе. Используя не только пространственно-географический, но и культурно-исторический подход, Татьяна Георгиевна впервые в литературоведении показала и доказала, что, являясь своеобразным протестом против доминирования греко-римской традиции, обращение к образам Севера, к северной тематике стало своеобразным стимулом к развитию национальной русской литературы, самоопределению русской поэзии. Но при этом античный компонент в развитии северной темы сохранился

(«Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века»).

Многогранность таланта Т. Г. Мальчуковой проявилась и на организаторском уровне: именно она стала идейным вдохновителем и непосредственным создателем кафедры классической филологии, открывшейся в Петрозаводском университете в 1995 году. Появление подобной кафедры поставило провинциальный вуз на одну ступень с Московским и Санкт-Петербургским государственными университетами – «классическими» вузами. Была проведена глобальная учебно-методическая работа. Ориентируясь на опыт своего высшего образования, полученного в ЛГУ, Мальчукова в формирующийся учебный план «классиков» включила полный объем дисциплин по русской филологии. В результате студенты, обучающиеся по направлению «классическая филология», овладевали двумя специальностями, что не только расширяло их возможности трудоустройства, но давало обширное поле для научных исследований, проводимых в русле направления, заданного Мальчуковой, – «Античные и христианские традиции в русской литературе XVIII–XX вв.». Очень скоро выпестованные на кафедре «классики» стали защищать диссертации (Нилова А. Ю. «Жанрово-стилистические традиции в лирике М. Ю. Лермонтова (послание, элегия, эпиграмма)»; Дехтярёнок А. В. «Античные и христианские традиции в творчестве Д. С. Мережковского»; Скоропадская А. А. «Античные и христианские традиции в изображении образа сада в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”»; Литинская Е. П. «Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского»; Куйкина Е. С. «Античные сюжеты в балладах В. А. Жуковского»; Агапитова Е. К. «Фантастический мир И. А. Ефремова»), совершать исследования в рамках тематических грантов («Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.» (2007–2009 гг.); «Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII–XIX вв.» (2010–2012 гг.); «Античные жанры в развитии русской литературы XVIII–XIX вв.» (2013–2015 гг.)). Благодаря заложенному Т. Г. Мальчуковой научному потенциалу классическая филология в ПетрГУ развивается и подтверждает статус классического вуза, нацеленного на фундаментальное образование, на сохранение традиций и преемственность в поисках инноваций.

Многочисленные ученики и коллеги скорбят об уходе Татьяны Георгиевны Мальчуковой и продолжают следовать ее главным установкам – установкам на то, что наука – это вдохновение и творчество, что ученый-филолог – это не анатом текста, а его научный соавтор, что учитель – звание, которого ты должен быть достоин интеллектуально и духовно.

А. А. Скоропадская, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ

МОИСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ГИН

(20.06.1919 – 13.08.1984)

К 100-летию со дня рождения одного из крупнейших отечественных исследователей творчества Н. А. Некрасова, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Петрозаводского государственного университета в 1971–1984 годах

Моисей Михайлович (Хаимович) родился в семье служащего в поселке Лозовая Павловка Кадийевского района Луганской области. В 1929 году вместе с родителями переехал в г. Ворошиловград (Луганск), где в 1937 году окончил среднюю школу. В 1937–1941 годах учился в Ленинградском государственном университете. Принимал участие в Великой Отечественной войне: в июне – сентябре 1941 года – боец 70-го партизанского батальона, который был сформирован Василеостровским райкомом ВКП(б) и действовал в тылу у противника на территории Волосовского района Ленинградской области, в октябре 1941 – феврале 1942 года – боец истребительного батальона НКВД, с февраля 1942 по февраль 1943 года – солдат Красной армии, в феврале – сентябре 1943 года – на курсах младших лейтенантов, с сентября 1943 года – офицер. Неоднократно участвовал в боях, был ранен. Окончил войну в должности командира стрелковой роты. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

В апреле – августе 1946 года был корреспондентом журнала «Цемент» Министерства промышленности стройматериалов. В 1946–1949 годах учился в аспирантуре ЛГУ. В июне 1950 года защитил кандидатскую диссертацию «Н. А. Некрасов – литературный критик». С сентября 1950 года и до конца жизни работал в Карело-Финском (с 1956 года – Петрозаводском) государственном университете: 1950–1952 годы – старший преподаватель, 1952–1970 годы – доцент, с 1970 года – профессор, с 1971 года – заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы. В 1967 году защитил докторскую диссертацию «Проблемы реализма поэзии Н. А. Некрасова».

М. М. Гин был учеником известного ученого-некрасоведа, профессора ЛГУ В. Е. Евгеньева-Максимова. Именно помощь учителя сыграла решающую роль при его зачислении в аспирантуру, чему противились чиновники от науки. Друг Моисея Михайловича Т. А. Беседина (доцент ЛГУ) впоследствии вспоминала, как разворачивалась эта драматичная история:

«Мы в недоумении. Нет, в негодовании. Фронтовик, член партии, все сдал отлично. <...> Не могу точно воспроизвести последовательность и форму его действий, но Владислав Евгеньевич (В. Е. Евгеньев-Максимов. – А. К.) дал слово (это мне говорилось, я слышала), что он своего добьется. И всей громадой своего тела и авторитета он ринулся на борьбу с министерскими чиновниками. И победил» (Гин И. М., Лойтер С. М. Памяти Моисея Михайловича Гина. К 90-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 6 (100). С. 107).

М. М. Гин вспоминал, насколько дружеская атмосфера царила в отношениях между В. Е. Евгеньевым-Максимовым и участниками его семинара. В конце учебного года руководитель выделял деньги своим ученикам, они закупали провизию и устраивали ужин на квартире учителя. В те годы материальная поддержка студентов была традицией у русской профессуры.

С аспирантских времен М. М. Гин являлся сторонником литературоведения, которое сочетает в себе исследовательское начало (интерес к текстологии, библиографии, литературоведческому разысканию) со способностью к анализу поэтики и проблематики, широким обобщениям. Его две первые работы (в соавторстве с К. Н. Григорьяном) были напечатаны в 1947 году в Научном бюллетене ЛГУ («Из неопубликованных материалов некрасовского архива» и «Новонайденные рецензии Н. А. Некрасова»). Вскоре вме-

сте с В. Е. Евгеньевым-Максимовым он в серии «Русские драматурги, научно-популярные очерки» опубликовал небольшую книжку «Николай Алексеевич Некрасов. 1821–1877» (1949). Учитель привлек аспиранта и к работе над Полным собранием сочинений и писем Некрасова в 12 томах (М., 1949–1953): в 9-м и 12-м томах М. М. Гин занимался подготовкой текста и составлением комментария. В 1950 году в «Библиотеке поэта (Малая серия)» М. М. Гин и Т. А. Беседина выпустили трехтомник произведений Некрасова.

Принципы ленинградской (петербургской) филологической школы, усвоенные М. М. Гином, определяли его работу в течение 35 лет в Петрозаводском университете. Его лекции, семинары, беседы с учениками и коллегами, выступления перед самыми разными аудиториями отличались живостью изложения, использованием большого фактического материала, мягким юмором и только в исключительных случаях – дозированной патетичностью.

Говоря об особенностях интерпретации творчества Некрасова в исследованиях М. М. Гина, член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов отметил, что ученый

«в 60–80 гг. публикует одновременно и работы, углубляющие понимание общественных идей Некрасова (см. “Крепостная интеллигентка в изображении Некрасова”, “Об отношениях Некрасова с народничеством 70-х гг.”, “Кающиеся дворяне или покаянные настроения (к характеристике литературного и общественного движения 70-х гг.)” и др.), и серию предварительных статей, в которых накапливаются наблюдения над особенностями художественного метода Некрасова (см. “Заострение и гипербола в поэзии Некрасова”, “Герой и его прототип”, “От факта к образу”, “Поэт незлобивый и поэт-сатирик” и др.). К этому циклу работ примыкают написанные с большим мастерством этюды “О фольклорных источниках стихотворения “Генерал Топтыгин” и “О двух легендах из “Кому на Руси жить хорошо”. Все эти предварительные разработки увенчались монографией “О своеобразии реализма Некрасова” – одной из лучших книг некрасоведов, опубликованных в послевоенные годы, – и книгой “От факта к образу и сюжету”» (См.:

Чистов К. В. М. М. Гин (1919–1984) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 5).

М. М. Гин был одним из инициаторов издания академического Полного собрания сочинений и писем Некрасова (В 15 т. Л.: Наука, 1981–2000). За помощью он обратился к А. Т. Твардовскому, который ответил ему письмом:

«14.IX.70. Уважаемый Моисей Михайлович! Мною доведено до сведения комитета по Некрасову Ваше предложение об академическом собрании сочинений. Дело это на поверку нешуточное, но кто-то будет ставить этот вопрос – мысль о необходимости “полного” Некрасова принята во внимание. Покамест суд да справа, как говорится, давайте Вашу записку, не повредит. С уважением. А. Твардовский» (Гин И. М., Лойтер С. М. Указ. соч. С. 108).

Естественно, что после принятия решения об издании ПСС М. М. Гин самым активным образом включился в работу: он занимался подготовкой текстов и составлением комментария во 2-м, 3-м и 11-м томах.

Перу М. М. Гина принадлежат исследования, посвященные Гоголю, Толстому, Чехову, Белинскому, Писемскому, Михайловскому, Горькому, Чернышевскому, Тургеневу. Особый интерес в 1970–1980-е годы он испытывал к двум писателям – Достоевскому и Салтыкову-Щедрину. В юбилейный 1971 год М. М. Гин напечатал в журнале «Север» большую статью «Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия». С годами эта работа разрослась до одноименной книги, над которой автор трудился до последних дней своей жизни (вышла в 1985 году после смерти ученого). М. М. Гин сделал творчество Достоевского одним из главных предметов научной и педагогической работы возглавляемого им коллектива. Таким образом, он был зачинателем того дела, которое превратило кафедру русской и зарубежной литературы ПетрГУ в признанный в стране и за рубежом центр изучения Достоевского.

М. М. Гин с Д. С. Лихачёвым

М. М. Гин на Первомайской демонстрации со студентами

М. М. Гин живо интересовался и проблемами развития современной ему отечественной словесности, в том числе создаваемой в Карелии. Он был председателем комиссии по критике в местном отделении Союза писателей и считал своим долгом откликаться на произведения Р. Рождественского (его сборник стихов вышел в Петрозаводске в 1955 году), В. Белова, Д. Гусарова и многих других.

Моисей Михайлович Гин был научным руководителем, стиль работы которого отличался спокойной доброжелательностью и уважением чужого мнения, даже если оно расходилось с его собственным и принадлежало начинающему

исследователю. Под его руководством писали диссертации В. Н. Захаров, А. Е. Кунильский, Н. Н. Старыгина (ныне доктора наук), В. В. Яковлев, Т. И. Старшова, П. Ф. Маркин и др.

М. М. Гином опубликовано более 150 работ, в том числе в таких изданиях, как «Вопросы литературы», «Русская литература», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», «Литература в школе», «Север», «Пуналиппу», «Дружба народов», «Литература и жизнь», «Нева», «Литературная Россия». Рецензии на его исследования печатались и в Советском Союзе, и за рубежом (в том числе во Франции, Польше, Чехословакии).

*А. Е. Кунильский
профессор кафедры классической филологии,
русской литературы и журналистики
Института филологии ПетрГУ*

ЛИТЕРАТУРА О М. М. ГИНЕ

1. Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 183.
2. Писатели Советской Карелии / Автор-сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 40–42.
3. Чистов К. В. М. М. Гин (1919–1984) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 3–6.
4. Моисей Михайлович Гин: Список научных трудов (1947–1988 гг.) / Сост. Н. Г. Евсеева, Р. М. Беляева. Петрозаводск, 1988. 29 с.
5. Теплинский М. Высокая надежность: (Штрихи к творческому портрету М. М. Гина) // Север. 1989. № 8. С. 105–106.
6. Калинина Л. И. Слово об учителе // Петрозаводский университет. 1994. 16 июня.
7. Кунильский А. Е. О М. М. Гине – десять лет спустя // Петрозаводский университет. 1994. 16 июня.
8. Беседина Т. А. Слово о друге // Петрозаводский университет. 1995. 3 февраля.
9. Захаров В. Н. «Не умею держать паузу» / Беседовала Т. Каракан // Лицей. 1995. № 5. С. 10.
10. Яковлев В. Учитель // Петрозаводский университет. 1999. 18 июня.
11. Гин И. М., Лойтер С. М. Памяти Моисея Михайловича Гина. К 90-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 6 (100). С. 107–109.

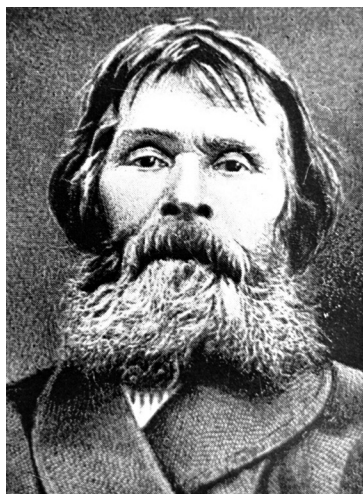
ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ М. М. ГИНА

1. Николай Алексеевич Некрасов. 1821–1877. Л.; М.: Искусство, 1949. 84 с. (Русские драматурги) (Соавт.: В. Е. Евгеньев-Максимов)
2. Семинарий по Некрасову. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 228 с. (Соавт.: В. Е. Евгеньев-Максимов)
3. Н. А. Некрасов – литературный критик. Петрозаводск: Гос. изд-во КАСР, 1957. 189 с.
4. Некрасов – драматург и театральный критик. Л.; М.: Искусство, 1958. 147 с. (Соавт.: Вс. Успенский)
5. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск: Карел. книжн. изд-во, 1966. 287 с.
6. Литература и время: Исследования и статьи. Петрозаводск: Карелия, 1969. 273 с.
7. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н. А. Некрасова. М.: Сов. писатель, 1971. 302 с.
8. Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. Петрозаводск: Карелия, 1985. 184 с.

VIII конференция по традиционной культуре Русского Севера

«РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2019»

23–28 сентября 2019 года, г. Петрозаводск

Конференция «Рябининские чтения» проводится музеем-заповедником «Киж» с 1991 года с периодичностью один раз в четыре года. Ее название является данью уважения к знаменитой династии былинных сказителей Рябининых, живших в Кижской волости Петрозаводского уезда. Конференция посвящена изучению традиционной народной культуры Русского Севера и объединяет специалистов разных научных дисциплин: фольклористов, этнографов, историков, археографов, языковедов, специалистов в области изучения народного зодчества, древнерусской живописи, народного прикладного искусства. Идея конференции принадлежит заведующей отделом фольклора музея-заповедника «Киж» Р. Б. Калашниковой (1952–2005). Важную роль в ее становлении и развитии сыграли известные ученые: доктор филологических наук Б. Н. Путилов, являвшийся председателем Оргкомитета чтений с 1995 года, и член-корреспондент РАН К. В. Чистов, который был председателем оргкомитета чтений с 1999 года. С 2003 года председателем научного оргкомитета конференции является доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Т. Г. Иванова.

В рамках секционных заседаний конференции предполагается рассмотреть следующий круг тем:

- Деревянное зодчество и народное искусство: проблемы изучения, сохранения и реставрации.
- Фондовые коллекции музеев как источники изучения традиционной культуры.
- Фольклорное наследие Русского Севера (эпос, лирика, сказочные и несказочные жанры, обряды и обрядовая культура и др.).
- Этномузыковедение и инструментоведение.
- Языковой образ культуры Русского Севера.
- Книжность и литература: проблемы источников и поэтики «северного текста».
- Православие на Русском Севере.
- Проблемы этнической истории Русского Севера.
- Киж: история и культура.
- Изучение и музеефикация традиционных технологий.
- Вопросы актуализации народной культуры.

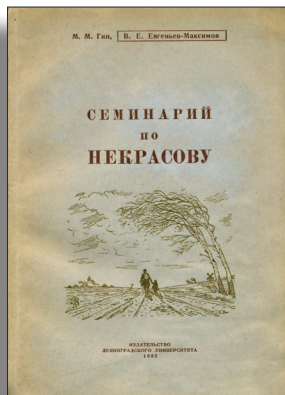
С материалами по подготовке конференции «Рябининские чтения» можно ознакомиться на сайте музея-заповедника «Киж»: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/konferentsii-i-seminaryi/929>.

Дополнительную информацию о «Рябининских чтениях» можно получить в музее-заповеднике «Киж» у ученого секретаря Рычковой Екатерины Анатольевны

тел.: (8142) 79-98-01, e-mail: rychkova@kizhi.karelia.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Novoselova V. A.</i> TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGISMS AS A MEANS OF VERBAL EXPRESSION IN POLITICAL DISCOURSE.	61
Interview		<i>Orekhov B. V.</i> SPECIFIC WORDS AND PHRASES OF RUSSIAN CLASSIC WRITERS OF THE XIX CENTURY: AN ESSAY ON A CONTRASTIVE CORPUS STUDY	70
Interview with A. N. Varlamov.	8	<i>Skuridina S. A.</i> ANTHROPONYMIC SYSTEM OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S <i>UNCLE'S DREAM</i>	76
LITERARY STUDIES		<i>Solovyova S. A.</i> PARATAXIS AND ITS FUNCTIONALITY (IN THE PROSE OF PASTERNAK)	82
<i>Dyuzhev Y. I.</i> "MYSTERIOUS IS SOUL'S LABOR..." (ALEK- SEY AVDYSHEV'S PHILOSOPHICAL LYRIC POETRY)	10	<i>Kazakovceva O. S.</i> THE ORDER OF ATTRIBUTIVE COLLOCA- TIONS COMPONENTS IN THE OLD RUSSIAN TEXTS FROM THE PERIOD BETWEEN THE XI AND THE XIII CENTURIES	88
<i>Mironova V. P.</i> SPECIFIC ARTISTIC AND STYLISTIC FEAT- URES OF THE FINNISH-LANGUAGE LYRI- CAL SONGS IN KARELIA (A CASE STUDY OF A SONG OF THE TITANIC)	18	<i>Rozov V. A.</i> TRADITIONAL AND MORPHOLOGY-ORIEN- TED APPROACHES TOWARD THE QURANIC RHYME	94
<i>Skoropadskaya A. A.</i> THE QUESTION OF CLASSICAL EDUCA- TION IN FYODOR DOSTOEVSKY'S JOUR- NALISM	25	Discussions	
<i>Kazakova M. V.</i> TREE SYMBOLISM IN BILINGUAL LYRIC POETRY BY ARMAS MIŠIN (AKA OLEG MIŠIN AND ARMAS HIIRI)	31	<i>Loiter S. M., Yasnov M. D.</i> CHILDREN'S LITERATURE, CHILDREN'S POETS AND CHILDREN'S READING	101
LINGUISTICS		Reviews	
<i>Patroeva N. V.</i> IMAGES OF FINLAND AND KARELIA IN RUS- SIAN ROMANTIC LYRIC POETRY: FORMA- TION OF POETIC TRADITION AND SYNTAX OF TROPE CONTEXTS	37	<i>Sharapenkova N. G.</i> The book review: Kunil'skiy A. E. Life as a Literary Theme in Russian Literature of the XIX Century and in Fyodor Dostoevsky's Works.	108
<i>Sadova T. S., Rudnev D. V.</i> CRYSTALLIZATION OF FORMAL SPEECH IN THE PETRINE ERA	43	Memory	
<i>Dviniatin F. N.</i> QUANTITATIVE GRAMMAR OF POETICAL TEXT: SOME PRELIMINARY RESULTS.	48	In memory of N. A. Krinichnaya	110
<i>Kostiuk N. A.</i> SCIENTIFIC AND LITERARY COGNITION OF THE WORLD IN VLADIMIR SOLOUKHIN'S PROSE	55	In memory of V. P. Krylov	111
		In memory of T. G. Malchukova	112
		<i>Kunil'skiy A. E.</i> To the 100th birthday anniversary of M. M. Gin	114
		Scientific information	117

М. М. Гин, В. Е. Евгеньев-Максимов

СЕМИНАРИЙ ПО НЕКРАСОВУ

«Семинарий» посвящен творчеству величайшего поэта русской революционной демократии. Работа имеет следующие разделы: 1) вступительная статья; 2) хронологическая канва жизни, журнальной и поэтической деятельности Некрасова; 3) краткая библиография сочинений Некрасова и литературы о нем; 4) темы для самостоятельной работы.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов вузов.

Гин Моисей Михайлович и **Евгеньев-Максимов** Владислав Евгеньевич. Семинарий по Некрасову. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1955. 228 с.

М. Гин

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

В сборник вошли статьи, в разное время печатавшиеся (полностью или фрагментарно) в журналах «Вопросы литературы», «Русская литература», «Литература в школе», «Север» («На рубеже») и академических изданиях. Статья «Судьба одного сюжета» и большая часть статьи «Народ и революция в поэзии Некрасова» печатаются впервые. Все другие статьи дополнены и уточнены. В соответствии с кругом интересов автора на первом месте работы о Н. А. Некрасове, затем на другие темы, связанные с историей русской литературы XIX века, и, наконец, статьи об истории и современной литературе Карелии и Севера.

Гин Моисей Михайлович. Литература и время. Исследования и статьи. Петрозаводск: Карелия, 1969. 276 с.

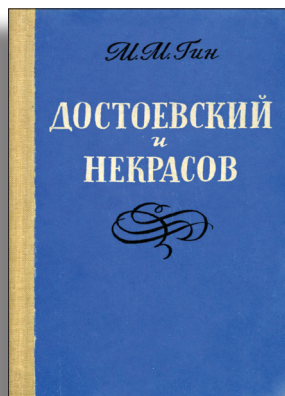
М. Гин

ОТ ФАКТА К ОБРАЗУ И СЮЖЕТУ

Внимание исследователя сосредоточено на изучении художественного мастерства Некрасова, на выяснении принципов его творческой работы. На основе тщательного изучения творчества Некрасова и его эпохи автор дает убедительный анализ своеобразия творческой лаборатории поэта, ощутимо показывает, как факт действительности (или литературы, или мотив фольклора), проходя через магический кристалл творчества, претворяется в художественный образ и сюжет, в произведение искусства.

Книга будет интересна не только специалисту-литературоведу, но и каждому, кто любит творчество Некрасова.

Гин Моисей Михайлович. От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. А. Некрасова. М.: Сов. писатель, 1971. 304 с.

М. М. Гин

ДОСТОЕВСКИЙ И НЕКРАСОВ

Книга известного советского литературоведа М. М. Гина (1919–1984) дает представление об идейных и творческих взаимоотношениях двух художников, выявляет их общность и резкое своеобразие как в идейном, так и в художественном отношении. Сопоставление двух классиков дается в свете современных актуальных литературоведческих проблем.

Гин М. М. Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 184 с.

